

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

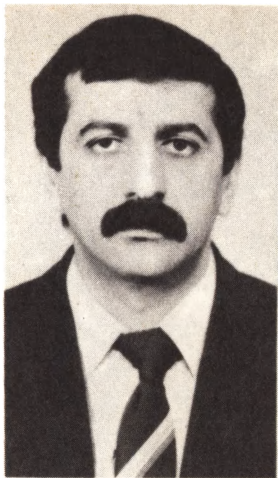
**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

1988

Иосиф МИГИРОВ

Талисман

Иосиф МИГИРОВ родился в 1951 году в городе Нальчике Кабардино-Балкарской АССР. После службы в армии работал инструктором по культмассовой работе в Доме культуры, корреспондентом районной и областной газет.

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького.

«Талисман» — первая книга молодого писателя.

Я с интересом прочитал роман Иосифа Мигирова «Талисман». В нем показана обыденная жизнь горского поселка; разные семьи, люди разных поколений — от стариков до нынешних молодых людей; работа, каждодневные заботы, нравственные конфликты, житейские разговоры и совсем не житейские, а скорее философские размышления о жизни, о мире, о добре и зле, о смысле человеческого существования, — и в целом возникает «кусочек» жизни, не замкнуто горский, а раскрытый в действительность, с чертами современности, проблемами нашего времени. Изобразительная одаренность автора бесспорна: в романе много живых сцен, подробностей, создающих колорит местного быта, образа жизни.

У каждого из героев — своя жизненная позиция, их нравственные, духовные интересы не «прикладываются» к тексту, а органически сплетаются с житейским материалом. Не украшены и взаимоотношения людей, что видно в моральных конфликтах повести.

В последнее время в печати стали больше говорить о народной морали, традициях ее, которые, оказывается, могут еще пригодиться. И хорошо, когда молодой автор обращается к этим традициям. Достоинство романа Иосифа Мигирова и в том, что он обращается к народной мудрости, к опыту стариков, помогающему молодому поколению лучше разобраться в жизни, в ее истинных и мнимых ценностях.

Михаил ЛОБАНОВ

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

1988

Иосиф
Мигиров

Талисман

Роман

Москва
«Молодая гвардия»
1988

Художник Тамара ЗУЙКОВА

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а

**© Издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1988 г.
№ 21 (336)**

**Выпуск произведений в «Библиотеке журнала ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия» приравнивается к журнальной публикации.**

Часть первая

СТРОИТЕЛИ

1

Поселок стихал. Последние одиночные звуки, вспорхнув, гасли и растворялись над ним, словно птицы в чуткой и темной ловушке. Лишь на трассе, отделявшей поселок от города, с надрывным ревом проносились запоздалые автомашины. И когда они исчезали, снова наступала тишина. И снова тихие огни поселка оживали.

Далеко за полночь на трассе появилась одинокая фигура Моки. Он шел быстро, наклонив вперед узкие плечи, и, свернув на обочину, остановился.

Сколько дней и ночей он не был в поселке, Мока не ведал. «Недавно» и «давно», часы и дни — все то, что люди называли

временем, для Моки не существовало, а если и давало о себе знать — то тягучей тоской, и тогда его сердце требовало одного — возвращения.

Как и когда он впервые появился в поселке, никто не знал. Казалось, он был там всегда, как зеркало в каждом доме.

С минуту Мока вглядывался в ночную темень, узнавая притихшие дома, потом протянул руку, качнул ладонью из стороны в сторону, словно опробовал тепло неведомого источника энергии. Потом достал из кармана поношенных брюк кусочек школьного мела, присел. От худого тела, разлохмаченной головы скользнула и вытянулась причудливая тень.

С минуту Мока водил по асфальту мелком, затем осмотрел рисунок.

На тускло освещенной дороге белела причудливая рожица.

Мока поднялся, шлепая разношенными ботинками, перешел дорогу и исчез у крайних домов поселка.

Не давала покоя бессонница, ворочала с боку на бок, точно крутая река тяжелый камень. Тревожило сердце. С чего эти боли? Старик Илья был еще крепок, всю жизнь работал и работы не боялся, если надо было, подрабатывал и на старости: кому под фундамент землю выроет, кому колодец.

Жил он в низеньком саманном домике, обветшавшем от старости. Думал поднять новые стены, но погибла жена, сбитая автомашиной, и что-то сдавило, пригнуло душу. А потом, когда выжгло боль и даже вспоминалось о жене с улыбкой, дни пошли какой-то иной тропой, и раз за разом откладывалась стройка до неизвестного «придетвремени» — с весны на весну, точно в ожидании чего-то неизбежного, что обязательно придет и разом изменит судьбу дома и старика. Потом, когда сын повзрослел, пришло решение начать стройку с ним. Пусть положит и свой труд: когда строишь своими руками — дом роднее. Теперь сын был в армии и до конца службы оставалось чуть больше полугода.

Так и разматывались стариковские дни. Одиночество научило

его умению сосредоточенно думать. И когда попадалась мысль, то подступал к ней Илья вплотную, добирался до неответного, точно, копая колодец, штык за штыком погружался в землю...

Не спалось старику. Хотя прошел и этот сердечный приступ, не уходили мысли. О многом думалось в эту ночь: о доме, о сыне, накопленных деньгах, работе. На днях предложили вырыть колодец. Семен, товарищ Ильи, купил на соседней улице заброшенный двор и решил строиться. Старик работать согласился. А сердечные боли пройдут. Есть еще сила к жизни.

Мока исходил весь Поселок и направился к своему прибежищу — дому Ильи. Он знал, что калитку старик никогда не запирает, а дверь дома открывалась просто: нужно оттянуть ее, просунуть ладонь в щелку и подбить крючок. Мока это умел. А на случай, если старика не было, существовало окно. Мока пользовался и этим способом. Илья не сердился. И порою, войдя в дом, увидев Моку, ухмылялся: «Что? Своим ходом?..»

Впервые в доме Ильи Мока появился год назад, когда сын старика уже находился в армии. В тот день Илья возвращался из магазина и увидел одиноко сидевшего на бордюре взлохмаченного человечка. Старик знал его, но никогда не заговаривал. Но в то утро погода была чудесной: солнце щедро светило в небесной голубизне, весь мир казался устроенным и беззаботным, а маленькая фигурка Моки приютилась у обочины как заброшенное деревце. Мока сидел неподвижно, смотрел в одну точку и лишь изредка подносил ко рту корку хлеба. Что-то оборвалось в душе старика, он подошел к Моке, заговорил. Потом позвал к себе. Мока обвел взглядом контур старика на асфальте и пошел за ним следом. С тех пор, в любое время: утром, днем, в полночь — когда угодно — Мока мог появиться в доме Ильи. Был старик дома или нет, для Моки не имело значения. Когда он хотел есть, то доставал из алюминиевой кастрюли хлеб и отламывал краюху. А если клонило ко сну, снимал с гвоздя старую шинель и устраивался в коридорчике на полу.

...Мока подошел к своему прибежищу, открыл калитку, прошлепал по двору, увидел, что на двери нет замка, потянул ее, просунул в щелку ладонь и скинул крючок.

Знакомый запах стариковского жилья ударил в ноздри. Мока всмотрелся в полумрак, прошел в комнату, склонился над постелью: Илья спал.

Мока нашел свою шинель и устроился под окном.

Подступило новое апрельское утро. В соседском дворе прокричал петух и через некоторое время прогорланил второй. Поселок пробуждался.

В домик Ильи, высвечивая скудную обстановку, вливался утренний свет.

Несмотря на бессонницу, Илья проснулся рано. С минуту полежал и потом начал не спеша одеваться. Поскреб жесткую седую щетину на щеках и подбородке, проворчал:

— Давно так не обрастал...

Он протопал в коридорчик, снял с газовой плиты чайник, подошел к двери.

— Вроде бы закрывал,— удивился, глядя на снятый из петли крючок.— Неужели забыл?..— И распахнул дверь.

Утро освежило крепкую грудь старика. Он посмотрел в голубое небо и, гремя чайником, направился во двор, к крану, и перед домиком удивленно остановился: на кирпичиках, сдвинув острые коленки, грелся на солнышке Мока.

— А-а, брат мой,— обрадовался старик.

Мока прижался щекой к его сильной руке. Илья похлопал по Мокиному худенькому плечу, отвел глаза в сторону и вздохнул:

— Сколько горя по земле разлито! Сколько горя! — И, улыбувшись, добавил: — Ну, ничего, брат мой, сейчас мы с тобой чай поставим, посидим...

Завтракали под разлапистым ореховым деревом. На сколоченном Ильей столе дымились два стакана ароматного чая, лежали на тарелке ломтики хлеба и сыра. Солнце золотило бронзовый цвет чая, празднично играло на белых округлых боках чайника.

Старик невольно залюбовался его сверкающей белизной и благодарно произнес:

— Работа Ланы. Ты ее знаешь — соседская девушка.

Мока внимательно посмотрел на старика своими светлыми глазами. Илья отхлебнул из стакана и продолжил:

— Хорошая она. Чистоту любит. Сыну бы такую.

Старик задумался, взгляд его замер на остром лезвии ножа.

Мысль о Лане приходила и раньше, но Илья не придавал ей особого значения. Но теперь, когда скоро придет сын...

Мока вопросительно коснулся руки Ильи.

— Задумался,— ответил старик,— такое дело получается... Арсен скоро придет, а тут Лана... Соседка ведь... Понимаешь? Понравится ему. Знаю — понравится.

Мокины пальцы что-то поняли в руке Ильи, он снял свою узкую ладонь с его руки, ссутулившись, опустил разлохмаченную голову.

Старик вопросительно посмотрел на Моку:

— Ты что обиделся?.. Я же ничего такого... Она хорошая девушка, добрая. Но тут... понимаешь?.. — И осторожно взглянул на соседский дом. — Я, брат мой, может, и не верю. Но вот разговоры... Люди от зависти и даже от нечего делать могут так испачкать человека, что на всю жизнь хватит. А что сделаешь? — Старик развел руками: — Много в человеке не от человека.

Мока поднял голову. Илья смотрел в его глаза, и ему казалось, что он заглянул в зеркало и увидел себя. Старик не выдержал взгляда.

— Ну, виноват. Чего ж теперь?

И тут же отметил про себя, что сидевший перед ним обиженный судьбой человечек оказался по-человечески выше, покачал головой.

— Что делать, брат мой, обижайся — не обижайся, а с людьми что-то случилось. Все как будто как и раньше: солнце то же и небо вон такое же, а чего-то давно уже нет. Может, самого важного нет... Не то потеряли, не то сами отказались...

Старик умолк, посмотрел на Моку, проговорил в сторону:

— Знаешь, чего нет, брат мой? Веры нет... А жить без веры,

что строить дом на болоте... Такие дела, брат.— Илья задумался, пригладил бороду и уже негромко, точно разговаривая с собой, произнес: — Верить надо. И все! Но человеку, Мока, мало только верить. Он поверит и сразу же спросит: «А почему я верю? Почему?..» Да-а. Бездонный колодец: до воды не достать. И не доставать тоже нельзя.

Старик снова умолок, потом поднял голову, обнял Моку за плечи:

— Что-то, брат мой, у нас разговоры невеселые. День-то какой — только жить да радоваться.— Он расправил плечи, встал, собрал со стола стаканы и блюда: — Ладно, брат мой. Чаю попили, пора и на работу.

В соседском доме открылась дверь. Сквозь сетчатый забор Илья увидел вышедшую на порог бабушку Ланы — Бэтие.

— Доброе утро, мать моя,— приветливо окликнул ее старик.

— Дай бог тебе здоровья! — отозвалась Бэтие и, спустившись с крыльца, по-старушечьи не спеша направилась к временке, стоявшей в глубине двора.

Илья с уважением проводил ее взглядом. Мока взглянул на старика и зашагал к воротам.

— Увидимся, значит...— сказал ему Илья и возвратился в дом. Заправил кровать, осмотрел напоследок комнату, навесил на дверь замок-гирьку. Плоский ключик, похожий на крест, сунул в карман брюк.

Поселок уже был на ногах: люди спешили на работу.

Дома Поселка — одноэтажные, с мансардами — встречали новый день. Некоторые из них Илья выстроил сам, многие подстраивал, штукатурил, переделывал. И никто из хозяев в обиде не был.

Старик шел по улице, отвечал на приветствия. Он знал о себе много хорошего, знал и то, что если бы жизнь его сложилась иначе, то вышел бы он в «большие» люди. Мог бы, окажись его родители богатыми, получить образование. Родителей своих Илья любил, а теперь любил память о них. Кто знает, как бы пошла его жизнь и жизнь сына, оставшегося в десять лет без матери, если бы не родители Ильи. Прожили они около восьмидесяти лет,

умерли друг за дружкой. Сначала мать, а потом, через четыре месяца, отец. В самомном домике остались Илья и его пятнадцатилетний сын. Были у старика еще две сестры, старше его, но те жили каждая для себя, Илью не признавали, особенно в последнее время, когда стали жить побогаче. Старик относился к ним равнодушно, не мог их любить, но и не любить тоже. Порою ему становилось обидно. Он не мог понять, отчего так получается на этом свете — выношенные под одним сердцем становятся чужими.

О детстве у старика сохранилось немало воспоминаний. Особенно запомнился один день.

Илье было лет восемь. Он сидел за столом в доме друга. На столе в большой тарелке лежали горячие картофелины. А рядом на сковороде — поджаренные кусочки баранины. Такого лакомства Илья никогда не пробовал. За столом сидели и родители друга. Они предложили Илье есть и не стесняться. Илья помнил, как взял одну картофелину, но протянуть руку к маняще поджаренным ребрышкам баранины не осмелился.

— Не хочу. Спасибо,— отвечал Илья и помнил свой страх: как бы не заметили, что взгляд его так и тянет к сковороде, к этой проклятой баранине. Так и просидел он за столом, опустив голову, с трудом удерживая взгляд на картофелине.

Сейчас времена другие. Да и деньги у старика имелись. Пусть заработанные нелегким трудом, но имелись. Работать Илья мог с утра до ночи — сколько понадобится. Но это была не жадность, это было желание сделать жизнь единственного сына красивее, лучше.

За квартал до трассы Илью догнал невысокий моложавый мужчина с аккуратно стриженной головой:

— Доброе утро, брат!

— Доброе, доброе, Александр! — ответил старик и большой крепкой ладонью пожал юркую сухощавую руку.

Александр был ровесником Ильи — обоим исполнилось по пятьдесят три года.

— На работу? — спросил Александр, глядя на Илью моложавыми черными глазами.

Старик кивнул.

— Тот дом еще не закончили?

— Работы еще много,— ответил старик.

Илья работал в одном из стройуправлений, и сейчас в самом центре города они поднимали двенадцатитажный дом.

— Сейчас будет она,— сказал он.

— Кто она? — спросил Александр.

— Посмотри в то окно,— Илья показал глазами на угловой дом с низкими окнами.

— А-а, ты про нее говоришь,— догадался Александр, поднимая голову.

Из низкого окна, наполовину задернутого серой, видно, давно не стиранной шторкой, смотрело женское пожилое лицо. Волосы были неаккуратно зачесаны к затылку, и на лицо падали седые пряди. Но глаза смотрели цепко, точно пытались что-то вызнать в лицах прохожих.

Старик и Александр прошли мимо. Немигающие глаза проследили за ними.

— Вот так и сидит целыми днями,— сказал Илья.

— Старуха с историей,— улыбнулся Александр.— Люди говорят, что ее свои же дети обокрали. Наследство, говорят, у нее было...

— Наследство! — перебил Илья с досадой.— Люди не думают, что есть другое наследство. Вот это небо, солнце, вон те горы... Люди об этом не думают. И обворовывают и себя и других. Не деньги ведь воруют. То же самое небо и солнце по кускам к себе тащат...

Александр искоса взглянул на старика, улыбнулся.

На трассе товарищи распрощались.

2

Теперь, когда стояли погожие апрельские дни, игры, беседы выносились на волю: во дворы и на улицы.

Пришел черед и бильярда Васьки-градусника. Пробыв долгую

зиму в сарае, он стоял сейчас под шиферным навесом. Васька-градусник — невысокий тонкий двадцатипятилетний мужичок — вытирал пыль со старого выбитого шарами сукна. Градусником Ваську прозвали в каком-то давнем споре: «Я тебя, как градусник, в подмышку суну!» — сказал ему сгоряча обиженный спорщик, и с того часа пошло-поехало: Васька-градусник. Но говорили за глаза. В лицо же в самых крайних случаях: несмотря на то, что Васька не удался видом, зато язык у него был не простой, и сам кому угодно мог прилепить такое прозвище, что потом не смыть никакими геройскими поступками.

В субботу у Васьки собралось четверо друзей. Глухо стукали желтые костяные шары.

Васька обычно «пролетал» и большую часть времени высиживал в очереди.

Вместе с Васькой ждал очереди и Малик — добродушный молчаливый парень. Чуть поодаль сидел Феликс. Закинув ногу на ногу, он обтачивал карманной пилкой ногти. Изредка вскидывал мутноватые, как несвежий чай, глаза и сплевывал.

— Завтра я хороший кий закажу, — сказал Васька, щуря карие глаза, — а то у Жоры что-то шарики не туда идут.

Жора прижал к борту молодое брюшко, устроил меж пальцев кий и подмигнул товарищам:

— Закажи-закажи. Только чтоб под твой рост. Удобно будет.

— Что это он тебя с кием сравнивает? — усмехнулся Феликс.

— Говорите, говорите. Все, что душа ни пожелает. Только что толку от вашего роста.

— Тебе мой рост не нравится? — перебил Жора. — А жаль. Могу одолжить. Сколько хочешь? Десять сантиметров? Двадцать? Бери. Для тебя не жалко. Хоть воздухом подышишь.

Отворилась калитка, и все обернулись.

— Встать! Суд идет! — закричал Васька, нарочито выпячивая грудь.

«Судом» был товарищ Васьки Матвей. Плечистый, выше среднего роста, с черными внимательными глазами. Короткие рукава

рубашки обтягивали упругие бицепсы. Несмотря на молодость, густые черные волосы Матвея покрывала сильная проседь.

— Бог в помощь! — улыбнулся он.

— Здорово, Прокурор! — Васька подал Матвею костлявую руку.

— Даю тебе сто лет... Условно, — улыбнулся Матвей.

Глухо ударили бильярдные шары: игра возобновилась.

— Согласен и на двести, если проживу, — ответил Васька.

— Ты и триста проживешь.

— Что? Такой уж я плохой?

— Почему плохой. Очень даже хороший. Никому не мешаешь. Почему бы и не пожить. Вон, ворона и триста живет. Ты разве хуже? — Матвей обнял Ваську за плечи.

— Не-ет, не проживу, — протянул Васька, — у меня питание другое.

— А если б сказали — питайся как ворона — триста лет проживешь, согласился бы?

— Не надо мне таких и четырехста. — Васька стрельнул окурком в сторону ворот: — Чем дохлятину жрать, лучше я пятьдесят проживу, но буду кушать, что моя баба готовит.

— А ворона думает по-другому, — усмехнулся Феликс мутноватыми глазами.

Все вопросительно посмотрели на него.

— Что уставились? — Феликс полюбовался ногтями: — Эх, молодежь! Стоит только человеку сказать, что от дохлятины он триста лет проживет, так он эту дохлятину деликатесом сделает. И не то что на триста, на сто согласится. — Он ухмыльнулся, но через минуту уже раскаивался в том, что сказал: Васька напомнил о своем таланте.

— Значит, ворона, — нарочито задумчиво произнес он и повторил вполголоса: — Гарга*.

Все рассмеялись: поняли, что в Поселке состоялось еще одно крещение. Феликс попытался выкрутиться.

* Гарга — ворона (татский).

— А что? — быстро спросил он. — Чем ворона плоха? От вороны, во всяком случае, пользы больше, чем от человека.

— А никто и не против, — сказал Васька. — Никто и не против. Гарга — так Гарга!

Все рассмеялись.

— Что? Митя всех выставляет? — быстро спросил Феликс, желая увести разговор от себя. Но уже было поздно.

— Значит, говоришь — больше пользы? — Матвей посмотрел на Феликса.

— А что, не так?

— Так. Даже очень так. Только жизнь — не удобрение: одной пользой не измеришь. Работай, ешь, пей, люби женщин и никому не делай плохого. Вот и будет польза.

— Дай бог тебе здоровья! — обрадовался Васька. — Не зря я тебя Прокурором назвал. Мамою клянусь — правда! А то — ворона... польза...

— Теперь вам на год хватит, — вздохнул Феликс. — Ну ошибся человек. Не стрелять же теперь...

— Как, Прокурор? — кивнул Васька на Феликса.

— Десять лет строгого режима! — определил Матвей.

— Вот так! Живешь, живешь и ни за что, ни про что в тюрьму... — усмехнулся Феликс. — Хотя бы скинул немного.

— Как, Прокурор? — спросил Васька.

— Нельзя.

— Вот, — Васька поднял указательный палец. — Раньше нужно было думать.

— По-моему, он взятку хочет. — Феликс кивнул на Матвея. — Как говорится: знай, что хочет ближний от другого ближнего.

— Ты что? Суд не продается... Но если как своему. — Васька сощурил лисьи глаза.

— Действительно, Прокурор, что было, то было. — Жора хлопал себя по брюшку. — Прости его. Он нам и магарыч поставил.

— Ну, если как своему... — нарочито серьезно ответил Матвей.

— Да жить Прокурору сто лет! А магарыч откладывать нельзя!

— Пожалуйста! Какой разговор! Лишь бы на свободе жить,— подыграл Феликс.

Его и Малика отправили в магазин.

— Сыграем? — предложил Жора Матвею.

— Сыграем.

Выставили треугольник. Жора сильным ударом раскатал шары.

— Забивай сколько хочешь. Я сегодня добрый.

— Ты всегда добрый.— Матвей прицелился в угловую лузу, вогнал в нее шар. Второй столкнулся с другими. Матвей снова ударил, и еще один шар опустился в сетку.— Люблю эту игру.— И осмотрел зеленое сукно бильярда.

— Еще бы! Шар за шаром влетает,— усмехнулся Жора.

— Да не потому. Тут, брат мой, как в жизни. Шарик друг друга работать заставляют. Катятся, друг дружку подталкивают. Как у людей: слово одного рождает слово другого, поступок одного рождает поступок другого. Вот Феликса в магазин послали, а он и Малика с собой прихватил. У Васьки, дай бог, сын родится, кто-то на ус наматает. Так и толкаемся... Все на одном сукне.

— Кто на сукне, а кто в лузе,— рассмеялся Васька.

— Тоже верно.

— Я сейчас,— сказал Васька и пошел к дому в глубине двора, крикнул: — Лена! Где ты там?

На крыльцо вышла молоденькая беременная женщина:

— Ну чего кричишь? — нахмурясь, спросила она.

Васька с достоинством осмотрел жену, оглянулся на друзей и подобревшим голосом проворковал:

— Ничего, мое солнышко... Как он там? — И кивнул на живот.

— Вертится. Наверное, будет точно такой, как ты,— улыбнулась Лена.

— Значит, деловой мужик будет!.. Приготовь нам что-нибудь...

— А что?

— Ну мясо пожарь...

— Плов подогреть?

— И плов тоже.— Васька благодарно посмотрел на жену и мотнул головой: — Эх, и соскучился я по тебе... Съел бы сейчас.
— Терпи уж.

Васька махнул рукой и вернулся к товарищам.

Часа в четыре сели за стол. Веселились. Захмелевший Малик изредка вскидывал голову, сонным взглядом обводил застолье и с ударением вздыхал:

— Ни-че-го не понимаю.

Включили магнитофон. Васькин дом точно вскипел и осветился горячей мелодией.

В соседней комнате у окна, сложив на округлом животе руки, слушала музыку Лена. Нежная и горячая мелодия входила в ее сердце, боязно и сладко уносила в уже недалекое будущее, где она видела в своем доме радостное застолье и прижимала к груди своего маленького ребенка.

За окном опускался теплый вечер. Ясно зеленели в закатном свете молодые листья черешни. Лена вдруг остро ощутила в себе и цветущее дерево, и синее небо, и весь потонувший в музыке мир. И впервые, с замиранием сердца, ясно поняла, что все это прекрасное было и будет для маленького существа, притихшего под ее сердцем.

В комнате зажгли свет. Матвей поднялся из-за стола.

— Ты куда? — насторожился Васька.

— Посижу на диване.— Матвей сел вытянувшись, закинул руки за голову. Рядом, свернувшись калачиком, неслышно спал Малик.

— Иногда суд очень неплохое дело,— подмигнул Жора, поглядывая на Феликса.— Главное, чтоб приговор стоящий был.

— Конечно,— откликнулся Феликс,— на чужом приговоре и я не прочь пожить... А у тебя хорошая специальность, Прокурор,— обратился он к Матвею.— Как приговор, так магарыч. Как приговор, еще магарыч. Можно и не работать. Знай себе объявляй налево и направо.

— Правильно говоришь,— лениво ответил Матвей.— Только Прокурора еще заслужить надо.

У Васьки просидели часов до одиннадцати. Поблагодарив его и Лену, вышли на улицу.

Стоял свежий апрельский вечер. Серебряные капли звезд, мерцая, уносились в густое темное небо. Несмотря на прохладу, освещенная фонарями улица еще не замерла: светя фарами, проносились редкие автомашины, встречались прохожие. По соседству с Васькиным двором, как ночные птицы, сидели на скамейке женщины.

Друзья простились. С Васькой остался один Матвей. Курили. Перебросились несколькими фразами.

Матвей всегда носил с собой копейку 1939 года. Он повертел ее при свете уличного фонаря, подбросил щелчком. Монета в быстром вращении взметнулась метра на два. Матвей поднял руку, но Васька неожиданно быстро перехватил ее на лету и повернул к свету. Она была стертой, с острыми отшлифованными гранями.

— Та? — спросил Васька.

— Она самая.

— Сколько? Года два уже носишь?

— Года два будет.— Матвей смотрел на монету в Васькиных руках.

— Мамой клянусь, я бы давно уже потерял,— добродушно усмехнулся Васька.

— Нельзя. Она у меня счастливая.

— Ну тогда держи свою счастливую...

Матвей осмотрел монету и положил в карман, попрощался с товарищем и пошел по тротуару.

В чьем-то окне заплакал ребенок, Матвей подумал о сыне, мысли о нем замедлили шаг. Хотелось увидеть его.

Около года назад Матвей поссорился с женой: запрещал часто бывать в доме ее родителей. Может быть, все обошлось бы, но вмешались мать Риммы и брат. Началась вражда, и сын Лешка попал к родителям Риммы. До развода дело как-то не дошло, но все это время пробежало в неопределенности, колебаниях: с Риммой виделись, ссорились, мирились, казалось, любили друг друга,

но она по-прежнему с трехлетним Лешкой находилась у родителей.

Матвей подошел к высоким железным воротам, толкнул калитку. Звякнула ручка-кольцо, но калитка не поддавалась. Матвей закурил, после нескольких глубоких затяжек постучал кулаком в ворота. Потом еще раз.

— Кто там? — крикнули наконец со двора.

— Позови Римму, — с неприязнью ответил Матвей.

— Нету ее! И давай катись отсюда!

— Если ты ее не позовешь, я тебе еще один больничный выпишу!

— Дима, кто там? — слышался женский голос.

— Да этот приперся... Прокурор хренов.

— Кто там, мама? — слышалось из окна.

Матвей узнал Римму.

— А ну скройся! — пригрозил ей брат. — Если ты сейчас выйдешь к нему... смотри потом!

— Уходи отсюда! Я сейчас милицию позову! — пригрозила Матвею Риммина мать.

Шаги за воротами стихли. Ударил дверь. Матвей посмотрел по сторонам. Улица, как тусклый тоннель, мерцала в свете фонарей.

Поселок зябко кутался в ночь. Становилось холодно. Матвей поднял ворот пиджака, направился к дому.

Впереди замаячила одинокая сутулая фигурка. Человекек смотрел под ноги, неторопливо, словно погруженный в вязкие мысли, переходил дорогу.

— Мока! — окликнул Матвей.

Человечек остановился, медленно повернув голову, замер.

— Что-то давно тебя не видно было. Где это ты ходил-бродил? — Матвей дружески похлопал Моку по худенькому плечу: — Как поживал? Ничего?

Они побрели по безлюдному тротуару.

— Такие дела, друг мой, — думая о своем, вздохнул Матвей. — По-моему, в поселке не спят всего два человека. Ты и я. Хочешь, пойдем ко мне? Или ты от своего старика — никуда?

Он знал, что Илья приютил этого бездомного человечка, знал и самого старика. Познакомились они случайно. Как-то, возвращаясь из города на своей машине, у остановки автобуса Матвей заметил Илью. Он пригласил старика в автомобиль, и по дороге они разговорились.

Матвей знал, что старик хороший строитель, добросовестный мастер, и в памяти его он так и значился — вечный работяга, но не более. Тогда же за десять минут езды Илья несколько удивил Матвея. Неожиданной показалась его речь: немногословная и уверенная. Казалось, он и говорит, точно ведет кладку: каждое слово имело свое выверенное место.

Одна фраза из того разговора невольно заставила Матвея пристальней вглядываться в старика:

— Жить без веры,— сказал Илья,— что строить дом на болоте.

Эти слова так и остались в памяти.

После той встречи Матвей еще не раз встречался со стариком, но теперь они были как старые знакомые. Однажды Илья пригласил его к себе. Матвей хорошо помнил тот вечер, маленькую комнату старика, его рассказ о своей жизни.

Старик был открыт, располагал к откровению, и в беседе с ним невольно забывалась извечная житейская мудрость: «Не раскрывай души своей, ибо сегодняшний твой друг — твой завтрашний враг».

В тот вечер они снова заговорили о вере.

— Ни во что не верю,— вырвалось у Матвея.

Старик виновато улыбнулся:

— Безверие иногда начало новой веры.

— А почему иногда?

— Все мы люди — человеки,— пояснил Илья.— Все живем в одном мире. Даже в одном этом мы уже похожи. Все мы... наверное... рано или поздно разбиваемся об этот мир. Все. Все одинаково и каждый по-своему. У кого какая судьба. Только не каждый потом оживает, если нет веры. А без нее нельзя человеку. Кто это понимает, тот начинает искать... Искать веру — тоже вера.

Старик вспомнил о своей соседке Лане:

— Ты с ней похож...— И взглянул на Матвея.— Она тоже говорит: не верю. Правда, у нее совсем другая жизнь. Не повезло ей. Ни за что оклеветали девчонку. Тут не только потерять веру, озлобиться... две секунды. Ее понять можно. Ну, а у тебя-то что? У тебя есть все. А с женой помириться. Посложней дела бывали, не то что у вас. Так что горевать тебе не о чем...

Они выкурили по сигарете, вышли из дома.

Стояла ранняя осень. Еще очень теплая и ласковая, лишь слегка подернутая позолотой увядания. В соседском дворе шумно возилась ребятня: спорили, что-то отнимали друг у друга. На их крики иногда выглядывала из временки старуха Бэтие.

Вышла из дома Лана. Матвей внимательно посмотрел на нее. Она была в аккуратном светлом халате, с пояском над тугими бедрами. Матвею она показалась по-домашнему близкой. Лана ответила на приветствие старика, мельком взглянув на Матвея, прошла во временку. Но Матвей понял, что она успела разглядеть его и в эту недолгую секунду.

— Лана,— негромко произнес старик и, подметив долгий взгляд Матвея, улыбнулся: — Понравилась?

Матвей неопределенно кивнул: вроде бы да, но что ж из этого, и все же ответил:

— Глаза у нее... Сразу глаза замечаешь... Сочные глаза.

После этого вечера Матвей часто думал о Лане, хотел даже встретиться с ней, но потом передумал.

Матвей и Мока подошли к дому Ильи. Уличный фонарь бросал свет на железные ворота и забор из красного кирпича. Мока на секунду остановился, взглянул на Матвея.

— Ну ладно, друг мой, бывай, раз к старику, значит, к старику,— бодро сказал Матвей. Он подождал, пока Мока закрыл калитку, перевел взгляд на уснувший дом Ланы.

Три окна черными прямоугольниками глядели на улицу. В глубине двора, над крыльцом, светился фонарь, похожий на огромную белую таблетку. Неясные мысли о Лане пронеслись

в душе Матвея. Ему стало неудобно. Он быстро пошел по тротуару. «Мать, как всегда, не спит», — подумал он, заходя во двор. Он закрыл ворота, проходя мимо своей «Лады», проверил замок двери.

Мать действительно еще не ложилась, подперев подбородок ладонью, сидела за столом в ярко освещенном зале.

Матвей сел за стол напротив матери:

— Отец спит?

Мария кивнула и внимательно посмотрела на сына:

— Лешку сегодня видел?

— Нет.

— Как он там? Соскучилась ужасно. Сижу дома одна, как сумасшедшая, сама с собой разговариваю. Разве ж это дело? — Мария вздохнула: — Нет, сын, надо что-то решать. Нельзя так дальше. — Взгляд Марии убежал вдаль. К уголкам раскосых глаз, точно метины ее печалей и радостей, сбежали морщины.

В комнату ворвалась тишина, и на мгновение показалось, что все предметы подобрались и замерли. И телевизор с темным экраном, и диван с маленькой красной подушкой, и швейная машинка, похожая на застывшего черного кота, и зеленые шторы трех окон.

Матвей бережно накрыл руку матери, улыбнулся:

— Все будет хорошо.

— Да уж пора, — кивнула мать и стиснула руку сына. — Привези их. И Римму и Лешку. Их дом здесь. Правильно говорю, сын?

— Правильно, — рассмеялся Матвей и по-товарищески подмигнул матери.

3

Лана работала в санатории медсестрой в кабинете ЭКГ. Отпустив больного, она присела за стол у просторного светлого окна и сделала запись в журнале.

За окном покачивался пышный клен, в приоткрытую створку

залетали отрывистые голоса и смех. Лана отложила ручку, осмотрела аккуратные, покрытые светлым лаком ногти. Из-под распахнутого на груди халата поблескивала золотая цепочка с кулоном.

Дверь отворилась, и в кабинет заглянул смуглолицый мужчина:

— Это я, Амбросий. Можно заходить?

— Можно,— ответила Лана.

Степенно ступая по красной дорожке, Амбросий подошел к столу.

— Ваш кабинет, как берег Крыма,— улыбнулся он и вскинул руку, блеснув перстнем на указательном пальце.

— Прошу вашу карточку,— попросила Лана.

— Фотографическую?

— Курортную.

Амбросий протянул узкую тетрадку, вздохнул и уселся на стул.

— Вам туда.— Лана кивнула на ширму, стоявшую перед кушеткой.

— Раздеваться?

— Вы, кажется, уже были здесь. Зачем переспрашиваете?

— Лучше бы не был.— Амбросий скрылся за ширмой.

Лана подготовила кардиограф:

— Ложитесь.

Амбросий вытянулся на кушетке, пристально взглянул на Лану. Она взяла его ладонь, пристегнула к запястью электрод.

— Какая у вас ласковая рука, Лана.

Лана не ответила, потянулась за другой ладонью, из-под бортиков халата выскользнул кулон.

Амбросий посмотрел на приоткрывшуюся грудь, неожиданно резко сжал руку Ланы.

— Не могу без тебя! Как в первый раз увидел, как будто с ума сошел! Поедем со мной!

— Отпустите! Слышите? — Лана попыталась высвободить руку.

Амбросий потянулся к ее груди, схватил кулон.

— Это — ничто! — возбужденным полупшепотом проговорил он. — Я тебя, как королеву, одену. Вся в бриллиантах будешь! Только скажи...

— Отпусти!

Но Амбросий взял ее за плечи и попытался приблизить. Лана вывернулась, ударила его по лицу. Он опустил руки, тяжело дыша, медленно проговорил:

— Все равно будешь моя! — Он шагнул к ней, но Лана отступила назад, схватила вазу с тюльпанами, стоявшую на подоконнике, поднесла ее к груди:

— Убирайся, гад! Не то в рожу запущу!

Амбросий замер, глядя на вазу, цветы, упрямое красивое лицо, вдруг расхохотался.

Продолжая смеяться, Амбросий сорвал с запястья электрод, оделся. В дверях оглянулся, качнул головой, на секунду задумавшись, снял перстень и положил на смятую простыню кушетки:

— Никогда перед бабой не извинялся. А перед тобой извинюсь. — И, улыбнувшись, вышел.

Все еще с вазой в руках, Лана смотрела на дверь, потом положила цветы на окно и, чувствуя тяжесть в ногах, подошла к кушетке, хотела сесть, но, взглянув на дверь, взяла перстень, вышла из кабинета.

В коридоре Амбросия уже не было.

Лана вернулась к себе, поправила простыню, принялась собирать электроды. Только теперь она почувствовала усталость, точно проработала несколько смен без отдыха. Она опустилась на кушетку, прислонилась плечом к стене...

Рабочий день казался растянутым. Глаза Амбросия, его смех, ожидание новых неприятностей преследовали ее весь день. Лишь после смены, проехав через весь город к поселку, она почувствовала ту легкость, какая бывает, когда после долгой разлуки возвращаешься в родной дом.

Поселок был занят обычной вечерней жизнью: сновали по улицам автомашины, встречались люди, беззаботно бегали во дворах дети. И над всей этой жизнью светлела небесная синева.

На Лане был джинсовый платье-халат с рядом чеканных пу-

говиц. Чуть покачивая тугими бедрами, она шла по улице, чувствуя на себе взгляды мужчин, женщин, стариков.

За два дома до своего Лана вошла в зеленую калитку к подруге Тане. Это была двадцатисемилетняя, засидевшаяся в невестах девушка. Жидкие волосы, худенькое тело придавали ей сходство с высыхающим деревцем.

Таня прибиралась в своей комнате. Увидев Лану, бросила на стул пыльную тряпицу, обняла подругу.

— Как я тебе рада! Проходи, садись.

Подруги поговорили обо всем на свете, и Лана рассказала про Амбросия.

— Тебе замуж надо, — сочувственно вздохнула Таня.

— Ничего хорошего. Была и замужем...

— Хоть приставать не будут. А самое главное — не одна. Знаешь, как плохо одной!

— Можно и одной.

— А мне плохо.

— Ничего, Танюха, вот отдадим тебя замуж, ты и про нас забудешь.

— Кому я нужна... Знаешь, мне много не надо. Только бы ребеночка своего...

— А ты возьми и сообрази...

— Как? — удивилась Таня.

— А просто. Как детей соображают... — подмигнула шутливо Лана.

— Ты что? — испуганно прошептала Таня. — Это же грех! — Она посмотрела в окно и вдруг спросила: — А почему грех? Разве грех ребеночка родить? Вырастить... Чтобы жил он? Чтобы любить его? Почему грех?

Лана не знала, что ей ответить.

— А перстень ты где оставила? — спросила Таня.

— Там — на работе.

— Думаешь, придет?

— Придет, не придет — мне он не нужен.

— И почему в жизни так? — думая о своем, проговорила Таня.

— В жизни все нормально. В ней ничего нет.

— А мы?

— Ну мы, конечно, есть,— успокоила Таню Лана и, посмотрев в зеркало, поправила волосы.— Знаешь что? Пошли к нам. Что ты здесь будешь одна?

— Я приберу еще.

— Да у тебя и так все чисто.

— Я потом. Ладно?

— Ну как хочешь. Заходи.

Вся семья Ланы в это время собралась во дворе за ужином: бабушка Бэти, брат Ян с женой и тремя детьми. Увидев Лану еще в калитке, трехлетний Сашка вывернулся из-за стола и бросился ей навстречу. Лана подхватила его, целуя, понесла к столу.

— Вот и наша красавица пришла. Доктор наш.— Бабушка Бэти ласково улыбнулась выцветшими карими глазами.— Садись, душа моя...

— Ланка, книгу Яна в печать подписали. Скоро уже в магазинах будет. Такая красивая обложка и наверху наша фамилия,— быстро заговорила Неля — жена брата.

— Правда? У меня аж сердце екнуло! Поздравляю, Ян.— Она обняла брата за плечи.

— Кому Ян, а кому Ян Александрович,— нарочито важно ответил Ян, пригладив аккуратно стриженные усы.

— Ну для родной сестры исключение сделаешь?

— Так уж и быть.

— Да жить вам сто лет на радость друг другу! — улыбнулась Бэти.

Ударила соседская калитка. Сквозь невысокий из железной сетки забор хорошо была видна крепкая фигура старика.

— Добрый вечер, соседи! — поздоровался он.

— Присоединяйся к нам,— пригласила Бэти.

— Заходи, Илья,— поддержал и Ян.

— Спасибо.— Старик подошел к забору, положил на верхнюю

перекладину грубые, похожие на побитые кирпичи, руки.— С удовольствием посидел бы с вами, но немного работы есть. У Шамиля штукатурку закончить надо.

— Что сын пишет? — спросила Бэтие.

— Все хорошо. Привет всем передает.— Старик взглянул на Лану и перевел взгляд на Яна.

— Ничего, Илья, скоро придет твой солдат,— подбодрил Ян.— Зима — лето, зима — лето и дома.

— Да, годы как дожди — прошли и как не было,— подтвердила Бэтие.

— Будете писать, от нас — привет! — сказал Ян.

— Спасибо, брат мой, передам,— отозвался старик.

Он отомкнул замок, потянул скрипнувшую старую дверь.

4

Илья и Шамиль считались в поселке давними друзьями. Хотя Шамиль был намного старше. В свободные часы старики любили спокойно и рассудительно поговорить о человеческой судьбе и о жизни.

В этот день отмечали окончание штукатурных работ в новом шамилевском доме, Илья медленно, точно ощупывая каждое слово, проговорил:

— Один восточный мудрец сказал: «Настоящий человек должен построить дом, вырастить сына и посадить дерево». Дом ты построил,— Илья кивнул в окно времянки, в которое были видны стены нового дома с распахнутыми еще не крашенными окнами,— сына тоже вырастил. Хорошего сына. К тому же и прекрасную дочь на ноги поднял, в хорошую семью определил, внучку имеешь. Осталось тебе дерево посадить. А это самый пустяк — посадить. Так дай бог, чтоб жизнь в твоём новом доме началась со свадьбы. Свадьбы твоего сына!

— Да жить тебе сто лет! — с достоинством отозвался Шамиль.— А этот дом и твои руки знает. Спасибо за работу. Как родному брату сделал! И тебе я желаю, чтобы приехал и твой

сын и ты вместе с ним поднял в своем дворе такой же дом и еще лучше! Пусть живут наши дети, наши сыновья! Это наши единственные наследники. Все для них сделаем! За твое благополучие, Илья! — Шамиль достал из пачки сигарету, закрутил ее пальцами, выдохнул с дымом: — Все правильно. Дай бог, отслужит Костя — переберемся в новый дом. Только с женой он не спешит. Учтись надумал.

Во времянку вошла невысокая полная женщина с лукавинкой в серых глазах — жена Шамиля. Из-под цветастой, повязанной к затылку косынки виднелась туго зачесанная прядь седых волос.

Шамиль подмигнул Илье:

— Кто бы меня сейчас уговаривал жениться?

— С большой радостью помогла бы тебе, — отозвалась шамилевская старуха и тут же насмешливо продолжила: — И свадьбу тебе сыграю. Но только чтоб жениться — надо силенки иметь. А от тебя какой толк? Только лишняя стирка.

Илья рассмеялся.

— Чего это ты говоришь, глупая женщина? — нахмурил брови Шамиль. — Что человек подумает?! В нашем роду мужчины в этом деле и в девяносто лет кое-что соображали!

— Так это — «кое-что». А в таком деле не «кое-что» надо, а «еще как», — снова шпильнула старуха, улыбнувшись мужу.

— Поговори еще у меня! Сама небось до сих пор меня к Рае ревнуешь, а? — Шамиль облокотился на спинку стула: — А что? Она меня с удовольствием примет. Такие царственные мужчины, как я, на дороге не валяются. Тебе всю жизнь молиться надо, что такой красавец на тебе женился.

— Я так и делаю: каждое утро с твоим именем встаю...

В открытые двери времянки влетел перестук молотка. Вслед за ним послышался неторопливый напев восточной мелодии.

— Данил, — узнал старик Шамиль голос соседа.

— Позовем? — предложил Илья.

— Можно. Но ты сам знаешь — его ни от какого дела не оторвешь.

Тягостна старость без дела, как без любви молодость. И проживи хоть век, но если привык к работе, не усмирить приученную душу, не даст она покоя, заставит кружить в поисках хоть какой-нибудь малости — лишь бы не без дела.

Дом и двор Данила были в полном порядке — в самом хозяйском виде. Но не сиделось старику: томило безделье. Дней десять назад он заглянул в сарай и обнаружил рейки — покупал когда-то для забора, но их оказалось много. Старик решил сделать лестницу. Получилась. Но лестница понравилась Шамилю, к тому же у него шла стройка. Лестница перекочевала к соседу. Данил смастерил еще. Но и тут один из товарищей похвалил работу, и вторую лестницу с шутками-прибаутками унесли со двора. Но рейки у Данила еще оставались, и он радовался, что есть работа.

Данил не был плотником. И хотя в жизни ему много чего пришлось переделать, служил он всего на двух должностях. Последней, после которой он уже три года как ушел на пенсию, была работа школьного завхоза. И хотя проработал в этой должности добрую часть жизни, главная должность оставалась там — в смертных сороковых — когда был он трубачом полкового оркестра. Был и остался им, ибо главное дело не бывает ни коротким, ни продолжительным. Оно — просто главное. Он, был отличным трубачом и знал: если для жизни главное — свет, то и звуки не уступают ему. Влившись в сотни солдатских сердец, они поднимают радость до торжества, скорбь до ненависти, ненависть — до мести.

Был Данил и хорошим солдатом. И если требовалось, брал винтовку, и никто не мог упрекнуть полкового трубача в том, что он хоронился от пуль за чужими спинами.

Свою трубу Данил берег в стареньком шифоньере. Изредка, по случаю, доставал, чтоб протереть и навести на меди бравый золоченый блеск. Только ни разу после победного дня не сыграл на ней и, кажется, позабыл привкус прижатого к губам мундштука.

— Что ж, Данил, ты так никогда и не сыграешь? — поначалу спрашивали его товарищи.

— Фронтовой трубоч просто так играть не может,— отшучивался Данил.— Трубочу нужен особый случай.

Что это за случай — не знал ни он сам и никто другой. Только думая о тревожном сегодняшнем мире, хотелось старику, чтобы еще долго молчала труба и своим молчанием пережила самого Данила.

Данил заканчивал мастерить новую лестницу, вбил последний гвоздь, утопил шляпку в гладко обструганной рейке. Лестница получилась аккуратной, с чуть сходящимися кверху рейками. Данил поставил ее к стенке своего дома и, осматривая работу, затянул восточную мелодию. Потом умолк, уселся на табуретку, сложив на колени усталые руки.

Илья и Шамиль подошли к низкому решетчатому забору.

— Что задумался, брат мой? — бодро спросил Шамиль.

— А-а, это вы... Да вот глаза дорогу стелют. Наверное, сын с внуком придет.

— Ну раз ты говоришь — значит, придет,— уверил Шамиль.— А мы с Ильей хотели тебя позвать, но видим — ты мастерил... Заходи, посмотри, какой дом получился.

— Быть в нем счастьем да радостям,— ответил Данил и направился к заборчику, в котором была небольшая дверца, соединявшая дворы стариков.

Шамиль провел товарищей в светлую, пахнущую стружкой и известью прихожую. Они осмотрели все три комнаты, остановились в просторном, с тремя окнами, зале.

— Ну как?

— Очень хорошо,— одобрил работу Данил.

— Мне со старухой хватит и одной комнаты, а остальное, вот только сына женю, пусть будет молодым. Снохе я закажу трех, нет, четырех, а лучше — пять внуков. Первому, кто народится, имя мое — Шамиль!

— Дай бог! — поддержал Данил.

Старики вышли на улицу, остановились возле сапожной мастерской Шамиля. Мастерская была не больше газетного киоска,

приземистая, с решетчатым окном и невысокой дверцей. Стояла она у самого двора, прижавшись к дощатому забору.

Шамиль называл ее шутливо «тридцатьчетверка», по имени танка, на котором воевал. На стенах красовалось множество репродукций из «Огонька» и портрет самого Шамиля, выполненный карандашом.

Года два назад в мастерскую зашел художник починить туфли и, пока Шамиль возился с его обувью, достал из папки плотный лист и набросал большеносую остроглазую голову сапожника. Шамилю портрет понравился. Он приколотил его медными гвоздями к задней стенке, над головой.

В мастерскую Шамиль заходить не стал, полез в карман галифе за сигаретами и вместе с пачкой вытянул сложенный вчетверо листок.

— Вчера вот письмо от сына получил,— сказал он.

— Он, кажется, весной должен приехать? — спросил Илья.

— Да. Пишет, что в середине или конце мая. Немного уже осталось. А там — через полгодика — и твой вернется,— подбодрил он Илью.— Эх, погуляем... Всех товарищей соберем.

— Можно и погулять,— кивнул Илья.— Ребята хорошие. И служат хорошо.

— В родителей,— не без гордости произнес Шамиль.

— А как же,— улыбнулся лукаво Данил, приглаживая острую бородку,— отец до сих пор как военный ходит.— И кивнул на сапоги и темно-синие галифе Шамиля.

— Что делать? Привык.

С минуту товарищи молча смотрели на оживленную улицу.

— Что тут стоять? Пойдем ко мне, картишками побалуемся,— предложил Илья.

— Пойдем,— согласились старики.

На улице, где жил Илья, остановились: метрах в пятидесяти шла перепалка между парнем и упитанным мужчиной.

— Опять этот...— качнул головой Данил.

— Хайло,— подсказал Илья прозвище мужчины.

— Вот-вот — настоящее Хайло.

Старики подошли поближе.

Выпячивая грудь, Хайло напирал на паренька.

Соседи выглядывали из калиток, тянули головы поверх заборов.

— Надо паренька увести,— предложил Данил.— Этому Хайло много воли дали...

— Разве он нас послушает,— засомневался Шамиль.

— Ну, если уж нас, стариков, слушать не будут, грош цена этому светлому миру,— отозвался Данил и ускорил шаг: — Не стыдно тебе с ребенком связываться! — крикнул он и крепко взял парня за локоть, потянул в сторону: — Кто-то же должен быть умнее.

— Эти салаги совсем распустились,— бросил в спину Хайло. Парень дернулся, но Данил удержал его:

— Подожди, успокойся. Старика хоть уважь.

— Ну что ж ты, друг мой, связываешься с этой тварью? — спросил Илья паренька, когда они все вместе пошли по улице.

— Да я ничего такого ему и не сделал,— начал оправдываться парень.— Шел по улице. Смотрю, красивый дом строится. Ну, я немного посмотрел. Мой отец тоже строит. Вот я думаю, как у нас и как у него. А этот недалеко стоял. «Чего смотришь?» — говорит. Ничего, говорю, смотрю. А что, нельзя? Он на меня и попер. Строитель. Подохнет он в этом своем красивом доме.

— Интересное дело,— поддержал паренька Илья.— Что ж, в самом деле и посмотреть нельзя? Вон Шамиль тоже дом строит. И я скоро, наверное, буду. Все сейчас строят. Чего ж тут такого.

— Да-а, все верно,— в раздумье протянул Данил.— Только строители, брат ты мой, разные бывают...

Не спалось Моке в эту ночь в стариковском доме. Старая солдатская шинель не грела. Мока вертелся, сжимался в комок. Тревожное беспокойство томило его чуткую душу. Он вскидывал голову, всматривался в черное окно и снова вжимался всем телом в скомканную шинель, но тревога нарастала. Мока поднялся, подошел к постели старика, вытянув ладонь, провел над ровно дышавшим телом и быстро убрал ее.

Опустив голову, вышел в коридорчик, сбросил крючок, замер на освещенном порожке, вскинул к небу глаза: желтая луна замерла под черным звездным небом.

Не спалось в эту ночь и другому человеку. Он вышел из нового, почти отстроенного дома, вслушался в тишину, усмехнулся и поднял голову.

Против окна в соседском дворе стояла высокая яблоня. Хозяину нового дома казалось, что яблоня отбирает у окна часть неба. Он подошел к забору, за которым росло дерево. Вытащил из-за пазухи бутыль, вскарабкался на забор, ухватился за ветви, отдышался и прислушался: было тихо. Человек устроился на верхней рейке забора, отвернул крышку бутылки, вытянул руку. Ударил в землю и сошла к корням сжигающая кислота. Сладко стало на душе у человека. Он осмотрелся. Взгляд его поймал метнувшуюся к противоположному забору худенькую фигурку. Из дрогнувшей руки выпала бутыль и мягким шлепком ударилась о землю.

Мока узнал человека по кличке Хайло, осторожно переполз в соседский двор и приник к забору:

— Смотри, ублюдок! — крикнул Хайло и нацелил горло бутылки в корень яблони. Дрогнула и засеребрилась в лунном свете вязкая струя, ударила в землю, в основание дерева.

Мока вцепился в сетку забора слабыми пальцами. Из-за его спины, с соседнего двора, послышался собачий вой.

Хайло бросил бутыль, суеверно забормотал: «На врагов моих! На врагов моих!» — переполз через забор и скрылся в своем новом доме.

«А вдруг найдут? — подумал он о брошенной бутылки, но тут же успокоил себя. — Тем лучше. Чего бояться? Пусть меня боятся!»

Утром старуха Бэтие нашла под яблоней бутыль. Откуда? В доме никогда ею не пользовались. Старухе невольно пришел на память недавний разговор с Хайло: «Мать моя, — говорил сосед, — я бы вместо этой яблони что-нибудь другое посадил. Помидорчики, там, огурцы...»

«Неужели он?...» — дрогнуло сердце Бэтие. Она опустила голову.

По выбеленному стволу яблони шли темные пятна и полосы. Старуха повертела в руках бутыль, покачала головой, в душе поднялась боль: «Что ж ты за существо, человек?»

Она отнесла бутыль в сарай. Увидев Лану, вышла следом за ней на улицу.

— Бог тебе в помощь, душа моя.

— Если б он был кардиологом... — ответила Лана.

— Не говори так, доченька.

— Ну ладно, в помощь, так в помощь. — Лана обняла Бэти, пройдя несколько метров, оглянулась и помахала рукой.

Поселок нежился под утренним теплым солнцем и легким небом. Дорогостоящая тайна мира, человеческой жизни, казалось, не существовала вовсе, а просто была одно бесконечное теплое единство — слияние мира и человека. Нелепыми и невозможными казались неудачи, горести, все людские потери. И тем чужеродней в беспечном утре виделось черное окно, из которого смотрело женское болезненное лицо. Лана привыкла к нему, видела почти каждое утро и не испытывала неприятного холодка, вбегавшего в душу при первых встречах. И все же всякий раз эти неухоженные пряди волос вдоль впалых щек, прицельно бьющий взгляд точно сбрасывали ее в другой мир. Лана, как и многие в Поселке, слышала историю этой женщины, разговоры о больших деньгах, украденных ее же наследниками. Говорили, что сыновья проигрались в карты. Жили и другие фантастические истории, выдуманные поселянами.

Лана не смогла бы сказать, как она относится к этой женщине. Скорее всего лицо в черном окне было напоминанием: знай, что в этом мире есть судьбы неисправимо несчастливые, что есть неизлечимая боль и страдание.

В это солнечное утро выслеживающий взгляд из черного окна вызвал у Ланы неприязнь. Но тут же, вспомнив о воровстве ее сыновей, Лана подумала о судьбе этой женщины без укора.

Через минуту она уже забыла о ней, вышла к трассе.

У фундамента углового дома, уютно свернувшись, грелась на

солнце рыжая дворняга. В двух шагах от нее барахтались в пыли озорные воробьи. По дороге мчались автомашины.

На остановке автобуса Лана встретила бывшую одноклассницу. Поговорили кто как живет. Одноклассница подправила на затылке волосы, негромко сказала:

— Уже пять минут в нашу сторону «стреляет»... Там справа. Сразу не смотри.

Неподалеку от остановки, облокотившись о белую «Ладу», стояли два парня. Один из них действительно поглядывал в сторону девушек.

Лана узнала Матвея.

— Хочешь, познакомлю вон с тем? — предложила она.

— Да ты что? — встревожилась подруга.

Лана рассмеялась:

— А что, свистну разок, и все дела.

— Ну и Ланка! А я сразу поняла, что ты его знаешь.

— В общем-то знаю. Он к соседу нашему приходит, к старику.

— Вот и познакомься. Чего одной мыкаться. Замуж надо.

— Что-то все хотят меня замуж спихнуть. Посмотришь, так все бабы на этом замужестве помешались... — отмахнулась Лана. — Что-то автобуса не видно.

— Придет... — отозвалась подруга.

Лана не ответила, долго смотрела на очертания далеких заснеженных гор.

5

Первомай выдался погожим. Под светло-синим небом горело праздничное солнце. По центральной улице поселка с говором, гулками ударами барабана и музыкой духового оркестра шла к городу колонна рабочих станкозавода. В окнах отдергивались занавески, улыбались лица.

Перед колонной показалась фигура Моки. Он сидел на бордюре и, ловя маленьким зеркальцем солнце, отбрасывал «зайчиков» на противоположные дома и окна.

Колонна поравнялась с ним, обдала громким разноголосьем, замелькала разноцветьем брюк и юбок. Кто-то похлопал Моку по плечу, женская рука торопливо пристроила на его рубашке гвоздику, кто-то протянул конфету.

Разлохмаченный, с гвоздикой, в помятой рубашке и зеркальцем в руке, Мока смотрел на удалявшиеся ряды и, казалось, что-то припоминал.

Колонна приблизилась к трассе, мимо стоящих у заборов стариков и старух.

Трехлетний Лешка услышал музыку духового оркестра, с криком «Парад!» вырвался из дома. Римма выбежала за ним, подхватила на руки.

— На парад хочу,— брыкался Лешка.

— Перестань кричать, а то вообще никуда не пойдем!

— Да одевай его скорее и выходите! — крикнула из кухни Риммина мать.

— Пошли, сыночек,— сказала Римма и стала одевать сына. Наконец вышли на улицу.

На трассе возле автобусной остановки их ждал Матвей.

— Папа! — Лешка бросился к отцу.

Матвей подхватил его на руки, прижал к груди. Подошла Римма, глядя на обоих, снова подметила, как похожи их лица и глаза.

— Как ты там? — спросил Матвей.

— Живу. Как ты?

— То же.— Матвей внимательно посмотрел на жену: — Хорошо выглядишь... как всегда.

— Спасибо,— Римма пожала плечами, и это мгновение вдруг снова сблизило их.

— В садик ходишь? — Матвей взъерошил чуб сына.

— Хожу.

— Ну и как служба?

— А Миру Ильиничну пчела укусила, и у нее вот такое лицо,— Лешка повел рукой от щеки.— Бабушка говорит, что она и так была как поросенок, а теперь как свинья.

Матвей усмехнулся.

— Так нельзя говорить,— одернула сына Римма.

— А при чем здесь он? — вступился Матвей.— Это его бабушка...

Они вышли к центральной улице города. Отовсюду слышался праздничный гул, возбужденный смех, хлопали шары, гремела музыка.

Подчиняясь единому движению, все стало подтягиваться, равняться: начался парад. Матвей нашел свободное место на краю тротуара, и они втроем стали у временно поставленных железных барьеров. По дороге шла колонна демонстрантов. Начало припекать солнце. Лешка захотел пить, и они пошли к парку. В тенистых аллеях повеяло прохладой.

Лешка забегал вперед, кружил по траве, ворошил белыми ботинками прошлогоднюю жухлую листву. Матвей и Римма шли рядом, перебрасывались обычными фразами, и оба знали, что оттягивают притаившийся разговор о главном.

Римма незаметно бросила взгляд на Матвея, вспомнились вечера до свадьбы, когда в этих же самых аллеях говорили они о любви, и Матвей, подхватив ее на руки, нес как ребенка, целовал губы, глаза, кружил под ветвистыми деревьями.

— Я сегодня Лешку заберу,— произнес Матвей, глядя в сторону.

— Зачем?

— Затем, что дом его — там, а не у этой...

— Матвей!

— Что Матвей? — Он искоса взглянул на проходивших мимо праздничных людей, понизил голос.— Не нужно было тебе иметь ребенка... И вообще...

— Что... вообще?

— Все в этой жизни наоборот. Те, кто мог быть хорошими матерями — не имеют детей. А те, что имеют — губят их.

— Откуда ты знаешь: могли бы или не могли.

— Знаю! — резко ответил Матвей и подумал о Лане.

— Ну вот возьми и найди себе такую, которая могла бы...

— Ладно. Хватит. До тебя все равно не доходит. Ты ради своего брата и той выдры ребенком своим жертвуешь.

— Никем я не жертвую,— Римма повысила голос.— А мать свою и брата буду любить. И не хочу из-за тебя быть их врагом.

— Люди смотрят...

— Ну и пусть смотрят.— Римма заспешила к сыну; присев возле него, промокнула платком слезы.

Они пробыли в парке еще с полчаса, потом взяли такси. По дороге молчали. Возле дома родителей Риммы Матвей расплатился, взял сына за руку. Долгую секунду стояли молча, не глядя друг другу в глаза.

— Если хочешь, пойдем с нами,— неожиданно предложил Римме.

Она быстро взглянула на него, поцеловала Лешку, пошла к дому.

— Мама! — крикнул сын.

Римма обернулась, помахала рукой, хотела улыбнуться, но глаза наполнились слезами.

— Пойдем, друг мой,— сказал Матвей.

Лешка растерянно смотрел на приоткрытую калитку.

— А мама?

— Потом... Потом и мама придет.

Улицы под жарким солнцем казались притомленными, и только редкий всплеск ветерка оживлял поникшую листву деревьев.

— Вот и наш дом.— Матвей открыл калитку, пропустил сына вперед.

Лешка увидел машину, стоявшую под небольшим навесом, бросился к ней, задержал ручку дверцы.

— Папа, я покататься хочу!

Во двор вышла Мария:

— Хозяин пришел! Любимый мой! — Она подхватила внука за руки, целуя, прижала к себе.— А ну обними меня! Не соскучился?

Лешка обеими ручонками послушно обхватил ее шею.

С появлением ребенка весь дом преобразился, точно чья-то

чуткая рука коснулась заброшенного музыкального инструмента. Отец Матвея водил внука по двору, заговаривая с ним тоном старого приятеля.

— Римму приглашал? — спросила Мария у сына.

— Приглашал...

— Не пришла, значит... Ох, дуреха... Ну, ладно, — она махнула рукой. — Сегодня праздник, и надо праздновать.

Матвей приготовил шашлык, и вся семья устроилась за небольшим прямоугольным столом в тени дома.

— А когда мама придет? — допытывался у Матвея Лешка. — Ты же обещал, что мама потом придет?

— Я же сказал — потом. А потом еще не пришло, — нехотя ответил Матвей.

— Товарищи мужчины, что пригорюнились? Давайте праздновать, — вмешалась Мария.

— Праздновать — штука хорошая. Особенно для ребенка, у которого мама и папа по разным углам разбежались. Как мыши. А кого-то еще Прокурором называют, — с укоризной вздохнул отец.

Матвей рассмеялся:

— Алексей Матвеевич, — обратился он к отцу, — все образуется. Старик Илья говорит, что мне горевать не о чем. И что наш семейный клан снова объединится.

— Ну ежели сам Илья говорит, значит, поверим, — усмехнулся отец, но в голосе уже не было раздражения. — Илья мудрый человек. Ему верить можно.

— Можно, отец, — кивнул Матвей. — Знаешь, однажды он сказал: жить без веры — что строить дом на болоте...

— Дом на болоте? — в раздумье переспросил отец.

— Да, Алексей Матвеевич. Можешь это изречение до своих учеников довести, — шутливо произнес Матвей. — А то ведь, поговаривают, нынешняя молодежь ни во что не верит.

— Ну, так уж и ни во что! — возразил Алексей Матвеевич. — И потом, что следует понимать под словом вера?

— Папа, я на машину хочу! — вмешался Лешка.

— Пойдем, душа моя, я с тобой тоже посижу, а то этих фи-

лософов не остановишь,— сказала Мария, выводя Лешку из-за стола.

— За руль сама садись. Ребенку не доверяй,— бросил ей вслед Алексей Матвеевич.

— Сам-то хоть знаешь, где какая кнопка находится? — отозвалась Мария.

Отец улыбнулся. Веки у него от природы были чуть припухлые, и глаза всегда казались с хитринкой. Тонкий шнурок иглычатых усов придавал его лицу еще большее лукавство.

— Так что за вера? — спросил он сына, возвращаясь к разговору. — В людей? В бога? В дьявола?

— В жизнь,— ответил Матвей. — Я в людей не верю потому, что не верю в жизнь, в жизнь не верю, потому что не верю в бога.

— Что-то ты накрутил, друг мой,— отец облокотился на спинку стула. — По-твоему выходит: ни во что не верю, потому что не верю в бога?

— Можно и так. Можно и по-другому: не верю в бога, потому что не верю в жизнь... Мне нужен такой бог, который не только для судного часа. Живи, мол, человек, мучайся, убивай, кради, ошибайся, а я в судный час приду и за все это врежу тебе. Так врезать может и не бог. И я не хочу, чтоб до судного часа дошло. Мне нужно, чтоб не судили меня, а помогали, сейчас помогали...

— Да ты, мой друг, исповедаться мне решил? А я ведь не поп...

— Да нет,— Матвей рассмеялся. — Просто я хочу сказать, что человек должен во что-то верить. Иначе крышка.

— Твоя правда, Матвей. Вера нужна человеку для контроля над собой. Иначе он заранее обречет себя на гибель... А бог... Бог — это страдавший человеческий разум. Большого я не знаю. Да и не верю я в бога...

— Ну вот, Алексей Матвеевич, вы признались, что все неверие от вас — от старших. Вы упрекаете нас в неверии, а сами это неверие передаете нам. Как наследство.

— Наследство — это такая штука, от которой можно отказаться.

— Попробуй-ка откажись.

— А потом я не говорил, что ни во что не верю. Я верю в доброту, мой друг. Без этой веры нельзя. Без нее в грязь тянется.

— Значит, и меня тянет в эту самую грязь.

— Не бросайся такими словами, сын.— Алексей Матвеевич кивнул на переднее стекло «Жигулей», в котором светилась мордашка внука.— Я тебе вот что скажу: каждый человек должен спасти что-то доброе. Хоть один раз. В этом наше спасение...

— Может быть,— неопределенно произнес Матвей, достал свою старую копейку, повертел в руках, взглянул на небо. Вспомнился давний житейский урок отца, который он преподавал в этом же дворе.

С того дня прошло около шести лет. Матвей только что освоил ремесло ювелира и выполнил свой первый заказ — перстень-печатку. Он с гордостью подошел к отцу и протянул деньги, полученные за работу.

Отец сдержанно похвалил его и сказал:

— Смотри, друг мой, видишь небо?

— Вижу,— ничего не понимая, ответил Матвей.

— Ничего ты не видишь,— спокойно произнес отец.— Ладно. Посмотри еще раз. Сколько тебе нужно денег, чтоб закрыть это небо? Не знаешь? Подумай до утра. Завтра скажешь.

Весь день Матвей прикидывал размеры самых крупных купюр, оклеивал ими небо и наутро объявил отцу:

— Нет таких денег, чтоб небо закрыть.

Отец покачал головой, глядя в сторону, произнес:

— Небо, друг мой, можно и рублем закрыть. Оно вроде бы и большое, но оно же и маленькое. Как сердце. Вот когда почувствуешь, что рубль закрывает сердце, значит, и небо для тебя исчезнет. А оно должно быть открытым, в нем все увидишь. От неба душа умнеет. Если злость нахлынет или мыслишка черная придавит, или себя великим возомнишь — посмотри в небо. Оно остудит. Кто почаще смотрит в небо, тот головы не задирает...

Прочно врезались в память эти слова.

Матвей взглянул на отца, молчаливо сидевшего за столом,

достал сигареты: в пачке оставалось две штуки. Вытянув одну, поднялся:

— Схожу в магазин.

Отец кивнул.

Улицы по-прежнему пустовали, вытянулись под жарким дневным солнцем. Поселок казался покинутым.

Покупателей в магазине было мало. В штучном отделе, прислонившись плечом к стене, сидела над книгой молоденькая продавщица.

— У вас как в больнице,— сказал Матвей.— Тишина...

— На майские праздники всегда так,— улыбнулась девушка, подавая Матвею пачку сигарет.

Перед выходом из магазина Матвей чуть не столкнулся с двумя парнями. Вид у них был возбужденно-озабоченный. Они пропустили Матвея и вышли сами.

— Если отгадаешь, веду в ресторан,— сказал один из них.— Не отгадаешь... Черт с тобой...

— Идет,— ответил второй.

Матвей с любопытством шагнул за ними, прислушался.

— И не подаришь, и не отнимешь. И не купишь, и не продашь,— проговорил первый из парней с хитрецей в голосе.

Матвей остановился, долго смотрел приятелям вслед. «И не подаришь, и не отнимешь...— повторилось в сознании.— Солнце?.. Нет, здесь должна быть хитрость. Но что же тогда... И не купишь, и не продашь... Догоню-ка я их»,— решил он, но парни были уже далеко.

Одинокая машина, пропылив, остановилась у магазина. Резким в тишине показался хлопок двери.

«И не подаришь, и не отнимешь»,— не давала покоя загадка.

Невольно вспомнилось о старике. Матвей направился к нему. У стариковских ворот на секунду остановился.

В соседском дворе суетились нарядные дети, подбрасывали разноцветные шары. Под яблоней стоял празднично накрытый стол. Из времянки с посудой вышла Бэтие, за ней Лана.

— С праздником вас! — крикнул Матвей.

— Да жить тебе сто лет! — отозвалась Бэтие.

Илья работал: трехгранным напильником точил сверкающее острие лопаты.

— А, Матвей! Рад видеть тебя, — обрадовался старик и отложил инструмент.

— Вот думаю, зайду... — сказал Матвей.

— Спасибо, брат мой. Пешли в дом... Не торопиться?

— Да нет.

Старик открыл дверь.

Из коридорчика повеяло прохладой.

— Для людей праздники, а для меня каторга, — сказал Илья, приглашая Матвея к столу, покрытому бесцветной, вылинявшей клеенкой: — Как сын уехал — каждый праздник мученье.

— Ничего, вернется. — Матвей повернулся к низкому окошку: соседский двор был хорошо виден сквозь сетчатый забор. Лана что-то говорила детям.

Илья улыбнулся и добродушно пробасил:

— Хорошие у меня... соседи?

— Хорошие, — рассмеялся Матвей. — Слушай! Загадку хочешь?

— Загадку? Давай.

— И не подаришь, и не отнимешь. И не купишь, и не продашь...

Старик в раздумье остановился посреди комнаты, поскреб подбородок.

— Время?

— Нет.

— Тогда... солнце...

— Нет.

— Жизнь? А-а, все равно не отгадаю, — отмахнулся старик и принялся накрывать на стол.

— Может, помочь чем? — предложил Матвей.

— Да нет. Чего тут помогать? Отдыхай себе.

Матвей незаметно всматривался в старика, словно в фигуре его, неторопливых движениях, суровом лице искал ответ на важный вопрос. Облокотившись о стол, спросил:

— Илья, в человеке может быть истина?

— Это что, вроде правды какой-то?

— Разгадка мира и как жить в нем?

— Не знаю,— старик поставил на стол сковородку с поджаренным мясом, сел напротив Матвея.— Люди ведь разные бывают, как камни на речке. У всякого свое... Как жить?.. Заповеди знаешь: не убивай, не обворовывай, на чужую жену не кидайся, отца родного уважай...

— Знаю, Илья, знаю, но все-таки...

— Ты свою работу любишь? — неожиданно спросил старик.

— Как тебе сказать? — пожал плечами Матвей.— Работа хорошая. Нескучная. Немного денег есть. А вот истина... Какая ж еще у человека может быть истина в этом мире?

— Какая? А ты подумай...— ответил старик.

6

Первомай пролетел, словно красный шар в небе. Вслед за ним и праздник Победы.

Надо было начинать работу на колодце. Илья пригласил в напарники старого приятеля Хасана, с которым поставил не один дом.

— Как раз копейка дома нужна,— с акцентом ответил он Илье.— Получилас...

«Получилас» — означало, что Хасан доволен и работать со стариком согласен.

Занесли во двор инструменты, рабочую одежду. Перед работой выкурили по сигарете и, раздетые по пояс, в легких сапогах, стали в очерченный на земле квадрат. Хасан воткнул у черты лопату, вскинул голову к небу, пробормотал молитву.

— Да поможет бог! — вслед за ним произнес Илья.

Сняли первый, с травой, пласт.

— Хороший земля,— одобряюще произнес Хасан, отбросив штык мягкого чернозема.— Совсем непорченный.

Хасан был крепкий, коренастый мужик, с бронзовой, заго-

релой кожей, сильными руками, на которых дыбились упрямые, напряженные вены.

— Да, земля хорошая, — ответил Илья. — В этом дворе один старик жил. Одинокий. Говорят, много денег имел. Но жадный был — ходил всегда как нищий.

— А деньги кому осталас?

— Кто его знает.

— Э-э, Иля! — вздохнул Хасан. — Если б мы счастливый был, то этот жадный старик закопал деньги здес, а мы здес нашел.

— Мы и так здес найдем деньги. Правильно говорю?

— Правильно, Иля. Как вода найдем, и деньги сразу найдем. Работали по очереди.

Невдалеке от колодца лежал спиленный ствол старой груши. Илья передвинул его поближе.

— Диван делаешь? — кивнул Хасан.

— И диван, и стул, и стол. — Старик достал сигареты, шутиливо охнул, положил пачку на черный корявый ствол.

— Сменить? Может, устал? — дымя сигаретой, спросил он.

— Зачем? С самый начала устал нельзя. Кури еще, — отозвался Хасан, размеренными движениями выбрасывая землю.

Скоро Илья сменил его, поплевал на ладони и взялся на черенок лопаты.

Хасан достал из стариковской пачки сигарету, закурил, неторопливо, натруженным шагом пошел в глубину двора к саду.

Когда-то, наверное, хорошо ухоженный, знавший заботу человеческой руки, сад теперь густо зарос молодыми беспризорными побегам, которые теснились среди старых деревьев. Но несмотря на всю заброшенность, сад неудержимо цвел, плескаясь кронами в розовом тумане лепестков. Нежный аромат стекал с деревьев. Хасан глубоко вдохнул и, шурша сапогами в прошлогодней ссохшейся траве, направился к домику.

На старой двери замка не было. Хасан уверенно потянул ее. Вывизгнули пегли. В ноздри ударил запах гнили и сырости. Захрустели под сапогами куски обвалившейся с потолка штукатурки. Неожиданный шорох остановил Хасана. Он замер, потом шаг-

нул к проему двери и увидел на развалившемся диване замерших мужчину и женщину.

Хасан бросился вон из домика, быстро потопал к Илье. Старик сидел на стволе, очищал щепкой подошвы сапог.

— Ты чего, Хасан? — насторожился он.

Хасан быстро склонился к Илье и, словно его могли услышать в этом заброшенном саду, стал шептать на ухо.

Старик взглянул на недоумевающее лицо друга и рассмеялся. Это, видимо, обидело Хасана, и он насупленно бросил:

— Никакой смешно тут нет.

Илья не переставал смеяться. Хасан с досадой схватил лопату, шагнул было к колодцу, но старик остановил его:

— Хватит, Хасаша, на сегодня закончим. Да не обижайся!

Из домка вышел молодой мужчина с помятым лицом. Прямые спутанные волосы его густо обелила седина. За ним воровато выглянула худощавая женщина. Она вопросительно уставилась на своего приятеля и быстро шмыгнула к воротам.

— Чего бежишь? Это же свои! — Мужчина кивнул на сидевших рядом стариков. — Не суетись, Шарик.

— Сам ты Шарик, — огрызнулась женщина и выбежала на улицу.

— И я Шарик, и ты Шарик. Все Шарики в этом мире...

— Докатился парень, — качнул головой Илья.

— А ты его знаешь? — спросил Хасан.

— Кто ж его не знает. Золотая голова была. Хирургом работал. Да вот что-то погнуло его...

Седой подошел к старикам.

— Добрый вечер!

— Что, Влас? Все гуляешь? — спросил Илья.

— Гуляю пока! — улыбнулся Влас. — А вы работаете?

— Работаем...

Влас опустился на холмик выброшенной земли, повел взглядом по двору.

— Семеновские владения, значит?

— Семеновские.

— Я б для этого жлоба и пальцем не пошевелил. Смотри-ка,

еще и дома нет, а забор вон какой отгрохал, как китайская стена. Паскудный мужик. Я б его в этом колодце и утопил.

— Чего это ты взъелся на него? — спросил Илья.

— Да так. Не переносу таких. Я как собачка Шарик... Всех сволочей нюхом чую.

— Ты, парень, словами все-таки поосторожней, — предупредил Илья.

— Да я ж ничего... Извини, коли что... — И вдруг неожиданно предложил: — Возьми меня к себе. Что надо — помогу. На бутылку дашь, и хватит. А, Илья? — Влас метнулся к лопате, лежащей у ствола груши, и, не давая опомниться старикам, прыгнул в колодец.

— Что за человек! Это разве человек?! — раздраженно произнес Хасан и недовольным тоном скомандовал: — Эй, тебя Илья звал? Тебя Хасан звал? Зачем людям мешаешь? Уходи!

— Да не ругайся ты, отец! — отозвался Влас.

— Сатана твой отец! Отец! Если бы ты уважал свой отец, если бы ты жалел свой мать, человек стал. Ты свой отец, ты свой мать за один свой бормотуха продал!

— Нет у него матери. С горя умерла, — негромко произнес Илья.

— Мать не трогайте! — проскрипел зубами Влас. — Мать не трогайте! — И вдруг, схватившись за голову, иступленно выкрикнул: — Не трогайте мою мать! Если вы люди — не трогайте мать! Я прошу вас! — Он опустил на дно колодца и заплакал. Но вдруг вскинул голову, пристально взглянул на стариков и схватил лопату: — Закопайте меня! Закопайте меня здесь! Если вы люди — закопайте! Я не хочу жить! Не хочу!.. Мама!.. — И бессильно свесив голову, ткнулся щекой в стену колодца.

Равнодушное, спокойное небо скользило над семеновским двором, над головами замерших у колодца Ильи и Хасана.

— Эй! Эй! — Хасан опустил на колени у края колодца. — Эй, человек! Хасан так не хотел! Извини Хасан! Человек, выходи сюда. Сынок...

Влас медленно поднял лицо.

— Давай. Выходи, — повторил Хасан.

Влас выкарабкался из колодца.

— В следующий раз надо чистое ведро принести и кружку. У соседей вода-то, наверное, есть,— кивнул Илья в сторону кирпичного забора, за которым стоял каменный дом с железной крышей.

Влас вытянул из брюк рубаху, вытер мокрое от слез лицо:

— Принести воды? — спросил он.— Я сейчас принесу.— И не дожидаясь согласия стариков, заспешил к воротам.

— Эх, человек-человек! Эх, водка-водка! — покачал головой Хасан.

— Кто его знает. Часто в жизни получается так, что водка — это уже потом,— ответил Илья.— Люди говорят, когда он хирургом был, у него на операции ребенок умер...

— А я ему про мама сказал,— вздохнул Хасан.— Зачем сказал? Илья, позовем этот парень? Человека послушать надо. Когда одна человек говорит, а другая слушает, оба человек становятся добрый человек.

Старики отнесли инструменты к домику.

Влас принес ведро воды, алюминиевую кружку. Все трое умылись, вышли на улицу.

Темнело. В поселке зажглись фонари. Подходя к стариковскому дому, встретили Хайло.

— Добрый вечер, отцы мои,— крикнул он, выходя навстречу старикам.— Как здоровье? Как поживаете?

— Спасибо,— сдержанно ответил Илья.

— Да жить вам сто лет,— лебезил Хайло.

— У твоя сосед как будто язык мед намазана,— покачал головой Хасан.

— Язык мед, сердце лед,— буркнул Илья.

— А сволочи любят сладкие разговоры,— заметил Влас.— Такой вот улыбается: «Брат мой», а сам на душе зло держит. Все трое вошли во двор.

Бэти сидела возле ступенек, рядом с ней Лана.

— Добрый вечер,— басисто поздоровался Илья.

— Добрый, добрый.

— Здравствуй, мать,— приветливо кивнул Хасан.

— А-а, это ты. Давно тебя не было в наших краях. Как живешь?

— Хорошо живу. Пока ничего,— улыбнулся Хасан и кивнул на Лану: — А твой внучка как цветок.

— Преувеличиваете, дядя Хасан.

— Не величиваю. Хасан никогда не величивает. Хасан говорит как есть. Правильно говорю, Илья?

— Правильно, правильно,— ответил старик.

Он провел гостей в дом, захлопотал у плиты в коридорчике.

— Тебе хозяйка нужен! — крикнул Хасан из комнаты.

— Какая тут хозяйка. Сына вот женить нужно, потом посмотрим,— отозвался Илья.

— Ну что ж, женить так женить,— развел руками Хасан.— Ничего. Женим. Правильно говорю?

— Правильно говоришь,— ответил Влас.— Очень правильно. Хороший ты человек.

Илья принес сковородку с яичницей, нарезали хлеб, открыли банку магазинных помидоров. Влас ткнул вилкой в яичницу.

— А сыну еще много служить? — спросил он.

— Полгода.

— Это пустяки. Самое страшное позади. Теперь он в «стариках» ходит.

— Ты служил? — поинтересовался Хасан.

— Я же медицинский кончал. А там военная кафедра. Мне даже лейтенанта присвоили. Так что я офицер, так сказать...— Влас повертел вилкой, усмехнулся.— Был. А теперь я Шарик. Даже этот Хайло поздороваться брезгует.

— Стоил бы он сам чего-нибудь,— хмуро произнес Илья.

— Стоит — не стоит, а из себя короля корчит. Еще бы... Вон какой дом отгрохал. Не ты ли ему строил, Илья?

— Нет.

— Да-а. Все сейчас стройку затеяли. Что ни двор — то дом поднимается. Благосостояние... Только на чем строят? Вот в чем вопрос. На душе человеческой строят. Душу в бетон замуровали и строят. Это я, конечно, не про вас. Я про таких, как Хайло. А таких, как он, многовато.

— Не любишь ты людей, сынок. Зачем не любишь? — покачал головой Хасан.

— А где ты их видишь — людей? — усмехнулся Влас. — Где они? И за что я их должен любить? За что? За то, что они мне всю душу оплевали?! Что они знают про меня?! Что? Разве я виноват, что та девочка умерла? Я все сделал. Но ее поздно привезли. Поздно! А люди сказали, что виноват! У меня руки дрожать стали! Вот эти руки!.. Потом я и начал... это. И никто не сказал — не пей! В душу плевали. Так наплевали, что не видно ее. За что же я должен любить людей? Люди! — Он усмехнулся. — Люди — это мрази! Богатого человека расцелуют, а упавшего дальше спихнут — в пропасть. Растопчут и спихнут. И еще посмеиваться будут. Вот тебе и люди. Люди один закон признают: сильный, если он даже сволочь, — человек. Что, Илья, не согласен?.. — Влас усмехнулся, с насмешкой произнес: — Людей любить! А вы сами любите людей? Илья, ты любишь?

— А за что мне их не любить? Они мне ничего плохого не сделали.

— Вот-вот. Вся ваша любовь до первой беды... А хочешь, я тебе докажу, что ты не любишь людей и не уважаешь их? Хочешь? Вот сейчас. Здесь. В этом доме.

— Ну докажи.

— И докажу. Вот скажи, у тебя деньги есть?

— Ну и что?

— Ну и что? — повторил Влас и расхохотался. — Ладно. Допустим, есть. Так вот выйди сейчас в поселок и расскажи всем, что у тебя много денег. И где хранишь, укажи. Скажешь? Не скажешь. А почему не скажешь? Потому что ты, Илья, испугаешься, что тебя тут же и облапошат. Отнимут твои денежки. А может быть, если что, и на тот свет отправят... Не скажешь ты про свои деньги. Наоборот — куда-нибудь подальше запрядешь. В какой-нибудь хитрый тайничок. А от кого запрядешь? От людей. Вот и вся твоя любовь к ним.

В комнате стало тихо. Глаза Власа победным блеском смотрели на Илью. Старик скрестил на груди руки, недовольно глядел в стол.

— Если я и спрячу, то не от людей, а от сволочей.

— Выкрутился,— усмехнулся Влас.

— Не забывайся, парень! — предупредил старик. — Я не на суде у тебя, чтоб выкручиваться. И запомни ты — я еще ни перед кем и никогда не выкручивался. Понял?

— Все, Илья, понял. Все понял. — Влас примирительно поднял руки.

— Если понял, тогда молодец. И отдыхать тебе, по-моему, самый раз. Хорошего понемногу.

Влас поднялся, шагнул к двери и, обернувшись, усмехнулся:

— А, может, я про деньги специально сказал...

— Специально?! — повысил голос старик. — Проверять меня вздумал?! А ну, подойди сюда...

— Илья! — Хасан перехватил его руку.

— Нет! — вырвался старик, но Влас, метнувшись к выходу, хлопнул дверью. Старик тяжело опустился на место, бросил на стол тяжелые руки.

— Щенок! Еще жалеть такого! Проверять он меня вздумал...

— Это я виноват. Совсем виноват, — сказал Хасан. — Хотел как добрый, а получился — злой. Эх, человек, человек! Какой жизнь! Ходим, бегаем. А чего хотим?

— А чего нам хотеть, брат мой? Лишь бы дети жили. А на старости люди больше не хотят, чем хотят.

— Правду говоришь, Иля. Только немного неправду. Старый человек хочет мало, но важный, молодой хочет много, и много неважный...

Илья рассмеялся, но под лопаткой почувствовал острую боль.

— Чего, Иля? — насторожился Хасан.

— Да ничего. Пройдет.

— Сердце схватил?

— А кто его знает, что это.

— Лекарство пьешь?

— Нету лекарства. Да ты не волнуйся, Хасан, пройдет, — улыбнулся он.

Эта улыбка приободрила Хасана, и он быстро заговорил:

— Лекарства нет, жена нет. Хоть бы один жена был. Хо-

чешь, я тебе сильный женщину найду? Мягкий, сладкий, хозяйка хороший.

— Сам, что ли, пробовал? — рассмеялся старик.

— Плохо говоришь. Что я, совсем такая сволочь? Если бы я попробовал — тебе предложил? Ты же, как моя брат, Илья.

— Знаю, мой родной, знаю...

Они посидели еще с полчаса, договорились о следующей встрече на колодце и попрощались. Старик проводил Хасана до ворот, вышел с ним на улицу.

Растаяла в темноте упругая фигура Хасана. Илья не спеша размял сигарету, закурил. На душе стало тоскливо.

— Ничего, скоро приедет сын... — успокоил себя старик.

Он выбросил сигарету и хотел зайти во двор, но, услышав шаги, всмотрелся.

— Ян! — узнал он быструю походку соседского парня.

В руках у Яна была пачка газет, свернутых в трубку.

— С дежурства иду. Вот подписывал. — Ян показал газеты.

— Надо, — кивнул старик, зная, что у корреспондентов бывают свои дежурства. — Что там у вас пишут?

— Так, разное. — Ян подал двойной, еще не разрезанный номер.

Старик развернул его в свете уличного фонаря:

— Интересно... Люди только завтра почитают, а я уже сейчас.

Поговорили о журналистской работе, о делах в мире, попрощались. Скрипнула стариковская калитка, закрыл ворота и Ян. Еще раз бросив через заборчик «спокойной ночи», вошел в дом.

Бэти и Лана смотрели телевизор.

— Да перейдут ко мне все твои невзгоды! — сказала старуха, увидев внука. — Сегодня ты что-то долго.

— Это разве долго? — Ян бросил на журнальный столик газеты, вытянулся в кресле. Он устал, но усталость была приятная.

— Нея детей укладывает? — спросил он о жене.

— Пора бы, — кивнула старуха. — Еле-еле от телевизора оттащила.

— Брат, дай взглянуть, что ты там сегодня подписывал.— Лана удобнее устроилась на диване, пробежала последнюю страницу газеты.

— Так. Реклама. Ага! — произнесла она с иронией.— Ювелиры предлагают: «В мастерской вас встретят опытные мастера. Они изготовят на ваш вкус любое изделие».— Лана развернула газету.— Были бы деньги — изделия найдутся.

Ян провернул на пальце обручальное кольцо и взглянул на Бэти:

— Да! А почему бы и мне не сделать какой-нибудь боярский перстень?

— Сделай. Почему бы и нет. Я тебе свое кольцо дам.

— Поняла, сестра? — подмигнул Ян сестре.

— Ага. Реклама сработала на корреспондента... Впрочем, все правильно: красивый перстень облагораживает мужчину,— ответила Лана и вдруг вспомнила Амбросия, задумалась.

— Нужно только хорошего мастера найти, чтоб не испортил,— сказала Бэти.

— Найдем... Матвею дадим,— вспомнил Ян.

— А это кто?

— Молодой парень. Рядом с Шамилем живет.

— Не сын учителя?

— Сын...

— Знаю, конечно. И мать его знаю. Красивая женщина.

— Это такой седоватый? На белой машине? — спросила у брата Лана.

— Откуда такая информация? «Седоватый», «на белой машине»? — погрозил ей пальцем.

— А что здесь такого? У нас в поселке все на виду, товарищ корреспондент...

На следующее утро Ян пришел в редакцию минут за пятнадцать до планерки, еще раз просмотрел газету. В коридоре послышались тяжелые шаги, и в комнату вошел заведующий отделом.

Несмотря на свои тридцать два года, был он с отвисающим брюшком и заметной лысиной.

— Привет! Фу-у-ух! — шумно выдохнул он. — Старость — не радость.

Раздался зуммер редакторского телефона.

— Сейчас идем, — ответил заведующий и перебрал отпечатанные материалы.

В кабинете редактора почти весь коллектив был в сборе. Шелестели свежие газеты.

— Как отдежурил? — кивнул редактор Яну.

— Нормально. — Ян развернул газету, давая обзор, остановился на материале Зюзюкиной: — Звучит очень красиво: «Мир — открытые двери». Вот только кто видел эти «открытые двери». Нет их. А если и есть, то для не очень многих. Мы вот так вбиваем в этих десятиклассников всякую всячину, а они выходят из школы и через некоторое время нет-нет да и набивают шишки об эти двери. Да вообще-то речь не о том. Сегодняшние школьники давно уже перестали верить в эти «открытые двери». И знают, как они обычно «открываются». Это молодежи хорошо известно. А мы вот с такими материалами оказываемся в смешном положении.

Зюзюкина, сидевшая напротив, обиженно сжала бледные губы:

— Это не я придумала. Везде так говорят. И я не согласна, что все двери закрыты!

Редактор, молодой человек лет тридцати, усмехнулся:

— Ну, не нужно понимать так буквально. Когда тыходишь в свой дом, и то, наверное, дверь открываешь. Жизнь, дорогая, не прогулка по ВДНХ: заплатил двадцать копеек и гуляй! А такие материалы действительно дискредитируют газету: нельзя быть наивнее читателя. Время другое.

После планерки Ян обзвонил несколько предприятий, на одном из них договорился о встрече с молодежной бригадой. Потом решил заглянуть в ювелирную мастерскую. В автобусе кто-то похлопал его по плечу:

— Молодой человек! Гражданин...

Ян обернулся. Перед ним стояла полная женщина с ярко помаженными губами. «Контролер»,— определил он по синему пиджаку и золотистому знаку на груди.

— Ваши талончики.

— Извините, задумался.— Ян почувствовал, что краснеет.— Я сейчас пробью...

— Ишь ты... Пробьет. Раньше нужно было пробивать. Платите штраф.— Женщина раскрыла пухлое портмоне.

— Я правду говорю.— Ян видел, как в его сторону потянулись взгляды усмехающиеся, презрительные, недовольные.

— Что, Дуся, поймала? — откликнулась другая контролерша, с желтыми припухшими глазами.

— Да вот... Задумался он, видите ли...

— Знаем таких, задумчивых. Видали. Своей мамаше мозгу компоссируй,— усмехнулась контролерша.

— Вы осторожнее словами,— вспыхнул Ян.

— Давай плати! Видали? Еще ерепенится!

— Да что вы к человеку пристали? Может, и правда забыл,— вступилась пожилая женщина с заднего сиденья.

— А вы ехаете себе, так ехайте! Водитель! Не открывайте заднюю дверь! — крикнула на весь автобус контролерша Дуся.

— Пристанут как банный лист...— буркнул кто-то рядом.

— Откройте заднюю дверь! — возмущались выходившие.

— Давай плати! Не видишь, народ баламутится! — приказала контролерша.

Ян покачал головой, полез в карман.

— Больше нету,— протянул он все имевшиеся деньги: два рубля с мелочью.

Контролерша выхватила деньги, спрятала их в портмоне.

— Порядок! Давай открывай заднюю!

С шумом распахнулась задняя дверь. Недовольные пассажиры с перебранкой вышли из автобуса. Вышел и Ян. Достал кольцо Бэтие, подбросил на ладони и, вспомнив вчерашние слова о боярском перстне, усмехнулся...

В шестом часу Илья и Хасан встретились в семеновском дворе. Вынесли из ветхого домика инструменты и прошли в глубину двора, к колодцу.

— Ты уже и лестница принес? — Хасан кивнул на свежесработанную лестницу, лежавшую рядом со стволом груши. — Хороший...

— У Данила взял.

— Этот пока хватит. Семен придет — пускай доски покупает. Потом надо еще один лестница сделать. Чтоб длинный вместе получился.

Старики присели на холмик рыхлой земли, закурили. Илья долго смотрел на колодец, поднял горсть земли.

— Сколько мы с тобой ее перебросали?

— Много. Но надо больше, — кивнул Хасан и взглянул в небо. — Погода для работы хорсший. Не жаркий. Главное, чтоб дождик не пошел.

Илья бросил под ноги окурок, носком сапога вдавил его в землю и, взяв лопату, спустился в колодец.

— Иля, деньги тот старик найдешь, громко не кричи, — весело проговорил Хасан.

Старик не ответил. Он стоял у одного из углов колодца и смотрел на тонкую прозрачную паутину. Соединив угол двух маслянистых, гладко отесанных стен, она висела на уровне глаз. И чем больше старик всматривался в нее, тем непривычней и удивительней казались эти ювелирно сплетенные нити. Илья уперся о край колодца ладонью, и из-под его пальцев скатились комочки земли. Один из них — величиною со спичечную головку — ткнулся в паутинку и, задрожав, замер. Быстро перебирая ножками, точно боясь упустить добычу, выполз паук, но торопливо повернул обратно.

— Ишь ты! Узнал, что не жратва, — удивленно произнес старик.

Он взял комочек земли и бросил на паутину. Тонкие нити оборвались.

— Как и не было, — пробормотал Илья и сел на лестничную перекладину, долго смотрел на дно колодца. Вспомнилась жена,

сгусток крови на дороге, перекошенный автомобиль, увиделелся Влас, стоявший на коленях здесь, на дне колодца,— пробежала вся одинокая жизнь старика, и показалась ему вся его жизнь призрачной паутиной в огромном колодце. «Че-ло-век»,— вздохнул он.

А наверху, сидя на спиленном высохшем стволе старой груши, Хасан вел тягучую, печально-сладкую мелодию. Вдруг резко обрывав ее, заглянул в колодец.

— Илья! — крикнул он.— Чего ты молчишь? Клад нашел?!

Старик не ответил. Выбрался наверх, подсел к товарищу, закурил. Шершавая ладонь Хасана легла на плечо.

— Что случилось?

— Сердце немного побежало,— ответил Илья.

— Еще и сигарета куришь. Бросай курить, Илья.

Старик смотрел под ноги.

— Жену вспомнил,— глухо проговорил он.— Все вспомнил. Всю жизнь человеческую. Сколько горя приносит человеку этот мир! Страшно, если подумать. Сколько горя! Мы вот за кусок хлеба, за каплю радости вкалываем, терпим все, горе, беды переносим, а что ждет нас, где свалимся, не знаем. А с миром ничего не случается. Он стоит себе. Горе у тебя, не горе, смерть, не смерть — он стоит. С миром ничего не случается. А человеческая жизнь как паутина в этом колодце. Все может оборвать ее. Все! — Он заглянул в колодец, потом перевел взгляд на небо, *вздохнул: — Человек справедливее мира...

С минуту сидели молча. Где-то в конце заброшенного сада пропела птаха, следом защebetала другая.

— Ты очень правда говоришь,— в раздумье произнес Хасан.— Человек справедливо. Много работает, хочет, чтоб детишка одетый был, чтоб жениться мог, чтоб детишка детишка рожал, про кушать не мучился. А кто человек помогает? Никто на этот мир человек не помогает. Человек живет, как без отца и мать. А без отца и без мать не годится. Трудно человек.— Хасан вздохнул, посмотрел на колодец и, усмехнувшись, добавил: — А я думал — ты там клад нашел, а ты паутина нашел...

Илья не ответил.

К середине мая навалилась духота. Не по-весеннему жаркое солнце нещадно палило землю. Листва деревьев, лишь недавно успевшая окрепнуть, поникла и походила на крылья высохших бабочек.

Красный «Жигуленок» резво бежал по трассе меж двух шеренг сонных тополей. Утомленный командировочной беготней, Ян сонно глядел на однотонную дорогу.

Водитель машины, фотокорреспондент Виталий, изредка поглядывал на него, но молчал.

В командировки Ян и Виталий ездили обычно вместе и привозили неплохие репортажи. В редакции их журналистский дуэт шутливо прозвали «Ява» — по первым буквам имен.

Перед поселком Ян высунул голову в окно, подставив лицо под тугую струю воздуха.

— Однако ж ты неплохо поспал, — усмехнулся Виталий.

— Какой там сон, — отмахнулся Ян, доставая с заднего сиденья «дипломат».

— Ничего, сейчас дома душик примешь, чайку попьешь...

— Можем и на пару попить. А что? Едем ко мне!

— Да нет. Надо в редакцию заскочить, попечатать малость.

— Надюшу хочешь проявить? — намекнул Ян на героиню сегодняшнего репортажа.

— А что? Деваха ничего. Жениться еще разок, а?

— Не получится. Разводы для журналистов не по карману.

— Ладно, уговорил. Ну бывай, что ли?

— Бывай.

Возле магазина Ян вышел из машины.

У прилавка штучного отдела стояла компания Матвея и Васьки-градусника.

— О-о! Товарищ корреспондент! — усмехнулся Феликс. — Пивка не хочешь? Присоединяйся! Заодно напиши про этих пьяниц! — Феликс показал на товарищей.

— В газете для всех места не хватит, — усмехнулся Ян.

— Это верно, — кивнул Матвей. — Как поживаешь?

— Нормально, спасибо.
— У тебя, я слышал, книжка выходит?
— Да, скоро должна в магазины поступить.
— Поздравляю!
— И сколько тебе заплатили? — прищурился Феликс.
— Пока еще ничего.
— Ну хоть тысячи три заплатят?
— У тебя работа поденжной... — усмехнулся Ян.
— Значит, скоро в магазине будет? — снова спросил Матвей. — Буду смотреть. Обязательно.
— А что смотреть, зайдя как-нибудь — я тебе дам. У меня есть несколько авторских.
— Спасибо. Ты вечерами дома?
— Дома. — Ян допил пиво, поблагодарил товарищей и вышел. Феликс достал из кармана пилку и стал подтачивать ногти.
— У него сестренка — люкс, — сказал он. — Смак-женщина. Я бы тоже пошел за книжкой...
— Ворона гаркнула во все воронье горло, — намекнул Васька на недавнюю кличку Феликса «гарга».
Друзья рассмеялись, но Феликс сделал вид, что ничего не понял.

В ожидании пока мать погладит рубашку, Матвей сидел в своей комнате за рабочим столом. Стол-верстак был с полукруглым вырезом по центру и небольшими, величиною с кулак, тисками. Инструменты обычно хранились в выдвижном ящике, но сейчас на столе лежали резец и весы. Матвей поднял их: пустые чашечки, похожие на ситечки заварного чайника, поплыли вверх-вниз и замерли на одном уровне. «Нулевая справедливость», — подумал Матвей с усмешкой. Он отложил весы, подошел к застекленному шкафу. Пять полок были плотно заставлены аккуратными строгими рядами. Собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Лескова, Достоевского, Толстого. На нижней полке — детские книжки для сына. Матвей вытянул одну из них, листая, с грустью подумал, что давно уже не видел сына и привык к разлуке.

Мать занесла рубашку:

— Что-нибудь еще нужно?

— Спасибо, Мария, больше ничего.— Матвей подмигнул матери и вышел на улицу.

Оранжевой полосой горел закат, небо посвежело, и подступивший вечер обещал прохладную весеннюю ночь. Улицы поселка после жаркого дня ожили, наполнились разноголосьем.

Матвей достал из кармана монетку, подбросил, поймал, раскрыл кулак — «решка». Он усмехнулся, зашагал быстрее. Увидел Власа в измятой одежде.

— Братишка, не найдется пару копеек?.. Горит...— Влас ткнул себя в грудь ладонью.

Матвей достал из кармана мелочь, сунул в руку Власа.

— Спасибо, братишка! Век не забуду.— Влас что-то хотел добавить, но к нему подошел полный мужчина.

— Нашёл я тебя все-таки,— вцепился он в рубашку Власа.— Сбежать от меня хотел? Я те сбегу-у!

Влас пугливо замер:

— Что я тебе сделал, земляк? Что я ему сделал, братишка? — посмотрел он на Матвея.

— Я те покажу, сделал! А ну, давай деньги!

— Какие деньги? Нет у меня никаких денег. У меня только эти. Это он мне дал.

— Ты в магазине сейчас был? — наступал мужчина.

— Ну был.

— Знаю, что был. Возле меня все вертелся, сука! — Он повернулся к Матвею.— Там очередина, а этот все вертится, вертится, чего-то вынюхивает. Где деньги, говорю,— шикнул он снова на Власа.— Пятьдесят рублей из кармана вытащил!

— Земляк! — взмолился Влас.— Я не брал. Я таких денег уже сто лет не имел. Я не вор. Братишка, скажи ему. Я у него сейчас попросил.— Влас раскрыл кулак.

Мужчина ударил по руке Власа. Монеты звякнули и со звоном рассыпались по асфальту.

— Это же мои,— тихо проговорил Влас.— Я у него попросил.

— Деньги вернешь? — наступал подошедший.

— Не брал я,— пятился Влас.— Я не вор. У него спроси. Братишка, скажи ему,— обратился он к Матвею.

Множество любопытных глаз нацелилось в их сторону. Эти взгляды словно подтолкнули Матвея, и он заспешил по дороге.

— Братишка! — донеслось вслед.

— Чего они там сцепились? — остановил Матвея прохожий.

— Кто их знает...

Немного пройдя по дороге, Матвей все же оглянулся. Мужчины тащил за собою Власа. Люди с интересом наблюдали со стороны. Но никто не подходил. Матвей почувствовал себя беспомощным и жалким. Он зашагал не оборачиваясь.

Дом Яна стоял во дворе за дощатым зеленым забором и тремя окнами смотрел на улицу. Матвей открыл калитку.

Из времянки вышла Бэтие, пригласила в дом.

— Хорошо, что ты пришел! — Ян крепко пожал руку Матвея.— Садись, я сейчас,— и вышел из комнаты.

Матвей осмотрелся: светлый, средних размеров зал, самая необходимая мебель — сервант, софа, в углу на тумбочке телевизор. Матвей обратил внимание на портрет, висевший у верхней кромки красного ковра: красивые мужчина и женщина лет сорока.

«Родители»,— подумал Матвей.

Вернулся Ян, сел напротив Матвея за журнальным столиком:

— Ну вот, держи! — протянул книгу.

— Спасибо.— Матвей перелистал страницы.— Почитаю... Отпу обязательно покажу. Он же преподаватель у меня, знаешь, наверное!

— Знаю, конечно. Правда, у него я не учился. Он в параллельном вел.

В комнату вошла стройная женщина лет двадцати восьми.

— Неля, это мой друг — Матвей,— сказал Ян.— Ювелирных дел мастер.

— Ну до мастера еще далековато...

Накрыв стол, Неля вышла.

— Сейчас что-нибудь пинешь? — спросил Матвей.

— Пишу... На роман замахнулся... Не знаю...

— Ничего. Главное, взяться. Как говорится: под лежащий камень вода не течет...

Ян развел руками.

— Это верно...— И быстро взглянув на Матвея, спросил: — Ну, а ты как живешь?

— Да какая жизнь,— отмахнулся Матвей.— У меня жизнь по правилу: зарабатывай, гуляй, не влезай в чужие дела. Все дела. На десять лет вперед видно.

— Ты что-нибудь по своей специальности заканчивал? — спросил Ян.

— Нет. У моего отца есть близкий друг — ювелир. Он меня учил. Я одно время хотел поступить на юридический, но так вышло... Это друг отца: будут деньги, говорит, и без того прокурором будешь.

— Нормально,— рассмеялся Ян.

— Да, в жизни оно так и получается. Если ты с деньгами, ты хозяин. Старая истина. Но живучая. Чего только не происходило в мире — перевороты, войны, революции, а деньги как были, так и остались: свергнуть их невозможно. А вроде бы всего-навсего бумажки.

— Ну и бог с ними,— улыбнулся Ян.— Все-таки человек деньги делает.

— Тебя бы с моим отцом посадить. Вы, кажется, из одной оперы.

— А тебе с отцом неинтересно?

— Интересно. Но иногда воюем. По-хорошему, конечно. Он у меня приколистый парень. Хотя и добрый. «Человек должен что-то спасти» — любимая его фраза. В этом, говорит, наше спасение.

Ян взглянул в окно, задумался:

— А ведь он прав...— сказал он.— Действительно — «спасение»...

— Может быть, и так, но я думаю, что ничего нам уже не поможет и не спасет. Суета сует...

— Не знаю... Не люблю я эту фразу...— ответил Ян.

В комнату вошла Лана. Матвей подался вперед.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте, — коротко бросила она.

— Отслужила? — спросил Ян.

— Отслужила. — Она прошла в свою комнату.

Матвей пристально глянул ей вслед.

— Сестренка, — улыбнулся Ян, подметив взгляд Матвея.

Через некоторое время Лана вышла из комнаты, переодетая в синий халат, с пояском над бедрами.

— Сестра, посиди с нами, — предложил Ян.

— Как-нибудь в другой раз, — улыбнулась Лана и, взглянув на Матвея, хлопнула дверью.

Они поговорили еще с полчаса, вышли во двор.

— Илья, наверное, на своем колодце. — Матвей кивнул на дом старика с висячим замком на двери.

— У него работы хватает.

Из-за дома Яна рванулся резкий крик:

— Стервы! Когда вы подохнете?!

— Сосед. Хайло. Всю жизнь воет, — с неприязнью сказал Ян. — Сейчас дом ставит. Тоже строитель.

Вышли на улицу. С минуту молча курили.

Откуда-то появилась сутулая фигура Моки. Неторопливо пошаркивая башмаками, он брел к своему прибежищу — дому Илья. У калитки остановился, посмотрел на Матвея и Яна.

— К старику, значит, — кивнул Матвей.

Мока улыбнулся и, опустив разлохмаченную голову, вошел в калитку.

Домой Матвей вернулся поздним вечером.

Зайдя во двор, он по привычке проверил двери автомашины. Мать сидела в коридоре, сложив на коленях красивые руки.

— Лешку не видел?

— Завтра за ним в садик заеду, — пообещал Матвей. — Отец дома?

— Работает.

— Вот, я про него говорил. — Матвей протянул матери книжку.

Мария полистала ее, рассмотрела фотографию:

— Я знаю их семью. Родителей хорошо знала. Ни за что погибли бедняги.

— А как?

— Были в отпуске на море. Задохнулись от газа. То ли печку забыли выключить, то ли утечка была... Бедная старушка Бэти... Сколькo пережила. А детей все-таки на ноги поставила. Великая женщина... Ты знаешь, куда бы она ни пришла — ей самое почетное место уступают. Таких старушек уже и нет.— Мария снова посмотрела на книжку: — Красивая. Ну, дай бог всем добра.

Матвей вошел в комнату. Отец сидел за столом, проверял тетради.

— Это ты, бродяга? — спросил он, не отрываясь от работы.

— Вроде я,— отозвался Матвей и подошел к столу: — Сочинения?..

— Сочинения.— Отец оторвался от тетрадей.— Не желаешь написать? И тема хорошая: «Мой дом. Моя семья».

— С удовольствием. Вот только б снова в девятый...

— Что? Туговато взрослым быть?

— Взрослым нет. Среди взрослых.

— Ладно, друг мой, мне осталось еще пару тетрадей... Потом...

— Так уж и быть,— Матвей прошел в свою комнату, включил свет. На рабочем столе по-прежнему лежали весы. Он поднял их. Чашечки медленно поплыли вверх-вниз, остановились на одном уровне.

В душе Матвея равновесия не было. Он прошелся по комнате, вспомнил о Лане и Лешке. Плюхнувшись в глубокое кресло у окна, раскрыл книжку Яна. Бросился в глаза рассказ «Чехарда». Матвей начал читать:

«Они танцевали второй танец.

— Могу поспорить, что вы меня любите,— с улыбкой произнес парень.

— С чего бы это? — удивилась она.

— А меня любят все женщины мира. Это не хвастовство. Это факт. Правда, не все они знают, что меня любят.

— Откуда ж вам известно то, чего не знают они сами?

— Это просто. Представьте, что мы с вами попали на необитаемый остров. И там познакомились. Как сейчас. На острове никого, только вы да я. Пусть я буду трижды уродом или еще кем... вы все равно меня полюбите. Разве неправда? Человек не может без любви. Особенно когда нужно просто выжить.

— По-вашему выходит, что я люблю не только вас, но всех мужчин мира. Ведь на остров я могу попасть не только с вами?

— Но в данном случае речь идет о нас.

— Все это хорошо. Только ваша любовь на вашем острове вынужденная, а значит и насильственная.

— В любви всегда есть что-то насильственное. Ведь не зря говорят: «Если хочешь быть любимым — будь настойчив!» А в браке разве нет этой «насильственности»?

— Смотря в каком браке.

— В любом. Иногда ведь смешно смотреть на картинки в загсе — музыка, шампанское, песни, восторги. А потом через некоторое время смотришь... короче, как мой друг говорил: сначала месяц медовый, потом бредовый, а потом бедовый.

Она рассмеялась.

— Вот видите,— хотел он что-то продолжить, но вспыхнул свет и танец закончился...

— «...Вспыхнул свет...» — повторил Матвей и осмотрел свою комнату: красиво обставленная и хорошо освещенная, она казалась уютной, пустой и холодной. Он глянул в проем двери. Отец все еще сидел над тетрадами. Матвей взял книжку, подошел к телевизору.

— Включи, если хочешь,— сказал отец.

— Ты уже все?

— Да.

— Ваши ученики писателями становятся.— Матвей положил перед отцом книжку Яна, устроился напротив на софе.— Помоему, в этих рассказах что-то есть. Ты помнишь этого парня?

Отец рассмотрел фотографию на обложке.

— Помню, конечно. Ян... Он всегда на вечерах стихи читал. Молодец парень.

— Дай-ка.— Матвей раскрыл книгу, взглянул на зашторенное окно, улыбнулся: — Значит, с любовью у человека дела непонятные...

— А разве он не прав? Да и с чем у человека все понятно? Люди делают и не знают, что делают, выбирают — и не знают, что выбирают, любят — и не знаю, что любят, ненавидят — и не знают, что ненавидят.

— На людей, друг мой, проще всего налететь. «...Любят — не знают... навидят — ненавидят...» — перефразировал отец. — Может, и так, но что поделаешь? Человеку не на кого опереться, не на кого посмотреть. Есть только этот фантастически сложный мир и совесть. И та же любовь.

— Вот-вот: любовь. Но что любит человек? Жизнь? Нет. Жизнь человек не любит, а только наслаждения в этой жизни. Себя? Но как подумаешь, представишь себе все, что натворил человек за свою историю — все войны, всю кровь, да и сегодняшнюю жизнь, когда и в мире нет мира, хочешь — не хочешь, а вопрос задашь: может ли себя любить человек? Не может. Люди уже сами себе надоели. Так что же еще они могут любить? Друг друга? Насмотришься на людей и видишь, что люди и стремятся друг к другу только потому, что не хотят оставаться наедине с собой. Боятся уединения. Себя боятся. Вопросов боятся. Это ведь самое страшное в мире — вопрос... Знаешь, батя, кто мы такие? Мы детки. Преждевременно постаревшие, раздраженные ребенки. Только-только вопросы научились задавать, а уже и постарели. Еще самого главного вопроса не нашли, а уже постарели. Разве не так?

— Что тебе сказать, друг мой? Может, и не нашли.

— Иногда так думаешь, и кажется, что сама природа, или как ее там еще — этот мир — специально подсовывает не те вопросы, не то, что нужно. Чтоб от самого главного увести. Как хитрый зверь, который следы запутывает, чтоб не попасться, в сети не попасть... Жизнь обманула людей — люди обманывают друг друга.

— О чем разговор, философы? — Марня вошла в комнату, села рядом с Матвеем.

— Да вот, сын твой весь мир на штыки поднял,— добродушно усмехнулся отец.

— Неужели ж он этого заслуживает — мир? — улыбнулась Мария.

— О-о! Еще как! — ответил Матвей и нарочито лениво продолжил: — Сказать вам, что такое мир? Мир — это дявольский ростовщик. Ростовщик из ростовщиков. Стоимость жизни снизил и проценты дерет. Громадные проценты.

— Лихо ты это завернул. Смотри-ка, выдает как? «Мир», «ростовщик», «проценты»... Про-ку-рор... — с иронией усмехнулся отец.

— А что?

— Что-о... Правильно все. Как ты сказал: главного вопроса не нашли? Уже постарели?

— Разве не так?

— Так. Но только «не постарели», а хныкать начали.

— А никто и не хнычет. Просто я понять хочу — зачем все это. А вам слово попробуй скажи. В момент его придушите. Но ведь слово запретить нельзя... Рано или поздно — оно делом выходит. Хочешь ты этого или нет... Слово, оно ведь не исчезает. А если хочешь — оно и в подполье уходит. Там свою работенку провернет и делом выйдет. Но только каким уже делом. Может ведь и бедой обернуться. Так что уж лучше не запрещать. А вы не хотите ничего видеть. Жизнь другая уже. А вы все в свои старые правила... В новые игры по старым правилам не играют. Уперлись в свою доброту и ничего видеть не хотите. А если и доброта уже другая. Если она не такая уж добренькая?

— Дружочки мои, может, о другом чем-нибудь? — шутливо попросила Мария. — А то вы как маленькие дети!

— Какой он там «дети». У этого ребенка уже большой ребенок,— проговорил отец. — Только вместо того чтобы воспитывать его, он тут развел философию.

— А при чем тут ребенок?

— А все при том! — Отец нервно поправил тетради.

— Ну, отец, я прошу тебя. Я прошу вас... Только ссоры не хватало. Образуется все. Помирится он с Риммой.

— А может, я жениться хочу,— усмехнулся Матвей.

Глаза родителей вопросительно замерли.

— Что вы на меня смотрите, как будто я грабить собрался. Ну и что, если я и женюсь? Не я первый, не я последний.

— Матвей, ты что, серьезно? — насторожилась Мария.

— Серьезно, не серьезно... А может, и серьезно...

— Ты что, сын? А как же Лешка? Что с ним-то будет? Ты что?

— Ничего. Вырастет Лешка. Советская власть детей в обиду не дает.

— Власть,— сдерживая гнев, проговорил отец.— Власть ему нянька! — И вдруг ударил кулаком по столу.— Встань!

— Отец! — опешила Мария.

— Я не на уроке у тебя! — бросил Матвей.

— Нет, ты встанешь!

— Я встану! И уйду! — поднялся Матвей.

— Ты еще и угрожаешь мне? А ну стой!

— Матвей! Отец! Да вы что? — Мария встала между отцом и сыном.

— Ты можешь мне угрожать сколько угодно. Можешь уйти! — кивнул отец на комнату Матвея.— Но сначала ты приведешь в дом моего внука. Понял?

— Прямо сейчас? — усмехнулся Матвей.

— Сей-час!

— Пока.

— Сынок! — Мария бросилась к Матвею.— Сынок, я прошу тебя. Ну, я прошу. Я ведь никогда тебя ни о чем не просила. Скажи, разве просила? Ну скажи.— Слезы скользнули по ее щекам.— Ну, Матвей, я прошу тебя, подожди.

Он опустил голову.

— Отец,— повернулась Мария к мужу,— скажите что-нибудь друг другу. Вы же любите друг друга. Матвей, ты ведь любишь отца? Ну, скажи. Ты же младше. Сын, скажи...

Матвей искоса глянул на отца. Тот сидел, подперев висок кулаком, смотрел куда-то вдаль.

— Ну чего ты, мама? Успокойся.— Матвей бережно вытер ее слезы.— Ну люблю я его, конечно. Кого ж мне еще любить?

— Вот видите,— ожила Мария, и на лице ее появилась улыбка.— Вот видите,— старалась она подвеселить улыбку, но слезы все еще были непослушны.

— Извини,— глухо попросил ее отец, раскрыл книжку Яна. Глаза его смотрели на веер страниц, но видно было, думали о другом.— Я оставлю пока у себя,— тихо сказал он.

Потом все трое пили у телевизора чай, о ссоре никто не думал, казалось, и не было ее никогда.

Перед сном разошлись как обычно — пожелав друг другу спокойной ночи.

Ночью Матвей не мог уснуть. Он вставал и курил. Не давала покоя ссора с отцом, слова матери. И впервые так ясно понял он, что ему не хватает семьи. Надо вернуть Римму, сына. И жить. Жить просто. Как все... Ведь он любит сына, и сын тянется к нему. Это видно по встречам, в которых самым тягостным было расставание. И Римму, Матвей был уверен, расставание тяготило не меньше. Он знал — Римма любит его по-прежнему. А разве он сам не ищет ее, разве не любит? Матвей швырнул сигарету к двери и попытался уснуть, но не спалось. Вышел в большую комнату. Три окна с зелеными шторами подсвечивались уличным фонарем. Матвей отодвинул штору среднего окна, уперся руками в подоконник. Серая лента асфальта блестела под светом уличного фонаря, дома на противоположной стороне прилипли, затаив в себе тайну.

Неожиданно под окном послышался шорох и бормотанье. Матвей прильнул к стеклу, напряг зрение. С минуту всматривался вниз, потом осторожно, чтоб не разбудить родителей, выскользнул в коридор, надел плащ и вышел на улицу. У обочины лежал человек. Увидев Матвея, встал и, согнувшись, как под тяжелым грузом, пробормотал что-то. Лицо у него было разбито, в сгустках крови. Матвей узнал Власа. Покачиваясь из стороны в сторону, Влас вышел на дорогу, снова упал на колени, снова с трудом поднялся и также, еле держась на непослушных ногах, спотыкаясь, словно кто-то невидимый толкал его в спину, заковылял по улице.

«Я не вор...» — вспомнилась Матвеем вчерашняя встреча с Вла-сом, увиделась его раскрытая ладонь, из которой вылетели моне-ты... «Я не вор...» — слышался его жалкий голос.

В душе Матвея снова стало слякотно и неудобно. Он взглянул в ночное небо. В стремительной черной бездне плясали холодные звезды.

Матвей поднял воротник плаща, посмотрел по сторонам. Во-круг было тихо. Лишь вдалеке покачивалась из стороны в сторо-ну фигура Власа, и деревья с плоскими кронами, как чуткие ра-дары вслушивались в ночную тишину.

8

У Моки в руках было зеркало — небольшой треугольный оско-лок. Он сидел на корточках неподалеку от остановки троллей-буса и ловил зеркальцем солнце. Как только подходил очередной троллейбус и с шумом распахивалась дверь, Мока всматривался, искал нужное лицо и, не найдя, снова принимался ловить зерка-лом солнечный свет.

Когда из машины вышла Лана, Мока спрятал зеркало в кар-ман и побрел следом за нею.

Лана заметила его два дня назад, но не придавала особого зна-чения: мало ли какие могут быть совпадения и случайности. Но в этот день, выйдя из троллейбуса и увидев поднявшегося с кор-точек Моку, обернулась. Мока шел за ней. Пройдя еще несколько метров, Лана оглянулась снова. В третий раз решила подождать. Мока приблизился, преданно взглянул на нее и опустил голову. Лана поправила воротник его старой измятой рубашки.

— Ну что, сосед, домой?

Мока согласно пошел рядом. Поначалу Лана чувствовала себя неловко, но, увидев появившееся в его руках зеркало, улыбнулась. Зеркало было нацелено в небо. Лана подняла голову, и ей по-казалось, что увидела она это небо другим. Она посмотрела на Моку, легким взмахом головы разметала над плечами каштано-вые волосы.

— Ничего, друг мой!..— бодро произнесла она.

— Лана, ты кавалера себе выбрала — что надо! — усмехнулась знакомая женщина.— Прямо хоть отбивай.

— Бесполезно. Он с тобой и не пойдет,— в тон ей ответила Лана.

У ворот Ильи, словно оказавшись перед чертой, которую переступить нельзя, Мока остановился. Лана посмотрела на него, скользнула взглядом по его худой, вечно юношеской фигуре. Сердцу сделалось больно. Больно за этого обиженного судьбой человека.

Лана поправила ремешок сумки, ободряюще улыбнулась:

— Ничего, друг мой! — Ей хотелось сказать что-то еще, но не было слов.

Мока опустил голову, ссутуля плечи, вошел в калитку старика. Лана смотрела ему вслед.

В воскресенье Хасан пришел во двор к Илье, по-военному козырнул:

— Доброе утро! Бог сегодня хорший погода принес.

— Да, день будет солнечный... Садись.— Илья кивнул на крыльцо, и они тесно устроились на верхней ступеньке. .

— Сегодня много поработаем. До самый вечер столько получить может,— с удовольствием произнес Хасан.

— Сегодня похороны. Один молодой парень на машине разбился. Двадцать один год. Жена осталась. Ребенок маленький... Часиков до двух поработаем, а потом туда надо идти.

— Правильно говоришь, Иля. Человека уже совсем никогда не будет. Совсем никогда. Про его жизнь подумать надо, последний раз любить надо. Все вместе. А когда похороны?

— Говорят, в три.

— Эх, машина, машина! Зачем только придумался этот машин?! Сколько молодой жизни погубил! — сокрушался Хасан.

Старики сидели опустив головы, точно стыдились поднять глаза к восходящему солнцу. Илья хлопнул по коленям большими ладонями:

— Пойдем чаю попьем.

— Получился...

...На похороны, казалось, вышел весь Поселок. От дома погибшего, по обе стороны запрудив широкую улицу, колыхалась притихшая толпа. Множество лиц, множество судеб, пришедших последний раз прикоснуться к той, что безвременно ушла из мира.

Илья и Хасан стояли вместе с Шамилем, Данилом, одетые в темные рубашки.

Илья часто курил.

Неожиданно из глубины двора рванулись к небу иступленные женские крики. Следом, перекрывая их, ударили и загрохотали все вокруг медные аккорды духового оркестра. Толпа на улице раздалась и вытянулась живым коридором. По рукам пошли венки. Над головами качнулся обитый красным бархатом гроб. Тело парня было полностью закрыто белым шелком, Мать погибшего иступленно кричала, обратив к небу исцарапанное, с кровавыми следами лицо...

Илья поник головой. Внезапно под левой лопаткой возникла знакомая боль, стала душить сердце. Старик попытался отмахнуться, не думать о ней — такое ведь было и раньше, но в этот раз, войдя со спины, боль прочно, казалось, навсегда, нашла свое место.

Старик стиснул грудь.

— Чего, Иля? — Хасан тревожно посмотрел в его глаза.

— Схватило что-то... Пройдет...

— Может, домой пойдешь? — насторожился Шамиль.

— Заживет, как на собаке! — натянуто улыбнулся Илья.

Трубы духового оркестра, гулкие удары барабана сотрясали воздух. Медленная толпа текла по улице, приближалась к трассе, где поджидало ее несколько автобусов.

Шествие вышло на перекресток. Неожиданно с левой стороны послышался пронзительный вой сирены. По трассе летела «скорая». Толпа на перекрестке инстинктивно разделилась, и «скорая» промчалась по возникшему коридору.

Когда похороны окончились и люди начали выходить из

кладбищенских ворот к автобусам, Илья увидел Яна. Вместе с Матвеем и еще двумя парнями он стоял у белой «Лады».

— Садись, подвезем,— сказал Матвей.

Илья открыл заднюю дверцу. Рядом сели Васька и Феликс. Машина медленно поехала вдоль кладбищенской ограды.

— Да-а. Вот и все! Жалко парня. Мамой клянусь,— вздохнул Васька и достал сигареты, но рядом со стариком курить не решился.

Машина резко затормозила.

— Кошка...— оправдался Матвей.

— Ты из-за кошки нами не рискуй. Кошку спасешь, а нас убьешь. Смотри-ка, и я поэтом стал. А, товарищ журналист? — Феликс улыбнулся в затылок Яну.

— Тебя не убьешь,— ухмыльнулся Васька.— Ты живучей тысячи кошек вместе взятых!

Матвей рассмеялся.

— А машину того парня видели? — Феликс тут же перевел разговор.— Ни одного живого места. Амортизаторы в багажник вылезли.

— Машины,— медленно произнес старик и посмотрел на Матвея в зеркало обзора.— Раньше их не было и кажется все успевали. А сейчас каких только машин нету, а человеку жить труднее.

— Что поделаешь...— ответил Матвей.

Илья посмотрел на Яна:

— Сынок, ты ученый человек, книжки пишешь, в почетном месте работаешь, скажи, ответь глупому старику — неужели человек все придумывает для своей гибели? Своими руками смерть себе ищет?.. Я не для себя говорю, для вас — молодых, для сына своего. Вам дальше жить...

Обернувшись с переднего сиденья, Ян взглянул в лицо старика.

«Все будет хорошо»,— хотел сказать Ян, но вместо этого сорвалось:

— Хочу верить, что все будет хорошо.

— Во что верить? В машины? — спросил Феликс.

- В душу твою...— усмехнулся Ян.
- Вечную? — переспросил Феликс.— В душу верить надо.
- В чью надо, а в чью опасно,— кольнул Васька.
- Вера — это всегда опасно,— подмигнул Ян.
- Да жить вам сто лет! — в раздумье проговорил старик.
- Навстречу неслась стремительная дорога.

После поминок товарищи еще с четверть часа постояли у дома погибшего, в теперь уже праздной и хмельно-говорливой толпе. Время шагнуло за четвертый час, душное воскресенье шло на убыль, но впереди еще маячил нерастраченный отрезок долгого майского дня.

- Пойдем, что ли. Что здесь стоять,— сказал Матвей.
- Да, ребята, надо идти,— кивнул Ян.
- Поехали с нами, если не занят... Что-нибудь придумаем,— предложил Матвей.
- Поработать надо. Ты сам знаешь...
- Подвезем тебя, садись.

Ехали по центральной улице поселка. Матвей включил магнитофон. Мягкое шуршанье шин, залетавшее в приоткрытое окно, потонуло в яркой темповой мелодии. Машина пошла быстрее. Подъехали к дому Яна.

- Заходите,— пригласил он.

Матвей коротко развел руками: не получается, мол, и улыбнулся. Попрощались.

— А сестренка у него все-таки люкс,— вздохнул Феликс, едва машина отошла от бордюра.— Ничего... Скоро почину свою «лошадку», покрашу, займусь этой девочкой.

- Так она и сядет в твою гнилуху,— хмыкнул Васька.
- Э-э, брат мой, плохо ты Феликса знаешь... Хочешь посприм...— расхохорился Феликс.

- Да завязывай...

— Что? Думаешь, не смогу? Эх, Васька-Василий... Баб ты не знаешь. Брошенная баба как потерянный рубль — кто-нибудь поднимет и передаст другому. Правильно говорю, Прокурор?

Матвей остановил машину, зло повернулся.

— Ты что, обиделся? — Феликс вжался в спинку сиденья. — Да я так... просто... — И вдруг, словно увидел спасительную соломинку, встрепетул: — Я, конечно, насчет «сестренки» напрасно... У меня с ней ничего не выйдет... А с тобой она куда хочешь пойдет.

— Слушай... — Матвей подался к нему.

— Не надо, — вмешался Васька. — А ты тоже, болтаешь много! — бросил он Феликсу.

— Я-то вообще ничего такого не хотел... Извините, если что... Матвей резко сорвал машинку с места.

В этот же вечер старика снова настигла боль. Войдя под лопатку, проникла в грудь и холодными сетями стала душить сердце.

«Что это?» — спросил у себя Илья, впервые остро почувствовав тревогу. Он поднялся из-за стола, медленно вышел в коридор, распахнул дверь.

Свежая волна воздуха растеклась по груди. Илья облокотился о дверной косяк, прикрыл глаза. «Может, прилечь?» — подумалось ему. Он вернулся в дом, сел на кровать, прислушиваясь к боли, и впервые за много лет подумал о лекарстве. Но в доме лекарств не было. Ловя открытым ртом воздух, старик вытянулся на постели, закрыл глаза.

Он уже засыпал, когда чья-то ладонь осторожно коснулась его плеча.

— А, брат мой! — Старик поднял голову, увидел светлые глаза Моки, хотел было встать, но не смог.

Мока присел у постели, прижался к его ногам.

— Еще поживем... Ничего... — тихо сказал Илья и задумался, шершавыми пальцами провел по жесткому подбородку. Затем встал, прошел во вторую комнату, остановился у сундука. Собрал все силы, отодвинул его в сторону, поднял с пола половицу, опустил в щель руку по локоть, вытащил железную коробку с пятнами ржавчины по бокам. Поставил ее перед собой на стол, отер ладонью, прислушался.

Отчетливо бился в комнате торопливый ритм будильника. Мока сидел у окна и смотрел на Илью. Старик достал из коробки красный тряпичный мешочек, вынул из него три пачки пятидесятирублевых ассигнаций, туго перевязанные накрест. На дне коробки лежал огрызок карандаша и сложенный вдвое листок, пожелтевший от времени, с длинным рядом цифр.

Всю жизнь откладывал деньги старик, мечтал поставить хороший дом для сына. А сейчас, глядя на спрессованные пачки, думал о подступившей болезни и не мог, не хотел ей покоряться.

— Не построил я дом, не успел,— с горечью выдохнул старик.— Вот так-то, брат мой.— Он взглянул в Мокины глаза.— Живешь, живешь, а потом оглянешься, и, кажется, ничего и не было. Да и что было? Скажи, Мока, что было? Одна работа. Вкалывал всю жизнь, как проклятый...

Мока молчал.

Часть вторая

НАСЛЕДСТВО

1

В это утро настроение у Шамиля было высокое: с армейской службы возвращался сын.

За полчаса до прибытия поезда Шамиль уже был на перроне и, заложив руки за спину, всматривался вдаль, где сходились на горизонте сверкающие рельсы.

Поезд возвестил о себе протяжным волнующим гудком. Люди высыпали на перрон.

Костя был уже в тамбуре и махал фуражкой из-за спины проводника.

— Да перейдут ко мне все твои боли, жизнь моя! — вскрикнула Надя — жена Шамиля, вытирая концом платка слезы.

Шамиль пропустил ее вперед, с достоинством выждал, пока она выплакалась на груди сына, и потом крепко обнял его, коснувшись жесткой щеки губами:

— С приездом, солдат!

— Спасибо, отец! — Костя поправил съехавшую на затылок фуражку, обнял Шамиля за плечи.

— Как служилось? Как наши танки? — спросил старик, вспомнив, что и сам он бывший танкист.

— Высший класс!

— Ну, тогда пошли...

Такси брать не стали: так пожелал Шамиль. До Поселка добрались на автобусе, а там, принимая поздравления людей, прошли по улицам.

Старик показал сыну только что отстроенный, еще с запахами краски и извести, новый дом.

— Ну, как наша стройка? — спросила мать.

— Нормально. Высший класс! — по-военному ответил Костя: — А сестренки мои когда придут?

— Сейчас. Вот-вот появятся. Как они тебя ждали! Как ждали! — ответила мать.

К вечеру во дворе накрыли два стола. Один длинный — для друзей Кости, другой небольшой — для товарищей и родственников Шамиля.

Молодежь вспоминала свои похождения — все то, что было еще вчера, но для них уже давным-давно. Друзья Шамиля — Данил, Хасан, Илья — поглядывали на веселую молодежь и вспоминали тоже. Но только для них — стариков — все было не давным-давно, а, кажется, только вчера.

По-соседски поздравить Шамиля пришел Матвей и присоединился к молодежной компании.

— Скоро и твой сын придет, — обратился Шамиль к Илье. — Еще немного и, как говорят, можно пожить и для себя: отдохнуть, а то и сходить кое-куда...

Хасан размял сигарету, закурил.

— Отдыхать хорошо. Только где этот отдыхать? Нету отдыхать. Клянусь аллах, нету. Я мой дочка замуж отдал, она тоже сына родил, для него тоже делай что-то. Для дочка так не надо, а для внук надо. Сильно надо. Теперь такая жизнь ходит — человеку уже мало не надо, человеку много надо.

— Да-а, — в раздумье произнес Данил, поглаживая пепельную бородку. — Ты прав, брат мой: теперь человеку много надо. Особенно молодым.

— Надо — так сделаем! А для чего нам еще жить?! — произнес Шамиль. — Для детей наших. Мы с тобой что видели? Войны и голод. Пусть хоть наши дети за нас проживут. А мы, старая гвардия, если понадобится, еще повкалываем... Только бы войны не было.

— Шамиль, — предложил Илья, — давай завтра у меня посидим. Хочу твоего сына пригласить.

— Спасибо, брат. Посидим. А как же иначе. Мы с тобой всю жизнь вместе и наши дети тоже,— благодарно произнес Шамиль.

Как и договорились, на следующий вечер собрались у Ильи. Бэтие по его просьбе приготовила жаркое, сочные голубцы.

Стоял последний вечер мая, теплый и тихий: сиди себе, радуйся жизни.

Во дворе Бэтие звякнула калитка. Прижав к бедру черную сумочку, вдоль дома шла Лана, бросила короткое: «Здрасте».

— Сто лет тебе жизни! — пробасил Илья и уже больше для Яна, сидевшего за столом, продолжил: — Славная девушка. Красавица наша. Она у нас медсестра. В санатории работает.

— Хорошая! Очень хорошая! — поддержал Хасан и повторил однажды сказанное старику: — Жалко, у меня сын такой нету. А то бы свой дочка сделал,— и улыбнулся Яну.— Отдал бы за мой сын сестра твой? А?

— А почему бы и нет. К хорошим людям — с радостью.

— Живи много-много. Сколько хочешь живи! — поблагодарил Хасан.— А сестренка твой береги, кому попадись не отдавай.

Шамиль посмотрел на сына. Тот — на соседскую дверь: может быть, Лана сейчас выйдет. Это не понравилось Шамилю, он перевел разговор:

— Погода сегодня хорошая. Настоящее лето.

— Да, уже, считай, лето. Завтра первое число,— в раздумье произнес Илья.— А мы с тобой, Хасан, так и не выкопали колодец. Продолжать надо...

— Сделаем, сделаем. У тебя сердце болеть отпустил — теперь дальше будем...

— Надо, брат мой. А то этот колодец покоя не дает.

— Правильно говоришь. Я тоже такой характер. Если какой работа не закончил, как будто чей-то кушать отнял. Сам кушаю — а тот в моя рот смотрит.

За столом рассмеялись.

Проснувшись утром, Костя хотел вскочить по привычке с по-

стели, но передумал. Служба осталась позади, и уже не будет ни построений, ни команд: он теперь вольная птица. Лети куда захочешь. Сладко было думать и о Лане. Ее он знал еще до армии, учились в поселковой школе. Лана была старше Кости на год и казалась недостижимой.

С утра и весь день Костя думал о ней. Виделись ее большие вишневые глаза, вольные пряди волос, стройная фигура. Вечером он надел свой новый костюм и пошел к Илье. Старик обрадовался, хотя и удивился немного. Но, заметив частые поглядывания гостя в соседний двор, ухмыльнулся: «И старики в почете, когда у них хорошенькие соседки».

— Привыкаешь?..— спросил он.

— Привыкаю, дядя Илья,— ответил Костя и снова глянул в соседский двор: — Соседи у вас хорошие — забор не сплошной поставили...

— Хорошие, хорошие,— подтвердил старик.

— И сестра у Яна красивая,— сказал Костя.

— Красивая,— прежним тоном ответил Илья:— Может, чаю попьем?

— Можно,— кивнул Костя и еще раз глянул в соседский двор.

В этот вечер Лану он не увидел. Раза три-четыре открывалась дверь ее дома, но выходили или жена Яна, или старушка Бэтие.

Шамиль постукивал молотком в своей мастерской, мечтал о женитьбе сына, и уже близким казался тот день, когда он увидит своего внука. У Шамиля были внуки, но от дочерей, а дочери, какие бы они ни были — чужая фамилия.

Шамиль вспомнил о своем портрете, обернулся.

С ватманского, чуть запыленного листа смотрело носатое лицо с острыми глазами. «Ай, молодец,— похвалил Шамиль художника,— за несколько минут нарисовать такой похожий портрет?!» Он подмигнул своему изображению, вспомнил товарищей и веселей застучал молотком.

Костя подошел к санаторию. Кабинет ЭКГ находился в правой половине корпуса, на первом этаже. Лана должна была закончить работу через полчаса.

Костя взглянул на часы и зашагал по ветвистой аллее. Скучные физиономии отдыхающих сменялись счастливыми парами курортных влюбленных, томно теребивших стареющие пальцы друг друга. Две молоденькие отдыхающие игриво взглянули на Костю и, поймав его взгляд, расхохотались.

Костя улыбнулся, послал девушкам воздушные поцелуи. Эта нечаянная встреча взбодрила его, прибавила уверенности. По армейской привычке он стянул складки рубашки к спине, повернул к лечебному корпусу.

Лану он встретил случайно: шла она не с той стороны, откуда он предполагал. Воровато посмотрев по сторонам, Костя обогнал ее:

— Здравствуйте, девушка.

— Здравствуйте...

— Не подскажите, как до поселка доехать?

Лана быстро взглянула на Костю и усмехнулась:

— Подскажу. Могу даже к папе и маме отвезти.

— Высший класс! А я ждал тебя на другой аллее,— перешел он на «ты». — У тебя красивые волосы и глаза.

— Ты тоже смотришься ничего.

— А вдвоем мы смотримся лучше.

— Высший класс?..

— Точно — высший. Видишь, как люди засматриваются?

— Наверное, от зависти лопаются,— усмехнулась Лана.

— Конечно. А тебе курортники, наверное, проходу не дают?

— Разумеется.

— Теперь дадут.

— Что? Каждый день приходиться будешь?

— Буду.

— И жениться, наверное, хочешь?

— Конечно.

— И охота тебе? Посмотри, какой ты молоденький и красивенький. Гуляй себе на здоровье. Солнышком любуйся, птички вон поют.— Лана смерила Костю насмешливым взглядом.— Наслаждайся себе. Зачем тебе женитьба? Тебе еще расти и расти. А к незнакомым порядочные люди обращаются на «вы». Понятненько?

— Высший класс! — воскликнул Костя, пропуская замечание мимо ушей.

В автобусе их растолкала толпа. На остановке у Поселка Лана сказала:

— Понграли и хватит. Вон уже и наблюдатели есть.

Костя оглянулся: три женщины в упор смотрели на них.

— Калоши старые,— усмехнулся Костя и пошел следом за Ланой.

3

— Ничего у меня не болит. Все прошло. И сил хватит еще на тысячу колодцев,— сказал Илья Хасану, понимая, что говорит неправду.

Старик понимал, что от работы надо отказаться, но колодец не давал покоя. Не хотелось отступать, подчиняться болезни.

Вдвоем с Хасаном они снова пришли в это утро к колодцу. Летнее солнце уже склонилось к горизонту, и погода была самой рабочей — без жары. Старики переоделись, присели на шершавый ствол старой спиленной груши.

— Хорошо бы потом попариться, старые кости погреть, а, Хасан? — предложил Илья.

— Получился. Хороший большой веник возьмем — я из твой спина мочалка сделаю. Такой хороший мочалка. Потом совсем молодой будешь. Красивый пухленький женщина захочешь.

— Что, Хасан, пухленькие нравятся?

— Нравится, конечно. Зачем обман говорить. Пухленький нравится. Который как свежий булочка.— Ладони Хасана очертили в воздухе что-то округлое.

— Жене расскажу,— рассмеялся Илья.— Погонит твоя Зойка.

— Не-ет. Мой жена умный. Если я «этого» хочу, на здоровье говорит, лишь бы получалось.— Он подмигнул Илье, и оба рассмеялись.

Посидели еще, поговорили о детях.

— Ну, я тогда пошел.— Хасан бросил в колодец лопату, спустил за веревку побитое ведро.

Минут через пять веревка дернулась. Илья вытянул ведро, сбросил глину, осторожно опустил в колодец, оглядел внушительный холм земли. «Сколько перебросали этой глины,— подумал он.— Сколько уже вывезено!» Илья представил перелопаченную за время работы землю, и проделанное показалось невероятным. Вспомнилось, как начинали, те первые вечера, когда спорилась, бодро шла работа, и как дальше приходилось труднее. Сейчас душный темный ствол колодца уходил уже на одиннадцатый метр. Но воды еще не было.

Илья сменил Хасана. Работал с трудом. Тяжело дышал, часто вытирая со лба пот, стесненными движениями наполнял ведро. Вытерев пот со лба, вдруг почувствовал, как под лопатку вошла острой иглой боль и холодными железными сетями стала душить сердце. Стараясь не вслушиваться в нее, старик воткнул лопату и, чувствуя тугое сопротивление земли, оторвал пласт, перенес в ведро.

— Ничего. Сейчас... Сейчас пройдет...— бормотал Илья, стараясь заговорить боль. Но от слов еще больше сбилось дыхание и туже стянулись сети над сердцем. «Все... уходить... уходит...» — мелькнуло в сознании. Илья тяжело ступил на лестницу и стал подниматься.

Каждая перекаладина давалась с трудом, словно к ногам был привязан тяжелый, влекущий ко дну груз. Наконец осколок неба разросся над головой, как распахнутое окно. Старик поднял руку и, сжав перекаладину, поднялся еще на одну ступень, вторую, третью.

— Иля! — Голос Хасана резко вошел в сознание.— Иля! — Хасан склонился к нему, обхватил за плечи, выволок из колодца.— Что, Иля?! Что?! — бормотал он, заглядывая в побелевшее лицо старика и, не слыша ответа, тревожно залепетал: — Сичас...

счас... Живи, Иля! Еще немного живи! Счас... Живи... Я врач принесу! — Хасан метнулся к воротам, но снова бросился к другу, подложил под его голову две рубашки и, перепачканный прилипшей к голой спине землей, помчался к центру поселка.

Прохожие недоуменно смотрели ему вслед:

— Эй, Хасан, ты куда?!

Но старик не слышал. Ворвался в телефонную будку, дрожащими пальцами набрал номер:

— «Скорый»?! Скорей приезжай, дочка! Человек умирает! Иля умирает! — Хасан кое-как назвал адрес и помчался обратно.

— Живи, Иля! Еще чуть-чуть живи! — бормотал он на бегу.

При виде вновь бегущего старика люди с удивлением и любопытством смотрели в его сторону. Несколько человек потянулись следом.

Хасан ворвался во двор, приложил ухо к груди старика:

— Иля! Иля! Подожди! Не ходи туда! Сейчас дочка придет! «Скорый» придет!

Вой сирены пронзил закатное небо и резко оборвался у ворот. Пожилой фельдшер пощупал пульс и приказал: «В машину!»

Старика положили на брезентовые носилки. Хасан суетливо вымаливал:

— Доктор, спаси его! Спаси Иля! Он добрый!

— Это уж как бог положит,— отозвался фельдшер.

— Какая бог? — оторопел Хасан.

— Ну аллах! Не мешайте! Дайте закрыть дверцы!

Во дворе появился Мока, протиснулся сквозь толпу, потянул дверь «скорой» и хотел вскарабкаться вслед за носилками.

— Это еще что? — крикнул фельдшер.— Уберите его!

Моку оттянули от машины. Он вырвался, вцепился в ручку. Но «скорая» тронулась, рванув за собой маленького человечка, протаскала по асфальту. Толпа вскрикнула. Мока упал грудью на асфальт, поднялся, снова бросился за машиной, но «скорая», разрывая воздух сиреной, была уже далеко.

Мока свесил голову, постоял секунду и проковылял к обочине, опустился у дерева. Хасан заспешил к нему:

— Брат мой! Брат мой!

Мока поднял тихий взгляд. Быстрая слезинка прокатилась по его щеке.

«...Как бог положит... ну, аллах...» — вспомнились Хасану слова фельдшера.

Хасан выпрямился, поднял к небу хмурое лицо и жестко процидил:

— Не получился! Ничего не получился! Нет бог! Нет аллах! Два царь не бывает! — Он пнул ногой попавший под ногу камень. Вид рабочих сапог напомнил, что он без рубашки и весь вымазан землей.

Хасан быстро вернулся в семеновский двор, переоделся, со вздохом бережно свернул одежду Ильи, взял с собой и торопливо, почти бегом направился к Шамилю.

Шамиль был в этот час в своей мастерской. Отрывистый стук молотка четко доносился из открытых дверей.

— Заходи, брат мой! — улыбнулся Шамиль. — Что случилось?

— Илья плохо! Совсем плохо!

— Как?

— Совсем как умер! «Скорый» повез! — торопливо проговорил Хасан.

Шамиль сорвал с пояса рабочий фартук, закрыл мастерскую, и через несколько минут оба торопили водителя такси:

— Сынок, если можно быстрее. Там человеку плохо.

Мчались по городу, обгоняли на скорости автомашины, выгадывали каждую секунду, чтобы успеть под «зеленый».

— Откачали вашего друга. Крепкий оказался старик, — успокоил товарищей врач лет сорока в золотистых очках.

— Спасибо, брат мой! Живи долго! Сколько хочешь живи! — Хасан крепко пожал его руку, переложив стариковскую одежду в левую подмышку: всю дорогу до больницы, не зная и сам почему, он не расставался с вещами Ильи.

— Дай бог тебе здоровья! — почтительно поблагодарил Шамиль врача.

— Кровь надо? — предложил Хасан. — У меня много есть. Го-

рачий кровь. Даже мой жена говорит, у тебя хороший кровь.— Он вытянул руку, готовый хоть сейчас подставить под иглу свои вены.

— Нет, кровь не нужна,— рассмеялся врач.

— А что надо?

— Покой. Покой ему нужен... Извините... Дела.— Врач простился со стариками и зашагал по больничному коридору.

— Пойдем, Хасан. Слава богу, что так...

— Получился.— Хасан поправил стариковскую одежду и впервые за все время улыбнулся.

— Одежда Илья занесем,— обратился он к Шамилю в такси.

— Занесем...

Двор Илья казался притихшим и одиноким. Дом был закрыт на всякий замок-гирьку.

— Наверное, здесь...— Хасан кивнул на одежду Илья, пощупав брюки, извлек из кармана небольшой, похожий на крестик ключ.

Старики осмотрели по-холостяцки неухоженные комнаты.

— Я, наверное, бабу пришлю. Надо порядок сделать,— сказал Шамиль.

— Правильно говоришь,— отозвался Хасан.— Зови свой баба. Я пока двор порядок сделаю.— Он вышел поискать метлу. Найдя какой-то измочаленный огрызок, отбросил к мусорному ведру и решил попросить у соседей.

— Бэтие! — крикнул, подойдя к забору.— Мать!

Старуха вышла из временки, поправила темную косынку, с достоинством уважаемой старой женщины ответила на приветствие.

— Такой беда получился...— начал Хасан и рассказал всю историю.

— Не переживай. Мы сами все сделаем. Не в первый раз. Соседи все-таки. Приберем. Я внучку пошлю. Она сделает все как надо. Не беспокойся.

— Спасибо, мать моя! Дай аллах счастья твоим детишкам... Ну, мы тогда пошел.

— Идите. Все будет хорошо...

Два часа спустя во двор торопливо шмыгнула сестра Ильи, сухопарая женщина лет пятидесяти, с вытянутым лицом и черными волосками на подбородке. Весть о брате, облетевшая дома поселка, дошла и до нее. Женщина воровато вошла в комнату: полы были вымыты до блеска, кровати аккуратно заправлены, окна сверкали. «Опередили!» — отметила женщина и бросилась во вторую комнату, но и там все было вымыто, чисто. Женщина расстегнула верхнюю пуговицу темного платья, метнулась в коридор, накинув крючок. Она знала, что у брата должны быть деньги. Но где? Женщина заглянула в тумбочку под телевизором. Но, кроме каких-то железяк и нескольких свечей, ничего не обнаружила.

Бросилась во вторую комнату к сундуку, осмотрела его со всех сторон и замерла: справа из-под сложенных на полу брюк выглядывал угол железной коробки. Глаза у женщины лихорадочно блеснули. Она отбросила брюки, открыла крышку — коробка была пуста. Лишь на дне ее, застеленном пожелтевшей газетой, лежали огрызок карандаша и свернутый листок. Последняя цифра на листке перехватила дыхание: «Пятьдесят семь тысяч!»

Пустая коробка с грохотом отлетела к железной ножке кровати. Несколько мгновений женщина опустошенно смотрела перед собой, дернула замок сундука, но вдруг встревоженно вскинула голову, насторожилась: кто-то стучал в дверь. С каждым разом сильнее:

— Откройте! Кто там? — донесся женский голос.

«Мада. Сестра!» — Женщина выждала секунду и пошла открывать.

— А-а, это ты, сестренка? А я вот убирала. Говорят: Илья при смерти...

— Что-то ты очень испугана! Устала, наверное, от уборки? — усмехнулась Мада и, отстранив сестру, прошла в комнату, осмотрелась: — Ты, молодец, Тося, хорошо убрала, — усмехнулась она. И скосив взгляд к ножке кровати, увидела коробку: — Под кроватью, наверное, не успела убрать? А? — Мада нагнулась, подняла коробку, показала листок с цифрами. — Да-а! Чисто убрали...

— Ты что? — испуганно отступила Тося. — Ты что, сестра?!
Мада смерила ее взглядом, словно оцупала. Тося суетливо махнула рукой:

— Она пустой была. Вон там лежала, — быстро заговорила она. — За сундуком, под брюками...

— Значит, и дверь кто-то открыл, и комнаты убрал, и коробку...

— Я пришла и тоже удивилась! — облегченно вздохнула Мада. — Столько денег! Столько денег!

— Сундук смотрела?

— Нет. Я ж говорю: только пришла.

— Надо посмотреть... Надо брату помочь... — с прежним нарочитым сочувствием произнесла Мада.

Они раздобыли во дворе железный прут, кинулись к сундуку.

— Постой. Надо закрыть дверь, — скомандовала старшая.

Тося метнулась в коридорчик, навесила крючок.

Сестры торопливо разворотили замок сундука. Не найдя ничего, заметались по комнатам. Обыскали старый шифоньер, пересупали матрацы. Но денег и каких-либо других ценностей не было. Опустошенные от напряжения, присели на развороченной кровати.

Дом старика потерял уют, повсюду были разбросаны вещи, опрокинуты табуретки, распахнуты дверцы шифоньера и тумбочки под телевизором. Все было перевернуто.

Мада задумалась. Долго смотрела в небольшое окно, потом вышла во двор.

— Бэтие! — позвала она, подойдя к забору. — Бэтие! Соседка! Как поживаешь, сестра моя?

— Спасибо. Живем потихоньку... Как Илья?

— Все так же, — вздохнула Мада, хотя и не была в больнице у брата. — Кажется, такой здоровый был, сильный... А вот... — Она помолчала: — Мы с сестрой решили в доме брата прибрать, а тут уже чистота. Как хорошо, что на земле есть добрые люди. Даже не знаем, кого благодарить! — Голос Мады звучал растроганно.

— Да это пустяки,— отозвалась старушка.— Если человек в беде — грех не помочь. Люди ведь мы.

— Так это на тебя, сестра моя, мы должны молиться?

— Да нет. Внучка моя позаботилась,— не без гордости ответила Бэтие.

— Ну мы в долгу не останемся. Спасибо ей скажи.

— Лишь бы Илья поскорей поправился.

— Да-да,— закивала Мада.— А внучка твоя дома? Хоть бы спасибо ей сказать...

— К подруге ушла... Я передам...

— Ну, мы пойдем.

— Да поможет вам бог! — пожелала сестрам старушка.

Мада оглянулась на дом, припомнив, что на холодильнике лежал замок, послала Тосю закрыть дверь и, отобрав ключ, сунула его за лифчик.

По улице сестры шли торопливо.

— Успеть бы его застать живым,— сказала Мада.— А то «плакали» пятьдесят семь тысяч.

— Пятьдесят семь! — повторила Тося.

К старику их не пустили:

— Неделью никаких посещений! — строго предупредил врач.

— Неделью-у? — удивилась Мада. И глянула на сестру: — Ну, что ж, подождем...

4

На следующее утро в поселке расплетали самую свежую новость: у старика Ильи пропали деньги, и поэтому у него случился инфаркт. Называли разные суммы: кто тридцать тысяч, кто сорок, а кто и поднимался до ста. Высказывались разные догадки...

Утром Бэтие возвращалась домой из магазина. По дороге встретилась пожилая женщина с плетеной корзиной:

— Значит, обокрали твоего соседа! Бедный человек! — сразу начала та и выжидающе посмотрела на старушку.

— Какого соседа? — удивилась Бэтие.

— А ты разве не знаешь? Рядом живете... Илью же обокрали, из-за этого, говорят, у него порок сердца стал. Все так говорят.— И, наклонившись к Бэти, зашептала: — Говорят, тысяча семьдесят было. Это говорят, а там, наверное, и все сто взяли. Свои же и взяли, те, кто знал про деньги. А кто же еще? Бедный человек. Говорят, на дом собирал, хотел для сына двухэтажный построить...

— Неужели правда?.. То, что он в больнице, я знала, а про деньги... Несчастный человек...

— Вот именно. Что делается в мире?! Такого человека обворовать! Нет у людей жалости. Хуже зверей стали... Так и ждут момента.

Бэти стал неприятен этот разговор, она кое-как отделалась от знакомой и направилась к дому.

Весть об Илье тронула сердце Бэти. То, что у него были деньги, она не сомневалась, разговоры о доме тоже верны: однажды старик поделился с ней: «Придет сын — хороший дом поставим». Но кто же мог взять эти деньги?

Она вошла во двор и, проходя мимо сетчатого забора, вдруг похолодела душой. Взглянула на стариковский дом. Вспомнила глаза Мады, слова: «Хотели прибрать, а тут уже чисто... значит, на тебя молиться?..»

Тут же вспомнился и свой ответ: «...Внучка позаботилась».

Бэти ужаснулась. Заспешила к калитке.

— Старая дура! Пусть будет проклят тот час, когда я родилась! — проклинала она себя.

Бэти почти вбежала во двор старика, увидев на двери замок, замерла, метнулась к окну.

— Господи! Весь дом переворошили. Что я натворила?! Что я натворила?! Зачем этой ведьме имя Ланы назвала?! Что теперь будет?! Что делать? — запричитала Бэти, но, вспомнив недавнюю встречу со знакомой женщиной, немного успокоилась: «Если та ничего не знает, значит, Лану не тронули. Иначе бы та женщина проговорила. Такие не из тех, что пожалеют. И ни перед чем не остановятся. Так, так. Иначе бы эта женщина намекнула. Лану не тронули».

Старушка успокоилась, но ненадолго: в душе прочно осела боль. Бэтие хотелось с кем-нибудь поговорить, облегчить сердце, но о таком лучше молчать. Но и молчать было трудно.

Старушка решила занять себя работой. Подмела и без того чистый двор, улицу перед домом, вымыла полы. На минуту присела, но, увидев из окна пыльную крону яблони, развела известку и побелила гладкий сероватый ствол.

Она полюбовалась деревом и вдруг увидела на стволе желтую полосу, вспомнила о бутылке с кислотой, взглянула на крепкий запор и белую стену дома, где жил Хайло.

«Почему бог создал таких людей? — подумала Бэтие. — Зачем он струбил дерево? Господи, господи...» Она вошла во временку, устало опустилась на табуретку и снова подумала о Лане: «Нет, это не она. Нет!»

Бэтие расстегнула верхнюю пуговицу платья, вытянула золотой, похожий на березовый лист, талисман. Нежная филигранная цепочка натянулась. Старушка прижала талисман к груди, закрыла глаза, прошептала: «Господи, сохрани мою Лану. Зачем тебе страдания молодой жизни? Возьми мою! Но обереги Лану!»

Ладонь Бэтие раскрылась, и с талисмана глянули два причудливых знака, похожих на иероглифы. Талисман был из старого золота. «Благословенна жизнь» — означали знаки талисмана. Старушка верила в его силу. Талисман перешел ей по наследству от матери. Из трех дочерей мать выбрала почему-то именно ее. Но почему? Спустя много десятилетий, сейчас, она стала понимать почему. Отдавая талисман, мать завещала:

«Когда сама станешь матерью, не спеши передавать. Он сам подскажет — кому. Благословенна жизнь!»

Боль в груди отвлекла от воспоминаний.

«Устала, — подумала Бэтие. — Совсем уже никуда не гоюсь. А может, просто уже пора?.. Пора... в последнюю дорогу?»

Мысли о смерти не пугали ее. Долгая жизнь, в которой было много страданий, множество болей, печали и невозвратных потерь, смысла страх, как смыкает песок непрерывный поток реки.

Бэтие пошла в дом, взяла подушку, легла на софу.

В комнате было тихо. Лишь изредка слышались за стеной зна-

комые шаги Яна. Пахло оттуда сигаретным дымом. Бэтие подумала о внуке: «Ушел из редакции и изводит себя за своими бумагами. Какая сила в этой бумаге?..» Бэтие захотелось увидеть малышей, но они в садике. Неля пошла устраиваться на работу.

«С троемми-то детьми... Как все будет?»

К вечеру вернулась бодрость. Забылась боль. Суетились по комнате непоседливые дети, звонкими голосами веселили душу. И только поздним вечером, когда вся семья собралась у телевизора, тревога закралась в сердце старушки.

— Слышали, говорят, нашего соседа обокрали? — сообщила Неля.

— Как обокрали? — удивился Ян. — Когда?

— Говорят, дня два уже...

— Не жизнь, а сплошное воровство, — усмехнулась Лана. — Каждый у другого что-то ворует. Кто деньги, кто жен, кто жизнь. Кто на что горазд. Чего только не воруют... Бабуль, а давай и мы с тобой что-нибудь украдем!

Бэтие вздрогнула. А Лана прижалась к ее плечу.

— Разве ты можешь украсть? — спросила старушка и пригладила ладонью душистые волосы Ланы.

— Жалко старика, — ответила Лана.

Ему не давала покоя яблоня. Она раскачивалась перед окном и затмевала весь мир.

После неудачной попытки — помешал Мока — Хайло заготовил несколько бутылок с кислотой и ночью снова пристроился на заборе.

Сладко булькнув, кислота вязкой струей потекла по стволу.

Яблоня вздрогнула, тихо зашелестела, словно просила о помощи. Хайло обернулся. В соседнем окне вспыхнул свет. Бэтие в белой ночной рубашке вышла из дома. Звук открывшейся двери четко разлетелся в ночи. Старушка услышала звон разбившегося стекла и глухой удар об асфальт. Звуки слышались из-за дома. Бэтие подошла к яблоне. Прислушалась.

Вокруг стояла тишина.

— Помоги нам бог! — шепнула Бэтие и, поеживаясь от ночной прохлады, вернулась в дом.

Утром она вошла в комнату Ланы, полюбовалась ее красивым, с большими веками лицом, каштановыми волосами, невесомо расплескавшимися на подушке. Присела на край кровати, провела ладонью по белому плечу:

— Ла-на! Вставай, доченька...

Лана улыбнулась безмятежными после сна глазами.

— Как спала?

— Хорошо, бабуля,

— Ну и слава богу.— Старушка помолчала, потом протянула раскрытую ладонь: под солнечным лучом блеснул талисман.

— Возьми, доченька. Носи на счастье!

— Бабушка! — Лана радостно всплеснула руками, свела у губ ладони.

Бэтие застегнула на ее шее цепочку, поправила волосы и, вспомнив слова матери, проговорила:

— Дай бог, чтобы и у тебя были дети и внуки. Но передавать талисман не спеши. Он сам подскажет кому... Благословенна жизнь!

Лана обняла Бэтие:

— Спасибо, бабуля!

— Носи на счастье! Да обережет он тебя от бед!

— Бабуль, а ты возьми мою.— Лана протянула старушке цепочку с кулоном зодиака.

В это же утро возле забора нашли холодное тело Хайло. Скрюченный, с опавшим подбородком, по-звериному скалился он в стену нового дома. Рядом валялась разбитая бутылка из-под кислоты.

Хоронили его как положено: с венками и музыкой. Но духовой оркестр, видя настроение людей, играл немного и без особого усердия.

— Отчего он умер? — спрашивали люди.— Вроде здоровый был...

И думали разное. А зная, что возле Хайло нашли разбитую бутылку из-под кислоты, предполагали: «Отравился». Но тут же с грустной усмешкой приговаривали:

— Нельзя, конечно, говорить об умершем плохо, но это был такой тип, что сам кого хочешь отравит. Да и кто его знает, сколько еще зла осталось от него на земле.

На поминках перед красивым домом сидели за двумя столами. Два взрослых сына Хайло курили в кругу товарищей. В глазах сыновей не было ни отчаяния, ни боли.

Из всех поселян о причине смерти Хайло догадывалась одна Бэтиэ.

«На чужой беде едут только к своему горю», — подумала она.

5

Это была первая летняя свадьба в Поселке. Вовсю грохотал оркестр, перекрывая крепчавший говор. За тремя длинными, параллельно стоявшими столами, трудно уже было найти скучающее лицо. Только молоденькие жених и невеста старались сохранить из приличия солидность и строгость. Но это старание вызывало у гостей добродушно-снисходительные улыбки.

В торце среднего стола сидела компания Матвея. Слушали Ваську. Следя за его лукавым лицом, дружно смеялись. Он старательно жестикулировал. В этот день, как, впрочем, и во все другие, у Васьки было доброе настроение.

На эту свадьбу пришло много поселковой молодежи. Широкий двор, перекрытый зелеными тентами, был похож на огромный шатер.

Матвей встретился взглядом с Яном. Тот сидел за противоположным столом с женой и сестрой Ланой.

— Я про него тебе говорил, — сказал Ян сестре.

— Слишком уж важный... — ответила Лана.

— Да вроде бы нет. Просто у него обостренное чувство собственного достоинства. И мне кажется, он тебе нравится.

— Может быть, — озорно ответила Лана.

— Хочешь позову?

— Давай. Сразу же и свадьбу сыграем. Ага?

— И свадьбу тоже сыграем.

Вновь зазвучала музыка, перекрывая людской говор.

Гости начали танцевать. Вышла в круг и невеста.

Освещение погасло, и в мгновенно ослепшем дворе брызнули лучи цветомузыки. Снопы мерцающего света выхватывали из темноты веселые лица.

На свадьбе был и Костя. Он подошел к Лане:

— Разрешите...

— Не передумал еще жениться, «высший класс»? — улыbnулась Лана и встала из-за стола. Костя хотел было взять ее за плечи, но она отстранилась.

— Так ведь неинтересно! — стараясь перекрычить музыку, сказал Костя. — И поговорить нельзя...

— А тут все равно не поговоришь. — Лана кивнула на музыкантов, которые старались играть погромче.

Костя пожал плечом и вслед за Ланой стал танцевать современный танец.

Матвей пересел к Яну, и они, склонившись друг к другу, о чем-то оживленно заговорили.

— Потанцуем еще? Одно танго? Я сейчас закажу, — попросил Костя.

— Как-нибудь потом. — Лана тряхнула головой, разметав по плечам волосы, и подседа к своей одинокой подруге Тане.

— Ну, что он тебе говорил? — жадно спросила Таня.

— Да ничего, так... — Лана искоса глянула на Матвея. Он по-прежнему о чем-то говорил с братом.

Со свадьбы возвращались вместе: Ян с женой, Лана, Таня и Матвей. Ночная улица, как тоннель, разносила их громкий смех, беспечные голоса. Только Таня, расстроенная свадьбой, обиженно жила в себе, лишь изредка отзывалась на шутки запыдалой улыбкой. Музыка, танцы, ухаживания парней и все то веселье, что искала она, — все это было, но не для нее. Расте-

рянная, как ей казалось, чужая в этой шумной компании, она хотела поскорее оказаться дома.

Ян и Матвей жили на разных улицах. Ближе находился дом Матвея. На перекрестке попрощались.

— В общем, завтра,— напомнил о чем-то Ян.

— Как договорились...

Матвей долго смотрел вслед друзьям. Закурил. Возвращаться домой ему не хотелось. Он вскинул руку, направил часы под свет уличного фонаря: было около одиннадцати — время для Поселка позднее. Вспомнил о своей давней знакомой. Она жила одна с пятилетним сыном. Идти или нет? Матвей достал из кармана копейку, хлопнул на ладонь. Под светом фонаря блеснул «орел».

Матвей направился к трассе.

Знакомая жила на окраине города, в полукилометре от Поселка. Неподалеку от ее дома Матвей слышал женский крик. Он ускорил шаги и вскоре увидел две фигуры, прижавшиеся к забору.

— Еще на помощь зовешь, сука! — хриплым голосом прокричал мужчина.

Матвей подскочил к забору, схватил мужчину за руку:

— Отпусти!

— А ну рви отсюда! — угрожающе сверкнули глаза.

— Отпусти! — Матвей рванул мужчину за плечи.

Тот перелетел через подставленную ногу, вытянулся на тротуаре. Медленно, точно копия злости, поднялся, шагнул к Матвею, но вдруг, обхватив голову ладонями, застонал и упал на колени.

Матвей огляделся — женщины уже не было. Пошел по тротуару.

— Стой! — ударило в спину. — Стой!

Матвей остановился. Человек поднялся с коленей и подошел к нему. Он был выше Матвея на голову. «Лет двадцать семь, молодой,— отметил Матвей,— и, должно быть, сидел...»

Догадку подтверждал перебитый нос парня и одежда: языкастый галстук, белая рубашка и кримпленовый костюм. Такие уже давно не носили.

— Поговори со мной,— неожиданно предложил парень. Он

подошел к невысокому забору, открыл покосившуюся калитку и вынес два ящика из-под бутылок.

— Садись!

Матвей, с любопытством наблюдая за парнем, присел на ящик.

Парень протянул сигареты и неожиданно спросил:

— Не боялся?

— Чего?

— Кого, а не чего. Хотя это одно и то же.— Он отрывисто закашлял, отбросил сигарету: — На фильтр перешел... Там я курил покрепче.

«Значит, отгадал»,— подумалось Матвею.

— Почему ты остался со мной? — спросил парень.

— Из любопытства...

— Ты или фрайер, или смертник,— усмехнулся парень.— Спасибо скажи, что сдержался я... Помнишь, за голову схватился? Мать и отца вспомнил. Я себе слово дал: если что — о родителях думать.— Он кивнул на калитку, откуда вынес ящики: — Небось ты себя и героем мыслишь: женщину спас.

Матвей обратил внимание на «мыслишь» и ответил:

— Героем я себя не «мыслю». И, может быть, не вмешался, если бы ты не на моих глазах ее бил. А так, черт с вами. Я в чужие дела не лезу. Однажды влез... «Спас»...

— Спас... спас...— повторил парень и вдруг подался к Матвею, замер, осевшим голосом проговорил: — Я понял... Теперь я понял, почему позвал тебя. Почему привел на это место. Я спас ту, чтоб ты спас эту.— Он расхохотался: — Я спас ту, чтоб он спас эту,— повторил он и, сорвав фильтр с сигареты, глубоко затянулся.

— Хочешь расскажу, все расскажу... Я с работы вечером шел, учителем был в вечерней школе. Прохожу мимо,— кивнул он на покосившуюся калитку,— слышу — какая-то возня, будто кто-то борется. Думаю, может, ученики. Заглянул. Там мужик на бабе. Она, видно, слабая. Никак не могла вырваться. До сих пор помню — по земле волосы разметаны. Длинные волосы. Светлые. Придавил он ее, платье разодрано. Меня как резануло. Не помню,

как вцепился в его глотку. Тот вывернулся и по лицу. Нос вот перебил. Я точно озверел. Откуда столько злости взялось. Повалил его и головой об землю. Долго бил. Люди оторвать не могли. Себя не помнил. Помню только, одна мысль была: «Ты и мою жену так же, и дочку...» Потом милиция... Баба та сбежала. Кто его знает, может, из одной компании... Мне и отмотали.— Парень жадно затянулся, сбил пепел с сигареты.— А эта баба, которая сейчас была,— жена моя бывшая. В первый же день, когда меня посадили, отказалась. Не хочу, говорит, женой убийцы быть... Такие дела... А там, в зоне, люди только и живут тем, что их кто-то любит здесь. Там ничего больше не хочется — только бы ждали здесь... Я эту суку специально привел сюда. Смотри, говорю, может, здесь я тебя спасал, дочку нашу спасал. «Никого ты не спасал»,— говорит. Меня и понесло. А тут ты подвернулся. Вот и получается: я спас ту, чтоб ты спас эту.

— Как зовут тебя? — спросил Матвей.

— Зовут? — парень с издевкой усмехнулся.— Нет у меня имени. У меня только номер есть. Понял? Номер!

Матвей молчал.

— Дети есть? — спросил парень.

— Сын.

— Большой?

— Три года.

— А моей дочке восемь лет. Так я и не видел, как она росла. Понимаешь — не видел. А этого уже не вернуть. Все мимо пролетело. Сегодня подошла ко мне и не знает, что сказать. Даже «папа» не сказала. Вот так...

— Ничего, еще скажет. По себе знаю. Мы с женой тоже поссорились. Вроде бы пустяк...

— Пустяков не бывает. Из-за пустяков не одна война начиналась. Кто его знает, что пустяк, а что нет. Бывает: шум, гам, суета, оркестр, а через некоторое время смотришь — ничего-то и не было. А в то же время есть что-то другое, вроде незаметное, пустяк — маленькая пружинка. Но потом смотришь — эта пружинка так стрельнула...

— Ты давно «оттуда»?

— Два дня с половиной,— усмехнулося парень.— Назаром меня зовут. «Там» я у них библиотекарем был. Даже историю вел. Там ведь тоже учатся...

— Снова в школу пойдешь работать? — спросил Матвей.

— Кто ж меня пустит в школу? Да и что я смогу сказать? Не убей, не укради, люби ближнего?.. Если бы это помогло. А так все эти «не» сами по себе, а людская жизнь — сама по себе.

Матвею вспомнился разговор с Ильей: «...всего десять заповедей. Десять деревьев. А люди блуждают, как в непроходимом лесу...»

— Если что понадобится — скажи,— предложил он.— Может, смогу помочь.

— А кто ты?

— Ювелиром я работаю.

— Познакомились...

— Да,— улыбнулся Матвей.— Нет худа без добра...

— Ненавижу эту фразу,— нехотя отозвался Назар.— «...Худо без добра...» Самое страшное, что могли придумать люди. Значит, все позволено. А кому оно нужно, такое добро! Вся человеческая душонка здесь: только бы жить! Во что бы то ни стало — жить!.. Ты знаешь, что такое — хочется жить? — произнес он с презрением.

— Знаю,— ответил Матвей и усмехнулся: — Ладно... Все суета сует...

Назар пристально посмотрел на него:

— Суета сует, говоришь? Человеческая жизнь на боли и крови замешана!.. А эт-то уже не су-е-та. Здесь другая работа... Ювелирная... товарищ ювелир.

— Это уж точно — ювелирная,— усмехнулся Матвей.

— А ты что-нибудь кончал?..

— Нет. Знакомый отца научил. Отец у меня, кстати, тоже учитель. По литературе. А я одно время в юридический хотел...

— Ясно. Судьей хотел стать? — Назар пристально посмотрел на Матвея.— А ты знаешь, что человеческий суд никогда не наказывал зло. Преступника наказывал, но зло — никогда! Зло не

наказуемо! Оно как воздух! Понимаешь — как воздух! — Назар поднялся.— Ладно, бывай.— И быстро зашагал по ночной улице.

Матвей долго смотрел ему вслед...

Думать о прошедшем дне было давней привычкой. Стоило лишь растянуться в постели, и возвращался ушедший день.

Матвей курил, вспоминал прошедшую свадьбу, ночную встречу с Назаром и снова уносился на праздничный вечер, где была и Лана.

Он погасил сигарету, посмотрел в ночное небо и вдруг вспомнил слова отца: «Люблю небо... душа умнеет...»

Засыпал он спокойно.

6

Как и решили, на следующий день после разговора на свадьбе Ян и Матвей поехали в Дом ребенка.

Под синим густым небом висело слепящее солнце. Мелькали стремительные деревья, серый асфальт шелестел под шинами. До селения, где находился «Дом», было километров шестьдесят. Дорога с неровным, часто залатанным покрытием была по-воскресному свободной, и редкие автомобили казались случайными.

Дом ребенка — двухэтажный особняк с черепичной крышей и двумя колоннами, находился у въезда в селение — в ста метрах от дороги. Огромный сад окружал его, словно прятал от людского глаза неприятную тайну.

На игровой площадке перед зданием возились маленькие дети в майках, трусах, застиранных панамках. Они усердно копались в песке, гомонили вокруг качелей. «Дети, временно лишенные родителей» — так значились они в официальных бумагах. Но за этой фразой стояло другое: дети, брошенные родителями.

При виде Матвея и Яна они побросали свои игры, вопросительно вытянулись и с надеждой посмотрели на незнакомцев: а может, это за ними пришли?

... Матвей подумал о своем сыне, и на душе стало неуютно.

Главврач, сухощавая женщина лет пятидесяти, была в своем кабинете, пригласила гостей сесть.

— Вера Арнольдовна,— начал Ян.— Я хотел бы кое-что уточнить для своей книги. Помните, я вам звонил?

— Помню, конечно...

— Вы уж извините, что побеспокоил.

— Ничего.

Вера Арнольдовна провела Матвея и Яна на второй этаж по деревянной лестнице, покрытой красной, чуть истоптанной дорожкой. В первой, большой, комнате стояло три ряда детских кроватей. Во всех лежали запеленатые младенцы. В углу, по левую сторону от двери, молодая женщина, придерживая грудь, кормила ребенка.

— Кормилицу все-таки нашли? — спросил Ян.

— Ох, с какими трудностями! У нас еще одна ставка есть, но никто не хочет...

— В наше время, наверное, исчезает молоко у женщин...

— Есть такая проблема.

Прошли вдоль кроватей. Матвей удивленно осматривался.

— Вот этого называли в честь знаменитого местного певца,— сказала главврач и назвала имя и фамилию.

— Здесь многие так названы,— пояснил Ян Матвею.— Одни знаменитости.

— Уж лучше бы свои фамилии носили,— с укором в адрес родителей, бросивших детей, произнесла Вера Арнольдовна.

Следующая комната была такой же просторной и светлой. В центре стоял большой манеж с высокими перилами. Везде был порядок и уютная чистота.

— В «ту» комнату зайдете? — спросила главврач.

— Нет. Честно говоря, я не могу на «это» смотреть... Матвей, хочешь взглянуть?

— А что это за комната? — спросил Матвей.

— Пойдемте, посмотрите,— главврач повела его за собой.

«Та» комната находилась у лестничной клетки. Она была залита ярким солнцем. У окна стояли два манежа, Матвей поднял

голову и содрогнулся: огромные головы, скрученные ноги и руки, раздутые туловища... И все это ползало, шевелилось, бессмысленно улыбалось.

Матвей выбежал на лестничную площадку.

— Это тоже дети,— вздохнула Вера Арнольдовна, выходя следом за ним.— Результат наркотиков, пьянства, таблеток, которые принимают, чтобы освободиться от ребенка.

Матвей с Яном спустились во двор.

— Подожди. Я сейчас.— Матвей подошел к воспитательнице, сидевшей в тени ореха.

— Девушка, у меня к вам одна просьба. Выполните?

— Ну, если смогу.

— Купите им конфет или игрушек,— Матвей кивнул на детей и протянул воспитательнице деньги.— Я понимаю, они ни в чем не нуждаются, но все же... У меня тоже есть сын.— Он положил деньги на колени воспитательнице и вдруг тихо произнес: — Мне возражать нельзя. Я кусаюсь.

Воспитательница прижалась к стволу дерева.

Матвей улыбнулся и, уже подойдя к воротам, обернулся и махнул рукой.

Выехали на трассу.

— Да-а,— протянул Матвей,— «ту» комнату вовек не забудешь. Ты хочешь об этом написать?

— Хочу.

— И про «ту» комнату?

— Да.

— Извини, конечно, но мне кажется — не напечатают.

— Это почему?

— Не знаю.— Матвей неотрывно смотрел на бегущую дорогу.— Бесполезно все это.

— Что все?

— Все. Из людей все равно ничего не получится. Человека никогда не изменить. Как были наркотики, так и будут, как пили таблетки, чтобы от детей избавляться, так и будут, как грабили, так и будут. И ничто не поможет, никакие запреты. В Библии уже тысячу лет написано: не убей, не укради, не пожелай...

А толку что? Все так же. Понимашь, если даже на земле будет полный порядок, но хоть один человек нарушит хоть одно это «не», — все пойдет кувырком, как цепная реакция... И я не верю...

— Тебя послушать, хоть стреляйся, — улыбнулся Ян.

— Ну, а разве не так?

— Нет, не так... — в раздумье проговорил Ян. — В наше время, как раз и нужно верить. А посмеяться можно над чем угодно. Над человеком тем более. Но это еще грустнее. А ирония штука немудреная. Много ума не надо. Но я думаю: каждому наедине с собой хоть один раз, но слезу пустить хотелось. Кто знает — может, и не один раз... У нас преподаватель был. Литературу XIX века вел, тоже ироничный мужик был. По каждому поводу иронизировал: Печорин там... Раскольников... Старушенция... Все посмеивался. А потом раз — и отчего-то повесился... Говорят, жена от него сбежала...

— Вот даже как? — Матвей рассмеялся, но тут же смахнул улыбку с лица. — Я верить хочу — что жизнь — не насмешка. Только где найти эту веру?

— Захочешь — найдешь, — улыбнулся Ян, глядя на летящие мимо яблоневые сады и острые вершины гор у горизонта. — Красиво у нас...

— Это верно, — кивнул Матвей. — Вообще интересная штука. Человек в природе все находит красивым: горы — красиво, дерево — красиво, река, море, звезды, небо — тоже красиво. Даже в болоте человек находит какую-то красоту. Корягу какую-нибудь найдет, и то в ней что-то увидит. А вот когда речь заходит о человеке, тут начинается деление на красивое — некрасивое. И уродливое. Грустная штука получается.. Получается, что в этом мире если есть что некрасивое, — то сам человек. Разве не так?

— Может, и так.

— Да-а, — качнул Матвей головой. — «Та» комната у меня из головы не выходит. — Он умолк, подумал о сыне, и снова кольнуло в душе.

Километрах в пяти от города была автобусная остановка. За

ней в тени деревьев дымила «полевая» шашлычная. На остановке и у мангала ждали человек пятнадцать.

— По шашлыку? — предложил Матвей.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил Ян: в кармане у писателя был рубль с небольшим.

— Вкусные вещи откладывать нельзя. Заодно и ноги разомнем. — Матвей свернул с трассы, поставил машину в тень ореха.

Жарко дымил мангал, сероватые угли шипели под плотным розовым рядом шашлыков. Отмахиваясь от дыма, люди нетерпеливо следили за работой молодого шашлычника. Закатав по локоть рукава белого халата, он помахивал над мангалом куском картона, бойко, услужливо и вместе с тем независимо отвечал на шутки и вопросы клиентов.

Подошла очередь Матвея. Шашлыки в зубчатой тарелке из серебристой фольги поставили на капот. Открыли минеральную воду.

— Это лучше всего, — улыбнулся Матвей. — Когда есть хороший шашлык, ничего не надо.

— Это пока не переварится, — с той же шутливой интонацией ответил Ян. — А когда переварится, снова загрустить...

Приятели рассмеялись.

Откуда-то появился цыганенок с быстрыми черными глазами, в выползшей из помятых брюк залоснившейся рубашке.

— Дядя, подари двадцать копеек, — протянул он маленькую ладонь.

— У них зарплата повысилась. Раньше просили пять копеек, потом десять, а теперь двадцать. Это тоже говорит о возросшем благосостоянии народа, — подмигнул Ян Матвею и подал монету цыганенку.

Следом подошли еще двое: мальчик в полинявшей майке и девочка в цветастом платье.

— Дядя, подари двадцать копеек.

— Три рубля дам — станцуйте.

Те нехотя что-то залепетали, похлопали по худым грудкам, сосым пяткам и замерли.

Матвей протянул трешку:

— Берите вашу зарплату.

Цыганята разом загомонили и отошли к следующим любителям шашлыка.

— Работа тоже не из легких,— кивнул Ян.

— Все мы с протянутой рукой. Кто так, а кто в душе. У всех вытянута ладонь. Каждый чего-то просит.— Матвей отпил из бутылки.— И она тоже...

Неподалеку от остановки под ореховым деревом стояла девушка.

— Давай узнаем у нее, что такое счастье? — спросил Матвей.

— Да пускай себе живет...

— Нет, подожди! — Матвей не спеша подошел к девушке, заглянул в светло-карие блестящие глаза.— Скажите, что такое счастье?

Она подозрительно посмотрела на него и неожиданно пригрозила:

— Я сейчас милицию позову, тогда и узнаешь...

— Извините! — Матвей, сдерживая смех, подошел к Яну.

— Ну что?

— Оказывается, счастье — это не иметь дел с милицией.

Посмеялись.

— Еще по шашлыку? — предложил Матвей.

— Я все.

Они отнесли бутылки, шампуры, выехали на трассу. Девушка под орехом демонстративно отвернулась.

Матвей включил магнитофон, и в Поселок приехали с музыкой.

— Смотри, старика ждет,— кивнул Ян.

У ворот Ильи, опустившись на корточки, сидел Мока. Треугольное зеркало сверкало в его руке, разбрызгивало солнце. Один из лучей скользнул в машину, к щеке Матвея.

— А жалко старика,— сказал Ян.— Ты, наверное, знаешь про деньги?

— Слышал,— кивнул Матвей.— Я бы голову оторвал тому, кто их взял.— Он притормозил у дома Яна.

— Заходи,— предложил Ян.

— Спасибо. Как-нибудь потом...

Матвей развернул машину.

Стоял жаркий полдень. Дороги были пусты. Тротуары с покосившимися от зноя деревьями томились под горячим небом. Матвей остановил машину перед домом Римминых родителей. Минуту, решая, как вызвать жену, смотрел на высокий забор, потом подошел к железной калитке и крикнул.

Во двор вышел сын. Увидев Матвея, торопливо сошел со ступенек, быстро зашлепал сандалиями к калитке. Матвей подхватил его на руки, прижал к щеке коротко стриженную головку:

— Ну что, Лешка, соскучился?

— Да! — Лешка сильнее прижался к Матвею, попросил: — Я на машину хочу.

— На машину, так на машину.

На крыльцо вышла Римма. Неторопливо подошла к калитке.

— Здравствуй, — тихо сказал Матвей.

— Здравствуй...

— Как поживаешь?

— Живем...

— Ты, как всегда, выглядишь хорошо.

— Стараюсь. Может, кто замуж возьмет.

— Выходи опять за меня.

— А тебе и так неплохо... — улыбнулась Римма. — Тем более, у тебя сегодня, кажется, хорошее настроение.

— Отличное! Знаешь, что? Поехали...

— Куда?

— Лешку покатаем. И поговорить надо. Можно ведь?

Римма оглянулась на дом, опустив голову, пошла к воротам. Лешка бросился к машине, устроился на переднем кресле.

— Римма, возьми ребенка к себе, все-таки дорога. — Матвей подхватил сына, перенес через кресло к жене.

— Ну что, командир, поехали?

— Поехали.

Километрах в двух от Поселка, на берегу маленькой извилистой речушки зеленела дубовая рощица. Машину поставили

в тени. Лешка забегал по траве, радуясь свободе. Римма и Матвей, облокотившись о машину, смотрели на него.

— Какие новости? — спросил Матвей.

— Работаю, живу...

Он посмотрел на нее: тонкий изгиб бровей, аккуратный нос с чуть широким вырезом ноздрей, придававший лицу власть.

«Брошенная баба как потерянный рубль...» — вспомнилась фраза Феликса. Он приблизился к Римме, коснулся изгиба бровей. Долгое мгновение они смотрели друг другу в глаза. Матвей привлек ее к себе, приник к губам. Римма ответила на поцелуй, но, оборвав его, прижалась щекой к груди Матвея. Он приподнял ее лицо, увидел слезы, стал целовать губы, глаза.

— Ты ведь не любишь меня, Матвей, — с болью проговорила она.

— Люблю. Ты мне нужна. Ты и Лешка. Мне тяжело без вас... А ты любишь?

— У меня даже и гордости сейчас нет. — Она прижалась щекой к его ладони. — Какая у тебя приятная прохладная рука.

Подбежал Лешка, прижался к ноге Риммы:

— Я маму люблю.

— А папу? — присел рядом с ним Матвей.

— И папу, — не отрываясь от матери, сын обнял Матвея.

— И бабушку Марию любишь?

— Люблю.

— И она тебя любит. Очень любит. — Матвей поднял сына на руки. — Хочешь за рулем посидеть?

— Хочу.

Лешка сидел на кресле водителя, утонув под рулем, дергал его, изображая шофера.

Матвей и Римма смотрели на скользящее русло реки, далекие фигуры людей.

— Как твой отец? — спросил Матвей.

— Ничего.

— Меня вспоминает?

— Вспоминает. Союзник у тебя есть.

— А ты?

Матвей обнял ее за плечи.

— Сейчас пойдем домой. Надо жить у себя дома. Это приказ. Обжалованию не подлежит. Договорились?

Римма провела пальцем по раздвоенному подбородку Матвея:

— Мне, может быть, и не надо было тебе говорить, но я тоже устала. Без тебя, без своего дома. Лешка как беспризорный. Я скучала по тебе.

Матвей погладил ее короткие волнистые волосы:

— Ладно, поехали. Мать обрадуется. Она тебя любит.

— Я тоже ее люблю.

Лешка усердно возился в щитке приборов.

— Он, кажется, техосмотр проводит, — кивнул Матвей, и они рассмеялись.

В тот же день после поездки в Дом ребенка Ян просмотрел свои записи.

«...Не верю...» — вспомнились слова Матвея. — Запутался парень, — уточнил для себя Ян. — Или, как пишут в книжках, духовный кризис».

В комнате стояла тишина. В розовых шторах просвечивало приглушенное солнце.

Подумалось о сестре: «Скоро у Ланы день рождения. Двадцать два...» Вспомнились родители, Бэтие. «Сколько невзгод пришлось ей преодолеть! Великая женщина!..»

«Тысячи невзгод караулят человеческую жизнь...»

Ян остановился посреди комнаты, подошел к столу, взял чистый лист бумаги, начал писать:

«Тысячи невзгод караулят человеческую жизнь. Зависают как мечи, ждут своего часа, чтобы хоть однажды, но обрушиться, рассечь, изничтожить смысл ее... Но огромна сила жизни. Трепетная и до боли незащитная перед миром и самим человеком — она возрождает надежду. И как бы ни был велик и непонятен этот властный поток — Время, и мизерна, уничтожающе смешна по сравнению с ним та доля, что выпадает человеку на радос-

ти и любовь — она есть и, несмотря ни на что, рождает самое высшее, может, самое незащищенное, а потому и самое великое — Веру*.

Ян прочитал последние строки.

Позже, когда пришла сестра, он кивнул на диван:

— Садись и слушай. Ну и как? — прочитав, спросил он.

— Трогает. Дай-ка я сама прочитаю. — Лана опустила на колени листок.

Ян следил за ее лицом, стараясь угадать мысли.

Она положила листок на пишущую машинку:

— Подумать можно?.. Я еще раз прочитаю, а потом скажу.

Ага?

— Ладно.

— Да, брат, вот возьми. — Она достала из сумочки деньги.

— Откуда у тебя? — Он развернул сложенные вдвое несколько пятидесятирублевых и десятирублевых купюр.

— Потом расскажу.

— Лана!

— Да у старика, нашего соседа, украла, — по-мальчишески подмигнула она.

— Лана, подожди, я не возьму.

— Попробуй не возьми! Обижусь! Клянусь памятью родителей! Да и потом, я хочу тоже что-нибудь сделать для отечественной литературы... Ведь тебе нужны деньги, я знаю. Ну? Разве не так?

Она помахала рукой и вышла.

Ян смотрел на деньги.

Илья не приходил. Привычный запах его жилья исчез, выветрился как сигаретный дым. Мока не знал, что с Ильей, но был спокоен: ведал своим чутьем, что старик где-то рядом. Но в пятое утро Мока почувал беду.

День был как день: под обычным небом горело обычное солнце, и рядом жили все те же люди. Но Мока тревожно бродил по Поселку, останавливался, вслушивался. Временами тревога исчезала, и он возился с какой-нибудь травинкой, наблюдал муравьев на деревьях, разбрасывал своим зеркальцем солнце.

Далеко за полдень, уставший от жары, присел в тени под забором, прильнул к угловатым коленям разломаченной головой и задремал.

Очнулся от частого прерывистого дыхания: уличный пес с обрезанным ухом лизнул его старые башмаки. Мока погладил длинную костлявую морду. Дворняга вопросительно заглянула в его светлые глаза, вытянулась возле ног. Оба притихли.

Неожиданно раздался глухой стук о забор, и по асфальту покатился камень. Мока и пес вопросительно вскинули головы. К башмакам покатил еще один камень, и раздался детский смех. Метрах в десяти полукругом стояли дети лет девяти-десяти.

— Мока — сын бога! — громко поддразнил остриженный наголо мальчик.

— Мока — сын бога! — подхватили остальные.

— Мока — сын бога! — Острый камень попал в плечо.

Пес зарычал и бросился на детей. По улице заметался визг и крики. Мока поднялся, пошел, ссутулясь, по тротуару к дому Ильи.

В доме старика находились Мада и Тося. Ждали Лану. В этот день всеми правдами и неправдами они решили прорваться к Илье в палату. Но врачи не пустили: старик был еще слаб. Потоптавшись в приемной, сестры вышли за больничные ворота.

— Что же делать? — спросила Мада. — Где же деньги?

— А может, он все-таки их отдал? На хранение? — ответила Тося.

— Так и отдаст. Не знаешь ты своего брата... — усмехнулась Мада. — Значит, деньги были в этой коробке, — начала она рассуждать вслух. — Последней в доме была эта шлюха, соседка

Лана. Надо ее спросить. От таких все что угодно можно ожидать. Твари. Ну ничего!

Сестры вошли в стариковский двор, глянули на соседские окна, подошли к дому. В комнатах был тот же беспорядок. Пахло сыростью.

— А здесь уже кто-то побывал,— кивнула Мада на прямую постель.

Они вышли из дома, подошли к забору.

— Соседка! Бэтие! — позвала Мада.— Соседка!

Старуха вышла из временки, увидев сестер, остановилась на ступеньках.

— Здравствуй, сестра моя! — улыбалась Мада.— Как поживаешь?

— Спасибо,— кивнула Бэтие.

— Вот пришли дом проведать...

— Как Илья?

— Слава богу, хорошо! — отозвалась Мада.— А скажи, Бэтие, кто-нибудь за это время приходил сюда? Может, с работы Ильи, может, просто узнать про него?

— Я не замечала,— сдержанно проговорила старушка.

— Ну, если кто придет, скажи, пожалуйста, что у него все нормально.

— Лишь бы все было хорошо...

— А иначе и быть не может. Кругом такие хорошие люди. Как я внучке твоей благодарна: так она хорошо дом этого бедняги прибрала. Настоящая хозяйка. Дай бог ей здоровья. Она дома?

— Нет ее дома. Извините, у меня тут немного дела.— Бэтие еще раз взглянула на сестер и вошла во временку.

«Чего хотят эти женщины? — спросила она себя, опускаясь на табурет.— Как земля может держать таких? Неужели ж они нужны богу?...»

Мада тем временем отошла от забора, кивнула сестре:

— Пошли.

В доме старика дала указание:

— Возьми стул и сиди на улице. Жди эту девчонку.

— Может, не надо? Черт с ними, с этими деньгами. Может, она их и не брала?

— Брала, не брала, это мы посмотрим...

— Скандал ведь будет...

— С кем? С ними, что ли? — Мада кивнула в окно. — За них не беспокойся. Они люди порядочные. А порядочные люди чего только не сделают, чтоб не было скандала. Таких бей, а они еще и другую щеку подставят. Поняла? Так что возьми стульчик и карауль. Хоть до самой ночи будем сидеть. Иди. Или... подожди. Веник возьми, улицу подмети. Потом и сядешь. Увидишь эту девчонку, сюда веди. А я с ней поговорю...

Сестры дождались Лану. Тося провела ее в комнату, где за столом, сложив костлявые руки, сидела Мада.

— Здравствуй, доченька, проходи, садись.

Лана удивленно осмотрелась: приведенные в порядок комнаты были переворошены.

— Да,— вздохнула Мада.— Видишь, как бывает: человек в больнице, а кто-то такие вещи делает. Эх, люди-люди! Да ты садись, доченька. В ногах правды нет. Рассказывай, как поживаешь.

— Спасибо,— ответила Лана.

— А ты у нас красавица. Парни, наверное, прохода не дают?

Лана пожала плечами. Глядя на сестер, пыталась понять, за чем ее позвали.

— Да,— еще раз вздохнула Мада.— Такой порядок здесь был. Чистота. Все блестело. Спасибо, доченька, что не забываешь нашего брата. Добрая ты, видать.

— Не стоит. Так что вы хотели мне сказать?

— Не торопись, доченька. Все не спеша надо делать. Так лучше выходит. Сначала спасибо тебе за такую заботу о нашем брате.— Мада поставила на стол железную самодельную коробку, выждала паузу.— Видала эту шкатулочку?

— Кажется, где-то видела.

— Видала, значит...— повторила Мада.— А деньги где? Здесь

ведь деньги были. Много денег. Три дома построить можно. А ты не знаешь, сколько здесь может поместиться денег? — Мада придвинула коробку. — Подумай, доченька...

Лана почувствовала, как у нее начинает гореть лицо.

— А зачем мне думать? — резко спросила она.

— Думать нужно. Особенно после уборки.

— Что вам нужно? — Лана встала.

— Такая молодая и такая нервная... Не волнуйся, доченька, садись. — Мада с едкой улыбкой смотрела на нее мышциными глазами. — Садись, садись. Я ж не ругаться тебя позвала. Наоборот, «спасибо» сказать. Деньги пропали — найдутся. Как говорится, нет худа без добра. Только вот что я хочу сказать: когда двое находят деньги, поровну делят. Правда, доченька?

Лана внимательно посмотрела на нее и усмехнулась:

— А как же... Надо по-честному...

— Умница. А если бы мы нашли коробку такую, а в ней деньги?

— Так нас ведь трое. Так что не тот случай.

— А как бы поделила ты в этом случае?

— Как?

— Да. Как?

— На три части. Две мне, одну вам.

— Шутить, доченька? Не шутить! Со мной такие шутки не пройдут! Ты еще не знаешь меня! — Мада сжала руку Ланы крепкими пальцами. — Не знаешь меня, стерва!..

Лана вырвала руку.

— Сволочи! — выкрикнула она. — Гадины!

— Что-о? — Мада подалась к ней. — Ты что сказала, шлюха?

— Ничего! Думаешь, испугалась тебя? Плевать я на вас хотела. Стрелять вас надо! Всех подряд! Со всем вашим потомством!

— Я тебе покажу потомство! Я тебе покажу, кого стрелять! — Мада вцепилась в волосы Ланы, рванула.

Лана вскрикнула и упала грудью на стол. Неожиданно в коридоре ударила дверь, шаркнули шаги, и в комнату вошел Мока.

Мада резко опустила руки. Лана бессильно опустилась на стул, ткнулась лицом в ладони.

Мока шагнул к Маде и, глядя на нее, замер.

— Чего уставился, ублюдок? — выкрикнула Мада. — Убери свою морду!

Испуганно глядя в глаза Моки, она скользнула к двери. Тося метнулась за нею.

Неподвижный взгляд Ланы замер на стене. За эту долгую минуту память раскинула перед ней все то, что называлось ее жизнью. И была одна боль. Вспомнились слова Яна: «Откуда у тебя деньги?» И вдруг поняла: «Я ведь ничего не смогу доказать. Ничего и никому». Она поднялась, не замечая Моку, вышла во двор.

«Кислота...» — мелькнула мысль в разгоряченном сознании. Исчезла боль, душа опустела, как покинутый дом. Лана вошла в свой двор.

— Это ты, доченька? — спросила из временки Бэтие.

«Скорее», — подумалось Лане. Она вошла в сарай, стоявший рядом с временкой. Сквозь незастекленное окошко сеялся по сараю тусклый свет. Бутылка должна быть здесь. Где-то под стеллажом. Нащупав бумажную пробку, короткое узкое горло, Лана поставила бутылку перед собой. Бездумный взгляд замер.

«Благословенна жизнь!» — неожиданно и точно издали услышала она голос Бэтие.

Лана приподняла над грудью талисман.

«Благословенна жизнь!» — повторился голос. Лана рванула цепочку, с размаха ударила по бутылке сжатой в кулак ладонью. Бутылка ударилась о бетонный пол и не разбилась.

Точно в шоке, Лана смотрела на нее. Потом собрала в кулак цепочку с талисманом. «Благословенна жизнь!» — повторила шепотом и, глядя на талисман, вдруг поверила в его тайну: — Значит, не зря мне оставлена жизнь». По щеке метнулась слеза. Лана вытерла ее, хотела незаметно проскользнуть мимо временки, чтобы не потревожить бабушку, но Бэтие, удивленная тем, что Лана, не ответив ей, прошла к сараю, вышла из временки.

— Что с тобой? — испугалась она, увидев слезы. — Что с тобой, доченька? — Старушка бросилась к Лане, заглянула в лицо. — Доченька, родная моя, что с тобой? — И дрожащими пальцами начала гладить ее голову.

— Деньги... Они все на меня... Но я не брала... бабушка... Как же теперь? — отвечала сквозь слезы Лана.

Бэтие вдруг все поняла:

— Успокойся. Все будет хорошо. Все наладится. Пошли!

Она провела Лану в дом, села рядом с ней на софе.

Когда Лана успокоилась и рассказала обо всем, старушкаглянула в окно, в котором виднелась черепичная крыша стариковского дома.

— Ничего. За нас, слава богу, есть кому заступиться. Это я им так не оставлю. Ничего. Бог есть на свете!

Старушка обняла Лану. Они долго просидели, прижавшись друг к другу. Наконец Бэтие сказала:

— Знаешь, что? Пойди, погуляй немного. К своей Таньке сходи!

Лана ушла. Бэтие хотела взяться за какую-нибудь работу, но мысли, точно сети, стянули душу.

— Господи! — проговорила старушка. — Что же это делается на земле? Что же это? Люди за мир борются, а в мире жить не хотят... Господи, что же это?

Лана и Таня поехали в городской кинотеатр. Фильм не понравился. До конца сеанса не усидели: хотелось хорошего настроения.

— Устроим девичник, — неожиданно предложила Лана. — Шампанского купим. Повеселимся. Сегодня наш день. Ну как, Танюша?

— Давай, — согласилась она, как соглашалась со всем, что бы ни предложила подруга.

Шампанское купили в ресторане, на такси приехали к дому Ланы. Весело суетились во времянке: готовили еду. В грустных

обычно глазах Тани светилась деловая радость. В компанию пригласили Бэтие и жену Яна.

Неля выпила с подругами полстакана и пошла укладывать детей спать. Ушла и Бэтие, уставшая за этот трудный день.

Лана подняла бокал:

— Ну, давай, Танюшка! Может быть, мы с тобой и не очень счастливые, но зато мы — во! А остальным мы все прощаем. Прощаем, Танюша?

— Прощаем.

Лана задумалась, вспомнила сестер Ильи. Таня, словно угадав ее мысли, вздохнула:

— И откуда берутся такие люди? Не пойму. Все хотят другим плохого. Все мало им. И отчего они такие? Вроде все у них есть. И дом, и семья... Что бы они делали на моем месте?! Я, можно сказать, самая несчастливая в этом мире и то никому плохого не желаю. Иногда, может быть, позавидую, но только не по-плохому. По-плохому я не могу. Ты же мне веришь, Ланка?

— Верю! Ты человек! — Лана улыбнулась. Что-то незнакомое появилось в ее лице, точно она в эту минуту состарилась: — Прощать, так прощать! — медленно произнесла она и подняла бокал: — Не все покупается, не все продается! Прощаем?

— Прощаем! — отозвалась Таня и обняла подругу. — Люблю я тебя, Ланка. Знаешь как люблю! Ты самая хорошая... И самая красивая. Тебе срочно замуж надо!

— Я тоже так думаю.

— Ну хотя бы за этого Костю. А что? Он красивый! Эх! Мне бы немножко счастья, а? Мне многого не надо. Ребеночка бы только, и все. Мальчика или девочку — все равно. Только бы ребеночка своего. Любить его, вещички стирать...

— Ничего, и на нашей улице будет праздник... — улыбнулась Лана. — Все будет хорошо. Правда?

— Правда. Я тебя очень люблю. Больше родной сестры люблю.

Таня заплакала.

— Поздравляю тебя, Надя! Поздравляю! Красивую невесту сосватала для сына! — сладко улыбалась жене Шамиля соседка — вертлявая разряженная женщина. — Хорошая, говорят, девушка, работающая! Только и мне надо было сказать — не чужие ведь... Ну ладно, лишь бы молодым было сладко.

— Чего это ты говоришь? Кто сосватал?

— Как? А разве не сватала?

— Никого я не сватала. А кто это тебе сказал? — Надя улыбнулась: хоть и неправду говорит соседка, а приятно, что за сыном уже приглядывают, метят в свои зятя.

— Да все говорят. — Соседка выжидающе покосилась на Надю.

— Да не сватала я никого!

— Но говорят, их видели вместе. Говорят, встречаются они.

— Кто?

— Твой сын и внучка Бэтие.

— Внучка Бэтие? — насторожилась Надя.

— Вот-вот. Я тоже, когда услышала, удивилась: такой красивый парень, молодой. А эта уже замужем была... Нет, думаю, неправда. Может, она просто гуляет с ним?

— Да нет. Ты что, людей не знаешь, что ли? Все что хочешь могут придумать.

— Придумать — не придумать, а эта внучка Бэтие — красивая. Смотри, околдует твоего сына. Тебе поскорей женить его надо. Вон сколько молоденьких девушек.

Двойное чувство испытывала жена Шамиля. Приятно было знать, что сыном так интересуются, но и тревога была на сердце: а вдруг, правда, Костя встречается с этой внучкой Бэтие. Вдруг она и на самом деле околдует сына. Не хватало только в их семье разведенных женщин. Надо все разузнать, поговорить с Шамилем.

Придя домой, Надя все рассказала мужу.

— Женить его надо. И все дела, — заключил Шамиль. — Чтоб не шатался там, где не следует... А эту, как ее, Лану, он еще

у Ильи присмотрел. Красивая, ничего не скажешь. Губа у парня не дура...

— Кобель ты старый.. Ни красоты её, ничего другого мне не нужно. Позора мне еще не хватало!

— Чего раструбилась? Эх, баба ты, баба! Еще ничего нет, а уже тревога на весь мир... Придет — узнаем все. А если что, — пригрозил Шамиль, — я его быстро на место поставлю...

Смена закончилась. Перед уходом из кабинета Лана полила цветы, привела в порядок электроды и перед круглым зеркалом у шкафа подправила причёску.

Спускаясь по дороге от санатория, она увидела Костю с букетом цветов.

«Настырный, однако...» — подумала Лана и, поздоровавшись с парнем, прошла мимо.

— А розы? Это тебе, — крикнул Костя.

Лана обернулась.

— Значит, влюбился, говоришь?

— Влюбился...

— Ну и что?

— Ничего. Цветы возьми.

— Веселый ты парень, Костик.

— Пусть будет так. Но все равно тебе ничего не поможет.

— Не поможет? Мне? А по-моему, тебе ничего не поможет.

— Поможет. Своего все равно добьюсь. Проверено. Есть доказательства... В армии мне и моему товарищу дали задание: танк вымыть. Он до башни добрался, а я — одну гусеницу вымыть успел. Но зато как! Каждое звено блестело, как новенькое. Командир целый час смеялся: «Молодец, — говорит мне, — ты своего добьешься».

— Все это хорошо, Костик. Но ты не в армии, а я не танк.

— Выший класс! — рассмеялся он.

Они подошли к остановке. Лана остановила такси, посмотрела на Костю:

— Если ты не желаешь мне плохого, не приходи больше. — И захлопнула дверцу.

Костя бросился к «Волге», открыл дверь, положил цветы на колени Лане:

— Я родителей к вам припшлю.

— Тем лучше, — быстро ответила она и обернулась к водителю: — Едем!

Костя остался один. Домой вернулся, когда уже стемнело.

Вошел в комнату, сел на табурет.

— Так где гулял, танкист? — спросил Шамиль.

— Гулял, батя. Заработанный отдых.

— С друзьями, конечно, — с шутливой беспечностью уточнила мать. — Без друзей нельзя. Особенно в юбке. — Она поглядела на Шамиля и ускорила разведку: — Я бы тоже погуляла... со своей невесткой. Какое это все-таки счастье, — взяться под руки — в кино пойти... Или в гости, к родным.

— А я и не против, — улыбнулся Костя.

Старики переглянулись.

— Все правильно. Чего резину тянуть, — проговорил Шамиль. — Вон сколько невест в поселке. На любую покажи, хоть завтра сватать пойдем.

— А если откажут? — возразил Костя.

— Кому? Мне? Шамилю откажут? Да если Шамиль пойдет сватать дочь короля, его самого как короля примут! — шутливо, но не без уверенности в голосе произнес старик.

— Ну тогда идите.

— Я не шучу, — предупредил старик.

— Я тоже.

— Чувствовало мое сердце! — воскликнула Надя.

— Да подожди орать! — перебил Шамиль, — А к кому идти?

— Ты ее знаешь, отец...

— Я многих знаю...

— Рядом с твоим другом живет — соседка Ильи... Помнишь, сидели у него.

— Правда люди сказали... Правду! — заохала Надя.

— Да подожди ты в конце концов! — чертыхнулся старик и жестко взглянул на сына: — Свадьбу сейчас играть будем?

— Я серьезно, отец...

— Серьезно?

— Сынок, ты хоть знаешь, кто она? — насторожилась Надя.

— Мама!

— Сынок! Жизнь моя! Богом прошу, скажи, что пошутил. Посмотри, сколько девушек вокруг. Хоть завтра самую красивую сосватаю.

— Я люблю ее.

— Какая еще любовь?! — гневно сверкнул глазами Шамиль. — Издеваешься над нами?! Ты что, в мой дом чужие объедки хочешь принести?!

— Молчи, отец!

— Ты еще на меня кричишь?! Может, из-за какой-то сучки ты еще драться со мной будешь?!

— Замолчи!

— Мне молчать?! — опешил старик и снова вспыхнул: — Ты думаешь, что делаешь? На старости опозорить хочешь? И я еще должен молчать?! Ты думал, что люди скажут?

— Каждый за себя отвечает, отец! — Костя хлопнул дверью, зашагал к новому дому.

— Что теперь делать? Что делать? — покачиваясь на стуле, причитала Надя.

— Да не вой ты! Не умер пока никто! — отрезал Шамиль. — Пошумит и перестанет.

— Не перестанет. Не перестанет...

— Да хватит тебе причитать! Хватит! — ударил по столу кулаком Шамиль. — Кто в этом доме хозяин? Кто?

Всю ночь Шамиль не мог уснуть: думал о сыне.

Утром Костя куда-то исчез.

«Значит, не остыла душа за ночь, — думал Шамиль. — Разгорелась еще больше».

Что он мог поделаться? Всякий бы на его месте обругал сына. Может, еще похлестче.

Вернулась из магазина жена.

— Еще утро не пришло, а ты уже со своей соской! Смотри, как накурил,— проворчала она и распахнула дверь.

Старик стрельнул окурком во двор.

— Не приходил? — спросила Надя.

— Не видишь, что ли?

— Что теперь делать? Ты же знаешь его характер. Если упрется — значит, все.

— Я ему покажу, упрется... И тебе тоже! — пообещал старик. Он вышел во двор, стараясь не думать о сыне. Вспомнил, что есть срочный заказ, жадно ухватился за работу: подальше от невеселых дум. И увлекся ремонтом женских туфель.

«Хозяйка — баба скрытная», — подчищая подошву, определил он по обуви характер владелицы туфель.

Работалось споро, и старик не заметил, как в дверях появилась светловолосая девушка лет восемнадцати.

Шамиль вскинул голову:

— Здравствуй, дочка. Какая у нас беда?..

— Да вот по дороге каблук отвалился. Еле иду. Не можете?

— Почему не поможем? Обязательно поможем. Заходи, садись.

— Спасибо.— Девушка протянула туфлю.

— Не страшно,— осмотрел ее быстро старик.— И домой придешь, и еще сто лет носить будешь. Если захочешь. Дедушка Шамиль свою работу знает! — Он взглянул на девушку и заметил на ее груди золотой крестик. Отвел глаза, благодушно спросил: — Извини, дочка. Не обидься на старого, скажи, почему ты носишь это? Я у многих видел, у молодых. Скажи, почему вы носите? Вы же не верите?

Девушка пожалала плечами:

— Так просто... Модно.

— Носи на здоровье. Модно — так носи,— улыбнулся Шамиль.— Ему было приятно разговаривать с молоденькой незнакомкой, с появлением которой мастерская стала просторней и светлей.

— Хозяйка этой туфельки аккуратная, гордая девушка! — подмигнул он девушке.

— Откуда вы знаете? — улыбнулась незнакомка.

— Э-э, доченька, Шамиль многое знает. Работа у него такая. Люди по глазам узнают человека, а я могу и по обуви. Кто как носит. Сколько я этих туфель перечинил... Хочешь — не хочешь, а научишься. Ремесло жизни учит. И ты бы тоже научилась. Хороший сапожник как врач: тоже диагноз может поставить. Это только говорят: са-пож-ник. А сапожник — он эге-ге-ге! Мастер!

Когда девушка ушла, старик сбил с запыленного фартука стружки кожи, закурил, спросил себя самого: «Ишь ты! Зачем тебе крестик? Модно. Какая у вас вера? Модно... Раньше была одна вера: живешь, значит, работай, расти детей и, главное, — почитай старших. И все было понятно. Модно... Ишь ты...»

Шамиль пробовал продолжать работу, но покоя в душе не было.

— Лучше пройдуся, — решил он и, закрыв мастерскую, вышел к центру Поселка, постоял в кругу товарищей, но там обсуждались известные старику истории. Шамиль накупил газет и в тени своего нового дома обложился ими, как заядлый читатель.

«Непонятные дела кругом», — пришел он к выводу, перелистав половину газет: этот год, оказалось, был годом наводнений, пожаров, тайфунов и еще многих, не очень веселых дел. Снова подумалось о сыне. Старик закурил.

— Добрый день! — послышался голос Данила.

— А-а, — Шамиль подошел к забору, — здравствуй, брат мой!

— Просвещаемся?

— Да вот, как видишь...

— Заходи, посидим, — пригласил Данил.

Уселись у стены небольшого, но аккуратного дома.

— Одни пожары кругом, — кивнул Шамиль на газету.

— Да-а, мир меняется, — пригладил Данил пепельную бороду.

— Меняется, брат мой. Люди на всей земле машин развели, заводов понастроили. Газов в небе набралось.

— Загубит себя человек, — вздохнул Данил.

— В Библии написано, что скоро земля будет гореть от руки человека.

— Она и сейчас горит...

— Горит, брат мой... Клянусь тебе, я согласен один черный хлеб есть, только бы ничего не случилось. — Шамиль помолчал, глядя на носки своих сапог, вздохнул: — И так всяких неприятностей хватает...

— Что-нибудь случилось? — спросил Данил.

— Да вот, Костя жениться надумал. А девчонка эта... Помнишь соседку Ильи?

— Помню, конечно.

— Замужем была. И детей, говорят, ей нельзя... А этот, люблю, говорит...

— Такую девушку трудно не полюбить. Красивая...

— А что красота? Любая красота надоест. Главное в жизни — дети. Я детей люблю. Я внуков хочу. Да и какая у них будет жизнь без детей? Не позволю я...

— Да... Так мы и живем, — поддакнул Данил. — Любовью — против любви. Во все времена так и было — одна любовь убивает другую. Ты только не обижайся... — Данил опустил седую голову, долго смотрел на трещину в асфальте, тонко уходившую в землю, и негромко, словно для себя самого произнес: — Человек обречен на любовь...

— Я не знаю, обречен — не обречен. Я простой работника, — повысил голос Шамиль. — Я знаю только одно: нет никакой любви, кроме любви к детям. Вот ты, Данил, любишь кого-нибудь больше, чем своих детей? Да прожить им сто лет!

— Все это, конечно, так. Но разве нет таких родителей, которые не любят своих детей? Которые не успеют их родить, а уже бросают? Разве нет детей, которые не любят своих родителей? И разве мало таких? У каждого свое...

Со двора Шамиля донесся громкий стук в ворота.

— Ко мне, кажется, — Шамиль протянул Данилу газеты. —
Читай, если хочешь.

Стук повторился.

— Шамиль! Туфли сделал?

Старик прошел к воротам.

— Подошвы не было. Не переживай. Сегодня сделаю. Зайди попозже.

— Чего опять ходить? — недовольно ответила женщина. —
Утром зайду.

— Как хочешь. А я сегодня сделаю...

Старик снова пошел в мастерскую, принялся за работу. Обрезал подошву. Клинышки кожи, отделяясь от серебристого лезвия ножа, падали на угловатые колени, покрытые черным фартуком. Изредка он поднимал голову, точно ожидая кого-то, бросал в окошко долгий взгляд. Мелькали прохожие, перебраниваясь, прошла молодая пара.

«...Любовью против любви...» — вспомнились слова Данила. Вспомнилась ссора с сыном и девушка — соседка Ильи, которая вот так неожиданно ворвалась в его размеренную жизнь. И впервые вдруг ясно понял старик, что как бы ни оберегал ты своего ребенка, он оказывается собственностью чуть ли не всего мира. Для каждого припасены всякие неожиданные встречи, чужое добро, чужое зло. И как бы ты ни хотел, не от одного тебя зависит жизнь твоего ребенка. И неизвестно, кто и как вмешается, повернет его судьбу. В хорошую сторону или плохую. И так обстоит с каждым. Тут одна надежда: на веру и людскую доброту. Каждый в этом мире должен быть человеком...

Шамиль вдруг поймал себя на мысли, что если это так, то он должен был принять эту внучку Бэти. Принять и согреть ее своим теплом.

— К чертовой матери! — отмахнулся он. — У меня единственный сын, и он должен быть счастливым!

Уверенность в своей правоте повела работу быстрее, вернулась его всегдашняя бодрость. В мастерскую заглянул Данил, предложил перекинуться в карточки.

Во дворе Шамиля расставили табуретки, зазвенели медяками.

Играли по-стариковски: на кон по пятаку. Через некоторое время к ним присоединился сосед Шамиля — пятидесятилетний, лысеющий Борис.

— Ну что, по двадцать копеек? — предложил он, сыграв несколько партий.

— По-моему, он все наши деньги хочет выиграть, — усмехнулся Данил.

— А как же. Детям-то кушать надо, — отшутился Борис. — Ну что, поехали?

— Поехали. Может, и на мебель выиграю. — Шамиль подмигнул Данилу.

— А тебе зачем мебель? Раз сына женил, беспокоиться не надо. В наше время невесты все приносят.

— Кто женил? — искоса посмотрел Шамиль.

— А что, разве нет? — Борис медленно раскрывал карты.

— Что за жизнь пошла! Не успеешь повернуться, а уже слышишь, что упал.

— Честно говоря, я тоже сначала не поверил. Думаю, не из тех людей Шамиль, чтоб разведенную в дом привести.

— Да, Шамиль не из «тех», только молодежи сейчас любовь подавай, — недовольно ответил старик.

— Эта молодежь напридумает всякую ерунду. Любовь... Месяц прошел — и вся любовь, — усмехнулся Борис. — Мои! — Он потянулся за деньгами и, посчитав, спросил: — С кого еще?

— С меня. Разменяй. У тебя много мелочи. — Данил протянул рублевую бумажку.

— Так что, любовь — это детские разговоры, — философствовал Борис. — Вот любовь! — Он расправил рубль. — Только это любит человек. И больше ничего. Все надоедает, а это нет. Как говорится, все покупается, все продается. Пока я хорошо зарабатываю, со мной за честь считают поздороваться. За спиной, может, плюют, а в лицо чуть не лизутся. Случись что со мной — сразу отвернутся. Вмиг позабудут, что мою водку пили, в моем доме веселились. Такой мир. Рублевый.

— Подожди, Борис, ты вот всему цену знаешь. А себе? — шутливо спросил Данил.

— Какая мне цена? Вот, пожалуйста. — Борис спокойно развернул рубль. — Что поделаешь, такой уж я. Да и другие не лучше. Только цену себе набивают... Не про вас, конечно, сказано.

В небольшой комнате Шамиля и Нади светло. Комната тесно, но уютно заставлена кроватью, старинным овальным зеркалом, шифоньером. Около окна на тумбочке — телевизор. А посередине комнаты как-то умудрился пристроиться стол.

В новый дом пока не перебирались:

Сидя перед телевизором, Шамиль вспомнил девушку с крестиком: на экране шествовали черные толпы со свастиками.

«В ФРГ в более чем шестидесяти пунктах Гитлер является почетным гражданином», — сообщил голос диктора.

— Чтоб они все в гробу сгорели! — сказала Надя, сидевшая подле Шамиля: — Сейчас и так тяжелый мир пошел. Люди и без того калечат друг друга. Однодневный мир пошел. Сегодня ты есть, а завтра — не знаешь...

— Да, — кивнул старик. — Мир пошел тяжелый.

— А люди от войн никак не устанут.

— Война — войной, — медленно проговорил Шамиль. — Но вон какое оружие придумали! Вот в чем беда. Не было еще такого, чтоб человек придумал оружие и не использовал его.

Надя пристально посмотрела на Шамиля:

— Что ты говоришь, старый? Не дай бог! Нам-то что? Мы сегодня есть, а завтра там. Нам-то что? Вот дети...

— Может, все образуется...

— Дай бог! Лишь бы земля была. А то, если с ней что-нибудь случится, то не только живым, а и мертвым плохо будет.

Звякнула калитка. Старуха мгновенно прильнула к окну:

— Идет. Слава богу. В новый дом.

Шамиль качнул головой:

— И признавать не хочет. Ну, ничего. Я выбью из него эти дурацкие штуки.

— Надо по-хорошему... — вступилась Надя.

— Чего по-хорошему? Не видишь, что делает? Ему кнут хороший нужен. Ну иди... «по-хорошему».

Вдохнув, Надя поплелась к новому дому. Несколько мгновений стояла она у дверей, не решаясь заговорить с сыном.

Костя смотрел в ночное окно, заложив руки за спину.

— Сынок, зашел бы, с отцом поздоровался, — решила Надя.

— Уже здоровались.

— Не говори так. Ведь он отец твой. Добра тебе желает.

— Оставьте ваше добро себе.

— Ладно, сынок, ладно, — согласно закивала мать и, вернувшись обратно, безвольно опустилась на стул. — Любит он ее.

— Что-о?! И ты с ним спелась? Я покажу вам «любит»! Повора моего захотели?! Позора?! Я покажу! — Глаза старика остро сверкнули, он метнулся к шифоньеру и начал выбрасывать вещи. Надя увидела в его руках красный мешочек, бросилась к старику.

— Ты что?!

— А ну пошла, дура! — оттолкнул ее Шамиль и выбежал во двор.

Костя стоял у окна, курил. На стук не обратил внимания. Сбросил пепел на пол, ватянулся. Красный огонек сигареты отразился в ночном стекле.

— А ну, повернись! Не скоты перед тобой! — крикнул Шамиль.

Костя нехотя обернулся.

— Ты на кого это плюешь! — хриплым шепотом проговорил старик. — Ты, сукин сын, жизни еще не знаешь. И на все плюешь? Я для этого всю жизнь спину гнул?! Деньги копил?! Этот дом построил?! Или тебе мало этого?! А? Мало?! На! Все бери! — дрожащими руками старик распахнул красный мешочек, достал деньги. — Бери!

— Шамиль! — взмолилась старуха.

— Молчи! Все ему! Это деньги! Много денег.— Шамиль шагнул к дивану, дрожащими руками положил на покрывало три пачки пятидесятирублевых, туго перевязанных накрест.— А теперь пошли! — И, взяв жену за руку, толкнул ее во времянку.

Старуха безвольно опустилась на стул, с удивлением смотрела на Шамиля. Дрожащими пальцами старик разминал сигарету, сгорбившись ходил по комнате.

Со двора послышался громкий стук двери. Четкий, торопливый шаг ударил в ночи.

— Костя! — Надя вырвалась из времянки, неуклюже побежала к воротам, но шаги сына уже затихли.

Надя пошла назад, но тут же снова заспешила к воротам. Остановилась посредине улицы, долго всматривалась в сумерки. Улица была пуста. Лишь где-то над поселком поднималась лихая свадебная музыка.

Старуха, всхлипывая, вошла во времянку.

— Ты зверь! Что теперь будет? Что будет? Ты не человек! Добился своего?!

— Деньги забрал? А? Где деньги?! — выкрикнул Шамиль.

— Тебе только деньги! Ты не человек!

Старик бросился из времянки в дом. В дверях большой комнаты прислонился к косяку: денег на диване не было. Комната смотрела пустыми глазницами окон. В открытую форточку заплывала далекая музыка.

9

Первые минуты после побега из дома Костя не чувствовал тяжести мешочка с деньгами. Молодой разгоряченный мозг все еще был там — в комнате нового дома.

«Купить захотели! — душила обида.— Я покажу им... деньги!»

Он шагал быстро, твердо впечатывая шаг, словно спешил, торопился к чему-то важному. Потом, когда начала остывать душа, он увидел, что над ним звездное небо, и он идет по освещенной фонарями улице. Костя пошел медленней и теперь уже ощутил вес красного мешочка. Он взглянул на него: ведь в руках куча денег! Много денег!

Но вдруг понял, что это «много», хотя и находится в его руках, вовсе не принадлежит ему. Он бесцельно бродил по ночному поселку, сторонился одиноких прохожих.

Незаметно для себя оказался у дома Ланы. Окна были темны. Костя вошел во двор Ильи, закурил, выжидаяще посмотрел на дом Ланы.

Соседи старика уже, наверное, давно спали, и нужно было что-то делать. Возвратиться домой? Нет, возвращаться ему не хотелось. «Заночую у старика», — решил Костя. Он поднялся на ступеньки.

На двери висел замок-гирька. Костя прошел к окну, попробовал открыть, и оно подалось. Через низкий подоконник легко пробрался в дом. Держа мешочек в руке, чиркнул спичкой. Язычок пламени лизнул темноту, рассеял по комнате полумрак.

Вдруг по телу пробежал холодок, сердце замерло и громко забилося. У кровати старика, сверкая белками глаз, сидел человек.

«Мока!» — узнал Костя. Пламя спички обожгло пальцы. Он дернул рукой, зажег новую спичку, облегченно вздохнул.

— Ну и напугал ты меня!

Мока сидел на старой шинели и смотрел на ночного гостя.

Костя нашел на стене в коридоре выключатель. Свет маленькой лампочки осветил комнату.

— Так будет лучше. — Костя по-хозяйски прошелся по дому, закрыл окно и опустился на табурет у окна.

В комнате стоял полумрак, но все виделось отчетливо. Сверкали внимательные глаза Моки.

— Охраняешь? — усмехнулся Костя, бросив взгляд по комнате — Молодец!

Он посмотрел на красный мешочек, лежавший на столе, придвинул к себе. Хотелось снова потрогать три тугие пачки пятидесятирублевки. Он достал их, ровным рядом выстроил на столе.

Мока узнал вещи старика, тревожно выпрямил спину.

— Что, дружок, не знаешь, что это такое? — усмехнулся Костя. — Это деньги. Много денег! Понимаешь: много! Знаешь, что можно сделать на них?! — Он вдруг умолк, представляя, что бы сделал, окажись эти пачки его собственными. Увиделась новенькая машина, путешествия по берегу моря, девушки, музыка. «А ведь это может быть и на самом деле! — дрогнуло сердце. — Ведь отец отдал их мне... Только одно согласие... и тогда я буду иметь все, что захочу!»

Напряженный полумрак стоял в доме.

— Ты понял, дружок?! — заговорил он с Мокой. — Одно слово, и это все — наше. На-ше!

Он оглянулся на дом Ланы и приятельски продолжил:

— А что? Если подумать, что, красивых девушек нету? Миллион. А Лану я все равно буду любить, если даже и женюсь, как хочет отец. А там...

Да, так он и сделает. Он придет к отцу и выполнит его желание. Старика надо сделать счастливым. Пусть радуется. Кто знает, сколько ему еще осталось. Можно было бы пойти и сейчас, думалось Косте, но лучше подождать до утра. Пускай не думает, что он так сразу и согласился.

Теперь для Кости все было легко и ясно. Он даже повеселел, подошел к Моке, дружески хлопнул по плечу:

— Все будет — высший класс!

Мока беспокойно отпояз в сторону.

— Да ты не бойся. Я в этом доме свой человек.

Костя расправил постель, не раздеваясь, нырнул под одеяло. Мешочек с деньгами положил под подушку.

— Ну, танкист, отбой! — скомандовал он Моке.

Тревожной и страшной была та ночь для Шамиля и Нади. Они обошли весь поселок, с надеждой и отчаянием стучали в дома своих близких и друзей Кости. Но его нигде не было. Старики обзвонили ГАИ, милицию, «Скорую помощь». Не зная, что предпринять, возвратились домой.

— Не переживу я этого. Не переживу. Хоть бы знать, что ничего не случилось! — стонала старуха, покачиваясь на табурете. — Все погубил! Все погубил!

— Молчи! Молчи! — отмахивался старик. — Я сейчас пойду к этой...

Он вышел из дома.

Стояла густая летняя ночь.

Шамиль торопливо зашагал по безлюдной улице, отгоняя от себя мрачные мысли, но отогнать не мог. Он поднял глаза к небу.

— Господи! Что ж я натворил! — И почувствовал себя беспомощным и одиноким...

Перед воротами Бэти Шамиль в нерешительности остановился, поднял кулак, чтоб постучать, но, взглянув на калитку Ильи, вошел в его двор. Увидел, что переднее окно распахнуто, замер и с тревогой в сердце подошел ближе.

— Кто здесь? — спросил старик и повторил с угрозой: — Кто здесь?

К окну подошел человек. Шамиль привалился к стене дома.

— Сын мой! — выдохнул он. — Сын!

Он никогда еще в жизни не был так счастлив.

Над головой мерцало звездное небо. Еще несколько минут назад, чужое и враждебное, теперь оно празднично играло звездами.

«Все ерунда! Все на свете ерунда! И деньги, и дворцы, и всякие наследства, и еще другая чушь. А если и есть бесценное наследство, то это — мир: эти звезды, солнце, земля. Все остальное чепуха», — ощутил душой старик.

— Что же ты, сукин сын, так родителей пугаешь? — проговорил он и с нарочитой угрозой в голосе приказал: — А ну, давай вылезай оттуда. Мать места себе не находит.

— Ты чего так кричишь? — отозвался Костя.

— Чего, чего!.. — с упреком повторил Шамиль. — Вылезай. Деньги не успел пропить?

— Да нет. Под подушкой они.

— Небось уже в миллион превратились...

— Их и так много. — Костя подошел к постели.

— Что много, то много, — хмыкнул Шамиль. — Хватило бы, чтоб сразу несколько человек угрохать, — но увидев, что Костя беспокойно заматался у кровати, упавшим голосом выдал: — Что?

— Здесь были...

— Деньги! Где деньги! — закричал старик и кинулся к сыну. — Где деньги, сволочь?

Он быстро включил свет. Обнажилось перевернутое нутро комнаты.

Костя еще раз прощупал подушку, сбросил матрац, заглянул под койку, медленно поднялся.

— Я их под подушку положил. Я же хорошо помню, — винозато произнес он.

Руки Шамиля впились в рубашку сына.

— Я убью тебя! — тихо сказал он.

— Я же сюда их положил... — растерянно повторил Костя. — Еще этот видел... Мока.

— Мока?! Где он? — Старик бросился к окну, потом быстро вернулся, прошел во вторую комнату, рванул на себя сундук, отнял от пола короткую половицу и прощупал тайник.

Денег не было.

Наступило утро. Солнце горело в праздничной синеве майского неба. Птицы легко и свободно купались в нем, точно рыбы скользили в море.

Мока бродил по семеновскому двору, подошел к заброшенному саду. Опустился на свежую, нетоптаную траву и увидел на гибкой травинке сверкающую, готовую вот-вот скатиться, жем-

чужную росинку. Мока протянул к ней руку, но ладонь замерла. Долгую секунду смотрел на росинку, потом вытянулся на земле; приминая траву щуплым телом, перекатился с боку на бок, наслаждаясь теплом густого солнца и влажной прохладой земли. Потом поднялся. С чуть намокшей от росы рубашкой, в помятых коротковатых брюках зашлепал к стволу старой спиленной груши. Устроился на шершавом стволе у колодца и долго смотрел на рабочую рубашку Ильи, которая так и осталась здесь после того, как старика увезли в больницу. Мока поднял рубашку, прижал к лицу, почувствовал запах Ильи. Потом вернулся к стволу груши, прислонил к нему голову и задремал.

Ржаво заскрипела калитка. Мока вскинул голову, узнал Власа.

— Вот и компания будет! — Влас подмигнул Моке, достал из-за пазухи бутылку вина.

Устроился рядом, вытащил из кармана помятую пачку «Астры», огрызок замусоленного пряника и потер ладони.

— Я пью без тостов,— повернулся он к Моке.— Но когда со мной рядом божий человек, грех не сказать пару слов.— Он поднял бутылку.— В этот солнечный день я хочу выпить за твоё здоровье, Мока. Ибо ты людская душа и совесть... А все остальные — Шарики. Одни лучше, другие хуже, одни побогаче, другие победнее. Итак, за тебя, Мока! Амины!

Влас выпил и сразу повеселел. Опустошив бутылку, опьянел, покачиваясь, побрел в глубину сада и завалился в тени деревьев.

Мока опустил голову.

Весь день пробыл он в семеновском дворе, сидел у колодца, возился с дворнягами, подолгу рассматривал траву и деревья.

К вечеру, зная, что Лана должна возвращаться с работы, зашел в старый покосившийся домик, вынес красный мешочек и направился к остановке троллейбуса.

Прошедшая ночь и день бесплодных поисков Моки измотали стариков, и они устало сидели в зале нового дома.

Хотя теперь можно было успокоить свою душу — деньги ведь

пропали потому, что их украл Мока,— старик знал, что Илья не выдержит такой беды, и тогда смерть давнего товарища так или иначе будет на его совести.

Угадав мысли мужа, Надя устало произнесла:

— А кто ж виноват, что Илья не поверил своим родным и дельцы поручил спрятать тебе.

— Кто виноват? — отозвался Шамиль.

Он вспомнил уже, в который раз, тот вечер, когда после сердечного приступа Илья позвал его к себе и, показав тайник, попросил: «Если что — сохрани для сына». Но говорить об этом жене ему не хотелось. Он взглянул на Надю, устало повторил:

— Виноват! А кто виноват, что я не поверил своему сыну... А кто виноват, что никто и ни во что и никому не верит? — Шамиль умолк, выглянул в окно: тихо и сонно было в мире, лишь изредка доносился шум автомобилей, равнодушно и спокойно было небо, равнодушно и спокойно плыли облака.

«Если этот мир и был придуман для кого-то, то только не для человека», — нечаянно подумалось старику. Он поднялся и вышел на улицу. Осмотрел свою мастерскую, и она показалась ему заброшенной и никому не нужной.

— Добрый день, отец мой! — послышался за спиной бодрый голос.

Шамиль повернулся. Перед ним стоял подвыпивший Влас. Старик хмуρο кивнул на его приветствие.

— Как поживаешь? — спросил Влас.

— Поживаю.

— Ты что-то невеселый, отец мой. Дела не идут?

— Ты лучше о своих делах подумай.

— А что мои дела? Мои дела, сам знаешь какие: выпил — сдал бутылки, сдал бутылки — выпил... Может, на стаканчик найдется? Душа горит.

— Иди-ка ты своей дорогой, парень! — нехотя отозвался Шамиль.

— Ну ладно, не обижайся. Эх, как душа горит! — Влас неожиданно вскинул руки, забарабанил по груди сначала медлен-

но, потом быстрее и быстрее и закружился в каком-то диком танце перед мастерской, по-цыгански хлопал себя по ногам, груди, бросал руками и выкрикивал в такт движениям:

— А-ах, луна! Ночь, сатана! Оп! Оп! Змея, дом, глаза, потоп! Эса! Эс! Жизнь, бутылка, темный лес! Эй, туда-сюда! Эх! Голова моя седа! — выкрикивал он, иступленно стуча каблуками по асфальту: — Эй! Быстрей! Быстрей! Быстрей! Кровь, капуста, решето! Давай! Давай! Вилка, ножик, бомба, пушка! Барабан! Ураган! Эх! Еще! Еще! Еще! Люди, деньги, колесо! Гони! Судьба! Гони! — Влас запыхался, опустил на пятки.

— Послушай! — мелькнула догадка у старика. — Ты случай, но Моку не видел?

— Видел, а почему не видел.

— Где?!

Влас посмотрел долгим взглядом и попросил:

— Стаканчик нальешь?

— Я тебе сто стаканов налью. Где видел Моку?

— Договор дороже денег. Он сегодня целый день в семеновском дворе был, на колодце.

Шамиль быстро зашагал по улице. За ним поплелся и Влас.

У колодца Моки уже не было. Старик вспомнил о сестрах Ильи и направился к старшей.

Влас шел сзади.

— К тебе случайно Мока не забредал? — спросил старик у Мады.

— Гаденыш этот?.. Нет, — ответила Мада, пытливо поглядывая на старика мышиными глазками. — А что-нибудь случилось?

«Да. Он деньги Ильи утащил», — хотелось ответить Шамилю, но он только вздохнул.

— Ничего не случилось, — и пошел к воротам.

— Шамиль, а может, с Ильей? — спохватилась Мада.

— Да нет, — на ходу бросил он и вышел на улицу.

— Ну что? — с надеждой посмотрел Влас.

Шамиль не ответил, пошел к центру Поселка.

Через некоторое время из калитки вышла Мада, озабоченно посмотрела по сторонам и двинулась за Шамилем и Власом.

Лана заканчивала смену.

— Ну и как там? — кивнул старичок на кардиограмму, застегивая рубашку.

— Врач скажет сама. Должно быть, все нормально.— Лана свернула бумажную ленту.

— В нашем возрасте одно нормально — дома сидеть,— благодушно улыбнулся пациент.— А мы вот бегаем, лечимся..

— Ну и правильно. Жизнь, она в любом возрасте — жизнь: молодой ты или не молодой,— улыбнулась Лана.

— Спасибо, доченька. Но старость есть старость. Штука невеселая. Тут уж никуда не денешься. Старость — дорогое украшение, да и то, если она хорошая. Так что пользуйся молодостью. Будь счастливой. Жизнь — она коротенькая. Человеку некогда быть несчастливым. Ну ладно, доченька, не буду мешать. До свидания.

В дверях он еще раз посмотрел на Лану и кивнул на прощание.

Лана закрыла журнал. На сегодняшний день это была последняя кардиограмма. Смена закончилась. По обыкновению, Лана навела в кабинете порядок. Закрывая ящик стола, вспомнила о перстне Амбросия, который сдала в комиссионку, чтоб хоть немного помочь Яну.

Вспомнились слова Мады: «Если бы... вдвоем нашли деньги», и стало неприятно. Подумалось об Илье. Она сегодня хотела поведать старика, узнать про деньги, но пожалела его: а вдруг и вправду деньги уже не найдутся.

Лана смотрела в окно. Пышный клен замер у самых стекол, в открытую форточку долетало щебетанье птиц.

«Человеку некогда быть несчастливым»,— вспомнились слова старичка. Лана подумала о предстоящем остатке дня, и, оттого что некуда было спешить, предстоящий вечер показался тоскливым.

Она достала из сумочки разорванную цепочку талисмана и подумала о Матвее. «Надо зайти, может, исправит»,— решила она и поехала в город.

Ювелирная мастерская находилась на первом этаже высотного здания. Это был светлый, большой зал, разделенный на две неравные части деревянной перегородкой. Меньшая часть предназначалась для клиентов, во второй стояло два ряда столов-верстаков.

Склонившись над маленькими тисками, Матвей резал по перстню тонким, как скальпель, ножом, быстрым движением заносил острое в рот, точно что-то оставляя на языке. Лана с интересом наблюдала за его движениями.

— Девушка, вам кого? — спросил один из мастеров, сидевший за первым верстаком, и покосился на Матвея: — Прокурор, у тебя кажется новое следствие?

— Двадцать лет «строгача», — пообещал Матвей и подошел к перегородке: — Здравствуй, Лана. У тебя какое-нибудь дело?

— Да. Цепочка у меня порвалась. — Она открыла сумочку и протянула талисман.

— Ничего страшного. Вылечим. Вещь, видно, старинная. — Матвей оглядел цепочку. — Сделаем!.. Как Ян поживает?

— Работает. Целыми днями из-за стола не выходит... А когда зайти?

— Когда? — прикинул Матвей. — Минут через двадцать. Устроит?

— Конечно.

Матвей рассмотрел талисман. Нужно было запаять место разрыва. Работы на пять минут.

Сложив инструменты, он закрыл сейф, вышел из мастерской. Неслись по улице автомобили, шли по зеленому тротуару прохожие. Матвей посмотрел на свою машину. Белая «Лада» стояла у бордюра в тени каштана. Он побренчал ключами и увидел Лану.

— Вот. Вылечили твой талисман.

— Спасибо. — Лана взяла цепочку и вопросительно посмотрела на Матвея. И он понял, что она не решается спросить о плате.

— Если ты домой, я подвезу. —
— Как мне тебя отблагодарить? — спросила она.

— А ты уже отблагодарила, тем, что принесла его ко мне. Ну что, поехали?

— Поехали. Заодно и на дороге сэкономлю, — улыбулась Лана.

Сели в машину.

Впереди у светофора Матвей притормозил: вспыхнул красный свет. Матвей перешел на «нейтралку», включил магнитофон. От вспыхнувшей мелодии салон и все вокруг показалось праздничным.

— Какую езду любишь, медленную или быструю? — спросил Матвей.

— Не знаю. Я почти не езжу на машинах. Разве что на такси. Да и то редко. — Лана озорно откинула на плечи пряди волос. — А вообще, наверное, быструю.

— Ну и отлично. Если не торопишься, можно показаться...

— Вообще-то я не спешу.

Когда проезжали мимо рынка, Матвей остановил машину, купил черешни, клубники, протянул Лане сверток.

— Немытые, правда... — сказал он. — Но ничего...

— Конечно. Все это мелочи жизни, — отозвалась Лана.

Выехали из города. Лана смотрела на пробегающие поля, стройные ряды тополей. Приятно обволакивала музыка, и Лане казалось, что она находится в совершенно другом мире. Вспомнилось замужество, один из вечеров, когда после чьей-то свадьбы ревновавший ко всем ее красивый и интеллигентный на людях муж избил, избил беременную. В ту же ночь Лана оказалась в больнице, родила мертвого ребенка. Девочку.

Из больницы Лана вернулась в родительский дом. А семья мужа пустила клевету: больная, нельзя рожать.

Сейчас все казалось далеким, и невероятным. И ей нравился этот уходящий день, музыка, присутствие Матвея, его ранняя седина.

Они проехали небольшой, с деревянными перилами мост, свернули с трассы к извилистой речке. Вдоль берега клонились к воде грустные ивы, сбегали молодые дубки.

— Подышим? — предложил Матвей.

— Можно!

Лана прошла к берегу, кивком разметала волнистые пряди. Стояла тишина, мягко шелестела река.

Лана скинула туфли, улыбаясь, с непривычки поднимаясь на носки, прошла по траве.

— Босиком так босиком, — последовал ее примеру Матвей.

Они рассмеялись.

— У тебя жена красивая была? — спросила Лана.

— Почему была? Мы сошлись...

Лана выбросила зеленый хвостик клубники.

— Любишь?

— Наверное, но это другая любовь.

— А любовь бывает одна! Остальное — страсть.

— Тогда требуется проверка, — улыбнулся Матвей. — Как иначе узнаешь: любовь или страсть...

— Да, конечно, вам, мужикам, только и подавай эксперименты.

Они рассмеялись.

— Пошли к реке, — предложила она.

— Пойдем.

Осторожно ступая по ершистой траве, Лана представила себя со стороны и рассмеялась:

— Я, наверное, выгляжу как цапля. Непривычно босиком.

— Да и я тоже.

Они встали у воды.

— Хорошо здесь. Красиво, спокойно. Нарисовать бы все это. — Лана смотрела на противоположный берег, на плакучие ивы, летний лес.

— Да, мир красив. Но чем красивее он, тем страшнее... Люди уже давно перестали чувствовать себя миром. Осознанный разрыв. Да ладно, бог с ним. Хочешь еще клубники?

— Давай.

Матвей поднес к ее губам ягодку, словно кормил ребенка.

Маленькая капля сока красной росинкой осталась на губах.

Матвей наклонился к Лане, но она приложила палец к его губам.

— Если не хочешь оскорбить меня, не надо.

— Я не виноват, что ты красива,— отшутился он.

Лана посмотрела на вечернее небо:

— Поедем, Матвей.

Машина легко шла по трассе.

— Хочешь, расскажу, как цепочка порвалась?

— Расскажи.

Слушая Лану, Матвей вспомнил сестер Ильи.

— Таких стрелять надо. На месте. Без суда и следствия,— сказал Матвей и добавил: — А ты смелая.

— Приходится.

— Ничего, мы им так не оставим.

— Да бог с ними.

— Ладно. Сегодня объявляю всем амнистию... Ради тебя.

— Ну спасибо,— она посмотрела в окно.— Загадка жизнь,— негромко, словно для себя, произнесла Лана.

Матвей улынулся:

— Кстати, о загадках. Однажды я двух парней встретил. Незнакомые. Один другому загадал. До сих пор из памяти не уходит: «И не подаришь, и не отнимешь, и не купишь, и не продашь».

— Отгадал? — Лана откинулась на спинку кресла.

— Нет. Сколько голову ни ломал — не отгадывается. А потом я понял — бесполезно: если даже и отгадаю, все равно не

буду знать — правильно или нет. Ответа же я не знаю. Потом я понял другое: жизнь тоже так, отгадывай, не отгадывай, — бесполезно. Все равно пока тот, кто загадал, ответа не скажет, так она и будет загадкой.

Лана улыбнулась:

— А может, и не надо ее разгадывать?

— Может, и не надо. Но пока есть боль, смерть, пока есть завтра, люди будут разгадывать.

— Хороший вечер... — сказала Лана. — Жаль, что уже приехали. Останови где-нибудь здесь. К дому не надо...

Матвей притормозил. Перед расставанием секунду помолчали.

— Ну ладно, спасибо тебе. Пойду.

— Может, посидим где-нибудь? — предложил Матвей.

— Когда-нибудь, может быть, — Лана улыбнулась и пошла по тротуару, оглянувшись, махнула рукой.

Уже спокойной становилась трасса, быстрые автомобили все реже неслись по ней, и троллейбусы подходили с большими промежутками.

Лана не приходила.

Мока поднялся и пошел от остановки. Красный мешочек свисал с его руки, постукивал по колену.

Он и не ведал, что значили эти бумажки, которые прошедшей ночью Костя выложил на стол. Для Моки это были просто вещи старика, которые должны были принадлежать только Илье. Мокка не знал, сколько времени придется ему носить этот красный мешочек, да и не было в его детском сознании понятия времени.

Мокка шел к дому Ильи, опустив разлохмаченную голову. Обогнул переулок, увидел в окне высокого дома женское лицо с жестким немигающим взглядом и беспорядочно свисающими прядями седых волос.

Мокка остановился, долгую секунду смотрел в этот выслежи-

вающий взгляд. Лицо в окне качнулось, губы что-то забормотали.

— Мока — сын бога! — вдруг ударил со спины детский дразнящий голос.

— Мока — сын бога! — повторило разом еще несколько голосов.

Мока оглянулся. Мальчишки метрах в семи корчили рожицы:

— Мока — сын бога!

Мока оставил их и снова посмотрел в окно дома. Вдруг кто-то из детей, подкравшись сзади, вырвал из его руки мешочек. Мока замер, протянув ладонь, шагнул к мальчикам. Но те отбежали с хохотом, перебрасывая мешочек из рук в руки.

Кто-то открыл его, вытянул пачку пятидесятирублевых.

— Ура! Деньги! — закричали мальчишки и, бросив мешочек, стали развязывать плотную пачку.

Мока успел поднять мешочек, прижал к груди. На улице стал собираться народ. Мальчик с деньгами подбросил часть пачки, и банкноты разлетелись по воздуху:

— Собирайте деньги! — кричал радостно он и снова, бегая по кругу, подбрасывал купюры.

Пачка денег размером с календарь мгновенно растаяла, и сотни пятидесятирублевых, как опавшие листья, рассеялись по асфальту. Подошедшие мужчины и женщины удивленно смотрели на деньги, на Моку, сначала с неловкой улыбкой, но потом, уже входя в азарт и не замечая друг друга, стали хватать купюры. Мелькали руки, горели глаза. В этот круг пробралась женщина с седыми прядями и, упав на колени, стала жадно сгребать деньги. Она собирала их, прижимая к груди, закрывала сумасшедшие глаза и бормотала:

— Мои! Мои! Я знала, что найду!

К этой толпе приближались Шамиль и Влас. Старик увидел Моку, рассеянные по асфальту деньги, ползающих людей и ужаснулся.

— Стойте — крикнул он, пытаясь остановить толпу — Стойте! Мада, следившая за стариком, вдруг поняв все, бросилась к деньгам:

— Это деньги Ильи! Это деньги Ильи! — Она принялась хватать купюры, отбирала их у других: — Это деньги Ильи! — горели ее глаза.

Мальчишки стояли в стороне и весело смотрели на взрослых.

— У него еще есть! — крикнул кто-то, показав на Моку.

Мада замерла. Видя, что Мока стал отходить, крикнула:

— Держите его! Держите! Шамиль, чего ты стоишь? Отбери деньги!

Старик опустил голову.

— Держите вора! — кричала Мада. — Вор!

Вдруг раздался пронзительный женский крик, и все стихло. Мока медленно оседал к земле. Лицо его было залито кровью. В сторону убегали дети. Мока упал на колени, возле камней у обочины.

Влас бросился к нему, подставил руку.

— Дружок, подожди, дружок! — Он утирал Мокино лицо, но кровь не переставала литься из раны на голове.

— Деньги! Я знала, что найду! — прижимала к груди купюры женщина с сумасшедшими глазами.

— «Скорую»! — потерянно шептал Влас. — «Скорую»! — закрывал он рану. — Кто-нибудь, вызовите «Скорую»! — крикнул он.

Толпа плотным кольцом стояла над ним и Мокой. Рядом остановилась машина. Вышел Матвей. Кольцо людей разомкнулось.

Матвей, увидев окровавленное лицо Моки, крикнул:

— Влас, в машину!

Качнулась из стороны в сторону седая голова Власа, он опустил Моку на асфальт и схватился за голову.

— Господи! Как же это?! Как?!

Матвей приподнял липкую от крови голову Моки. На залитом кровью лице застыли светлые зеркальца глаз. В зрачках отражалось умершее небо.

Матвей стиснул зубы, пытаясь удержать слезы, поднял на руки легкое тело Моки и с трудом, словно непосильную ношу, понес его по заполненной людьми, улице.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Строители	3
Часть вторая. Наследство	75

Иосиф Александрович МИГИРОВ

ТАЛИСМАН

Ответственный за выпуск **В. Кирюшин**

Редактор **И. Митрофанов**

Художественный редактор **Г. Комаров**

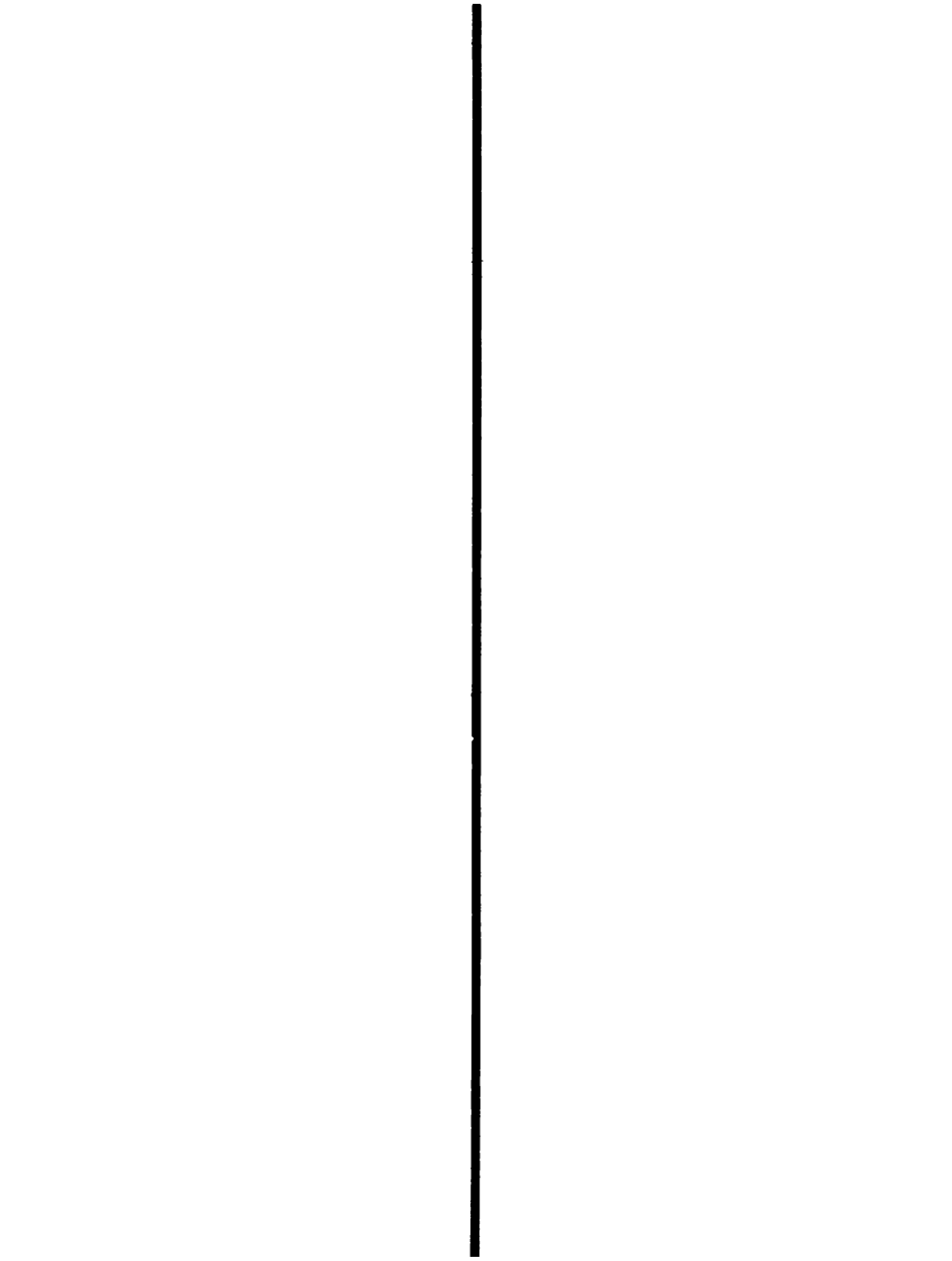
Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **Г. Замилова, И. Ларина**

Сдано в набор 04.09.88. Подписано в печать 11.03.88. А 02996. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 6,82. Учетно-изд. л. 7,3. Тираж 75 00 экз. Издат. № 188. Заказ 7—352. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМУ «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

45 коп.

Молодая гвардия

